

Д. Г. Дмитриева
Ю.С. Скубко

**ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ
СЕРГЕЯ СКУБКО
И ЛЮДМИЛЫ СКУБКО-КАРПАС**

Настоящее издание продолжает серию публикаций о творческом наследии художников, начатую альбомом «Людмила Скубко-Карпас. Рисунки мастера», М. 2015, «Живопись-Инфо 2010»

**Людмила Львовна
СКУБКО-КАРПАС**
(1923–2012)

Родилась 13 апреля 1923 г. в Петрограде. С 1924 г. всю жизнь прожила в Москве, за исключением трех лет эвакуации на Урале (1941–1944) и семи лет жизни и работы во Франции (Париж, 1990–1997). Продолжала и развивала традиции русской классической живописи, советского импрессионизма, сохраняя верность заложенной еще в юные годы манере писать и рисовать только с натуры. Людмила Скубко-Карпас прошла долгий путь в искусстве. В 30-е годы училась в детских студиях при училище Памяти 1905 года и музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в студии ВЦСПС у Г.К. Дорохова. В 1944 г., вернувшись из эвакуации, поступила в Московский институт декоративно-прикладного искусства. В 1947–48 гг. брала частные уроки у Роберта Фалька. Перешла в МГХИ им. В.И. Сурикова, который окончила в 1952 г. (мастерская академика Г. Рязского). Член Московского союза художников (секция живописи) с 1957 г.

За восемь десятилетий творческой деятельности создала богатую галерею портретных образов, которые отличаются филигранным мастерством воплощения, тонким психологизмом, умением художника почувствовать и передать душевный и духовный мир человека.

Людмила Львовна больше всего ценила чувство, воздушность и верность цветовых решений. В последние десятилетия много работала пастелью, реализовав в этой технике импрессионистские начала своего мастерства в богатейшей, но как-бы размытой, подернутой легкой дымкой цветовой гамме городских и сельских пейзажей и целого моря цветов. Работы Л.Л. Скубко-Карпас отличаются высокой художественной культурой и безупречным вкусом. Отдельную страницу творчества художника представляют рисунки, прежде всего запоминающиеся, неповторимые детские образы, мастерски исполненные наброски и глубокие портреты современников. Рисункам этого выдающегося мастера посвящен первый альбом.

Работы художника находятся во многих музеях, галереях и частных собраниях в России и за рубежом – Англия, Италия, Испания, США, особенно много их во Франции.

Также о творчестве художника см. на сайте www.skubkocarpas.ru, где, наряду с работами, размещен фильм Л.А. Лисенковой и Ю.С. Скубко «Московские художники Людмила Скубко-Карпас и Сергей Скубко».

Lyudmila Skubko-Karpas
(Lioudmila Skoubko-Karpas)
1923–2012

Born in 1923 in Petrograd (St.Petersburg). Died in Moscow in 2012.

Lived in Moscow since 1924 with the exception of 3 years of war-time evacuation to the Urals (1941-1944) and 7 years of life in Paris, France (1990–1997)

Developed traditions of Russian realistic fine art and Soviet impressionism

Exhibited mainly works in oil and pastel, her prolific, mainly pencil drawings were practically unknown up to now.

Started drawing and painting in childhood. Her masterpiece “Head of an elk” charcoal drawing, 1933, is a work of a 10-year child.

In 1947-48 studied in a private studio of Robert Falk, whose lessons helped her become a subtle colourist. Academic education: V.I. Surikov Moscow State Artistic Institute (class of G. Ryazsky) graduated in 1952 Her diploma “Детская радиопередача” (“Child broadcast”), 1952, was exhibited in socialist countries of Eastern Europe a best diploma work. Married to another painter, Sergey Skubko (1948), gave birth to two sons – Yury (1953), Alexey (1958)

Among some interesting expositions:

In 1974-1978 participated in group expositions by most talented women-artists in the Moscow House of Writers (famous MASSOlit from Bulgakovs “Master and Margareth”)

1991, 1993 participated in Salon d’Automne (Paris)

1995 Personal exhibition in Karnegy foundation Centre in Moscow

2013 Memorial exhibition in Tverskaya-Yamskaya, 20 Art Gallery of Moscow painters

Hundreds of paintings compose a rich creative heritage of the artist, disposed in museums, art-galleries and private collections in Russia and abroad (especially France). The album dedicated mainly to oil works of Lyudmila Skubko-Karpas and Sergey Skubko and a large part – to pastels of Lyudmila Skubko-Karpas.

Д.Г. Дмитриева
Ю.С. Скубко

Из творческого наследия московских художников
Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас

•

From the art heritage of Moscow painters
Sergey Skubko and Lyudmila Skubko-Karpas

Москва
2016

УДК
76(470)(084)

ББК
85.153(2)6я6

Д93

ISBN 978-5-9903389-4-4

**Из творческого наследия московских художников
Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас**

ООО «Живопись-Инфо 2010»

Москва, 2016
Альбом, 152 с. иллюстрации

© ООО «Живопись-Инфо 2010»

© Юрий Скубко

© Дарья Дмитриева

Стр. 3: Л.Л. Скубко-Карпас. Девочка у окна мастерской. К., пастель. 1986

Обложка, 4 стр. : Л.Л. Скубко-Карпас. Урок музыки. Х. м. 1969

Содержание

Лирика памяти: Художественный мир Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас	4
О родителях и не только	8

Приложение

Презентация альбома рисунков Л.Л. Скубко-Карпас	48
В искусстве – бессмертие души	52
Воспоминание о Людмиле Скубко-Карпас	54
Сергей Михайлович Скубко	56
Воспоминания о С.М. Скубко	58
Как я стал коллекционером	60
Феодальное королевство	62
Сергей Михайлович Скубко. Живопись	67
Людмила Львовна Скубко-Карпас. Живопись, графика	83

Д.Г. Дмитриева
Ю.С. Скубко

Из творческого наследия московских художников Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас

Дарья Георгиевна ДМИТРИЕВА
Кандидат культурологии, искусствовед, преподаватель.
Директор культурного центра Пунктум.
Член Ассоциации искусствоведов (АИС)

Лирика памяти:

Художественный мир Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас

Что такое память, данная нам в образах? В образах детства, родного города, любимого дачного дома... в образах послевоенной страны, голодных беженцев, речах вождей... В образах иммигрантского Парижа 90-х годов... жаркого юга России... Что есть память художника и что есть память о художнике?

Нас окружают вещи, которые несут на себе печать времени, это наше наследство, которое мы бережно принимаем из рук прошлого. Но есть особый тип отношения с историей, когда прошлое приходит к нам в виде творческого наследия – подобная судьба часто становится и ношей, и долгом детей художников. Так случилось с Юрием Скубко, оба родителя которого были талантливыми представителями советской школы живописи, и сегодня их старший сын, искусствовед и исследователь Африки, является хранителем их творческого наследия, охватывающего более полувека истории семьи и страны.

Л.Л. Карпас. Голова лося. Б., уголь. 1933

Л.Л. Скубко-Карпас. Вид из окна мансарды на площадь Гар де л'Эст в Париже. к.пастель. 1982.

В квартире Юрия на Верхней Масловке, в старом районе, в котором когда-то проживало множество художников, нет ни одной комнаты, в которой бы не было работ матери и отца. Множество рисунков, живописных полотен, набросков, зарисовок и репродукций покрывает стены от пола до потолка. Вот работа матери, которую она нарисовала в свои десять лет («Голова лося»), вот ее поздние пастели, живые и яркие, вот ностальгический вид с балкона в Париже, вот пейзаж работы отца. Он рассказывает про картины родителей и в то же время живет ими, этой памятью, которая, будучи очень личной, в то же время переплетается со сложной и крайне противоречивой историей целой эпохи, памятью о повседневной жизни отдельно взятой семьи художников,

их сложностей отношений с властью и миром, компромиссами, которые навязывало время, и в то же время очень ясным взглядом на вещи.

Данный альбом – попытка свести воедино все эти линии и создать целостное представление о семье Скубко-Карпас, на страницах книги звучит сразу множество голосов: друзья и знакомые, коллекционеры, но в центре всего – трио: отец, мать и старший сын. Попытаемся и мы прислушаться к этим голосам, чтобы приобщиться творческому пути художников Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас.

*Л.Л. Скубко-Карпас. В оккупации.
К., пастель. 1965.*

Вот заказ, выполненный совместно мужем и женой – работа «В оранжерее МГУ» (Стр. 9) и фотография, где оба стоят перед ней или ее вариантом; вот картина «Помогают больной подруге» 1956 года, написанная Людмилой по заказу, который был получен Сергеем (стр. 10). Обе работы – яркие примеры соцреалистического искусства: нам представляется советская действительность как некая утопическая программа, уже осуществляемая в каждом доме, в университете... везде. Сегодня такие работы воспринимаются потомками как память о несбывшейся коллективной мечте. Каждый такой выполненный заказ художественного комбината – это идеологическое окно в историю. Идеологическое потому, что создание нового мира – это задача и художе-

ственная в том числе, этот мир уже должен существовать на полотнах, а художник должен его не только видеть, но и показывать, даже если вокруг «пока что» все выглядит иначе. Или выглядит так, но реальность совсем иная, как получилось с пастельной работой «В оккупации», которую Людмила Скубко-Карпас писала по воспоминаниям о голодоморе, что, конечно, не вписывалось в официальную идеологию.

Но вернемся к идеологии и ее вождям – вот Ленин в кабинете (с. 28), вот «В.И. Ленин в вагоне поезда на пути в Петроград в апреле 1917 г.» (с. 22). Сотни и тысячи художников рисовали подобные вещи, оформляли кабинеты известных ученых и врачей, дворцы съездов, залы заседаний. Когда ругают соцреалистическое искусство, часто забывают, что это был единственный официальный способ финансового выживания для художников в то время. Многие писали на заказ, как бы отмахиваясь, халтуря, а в оставшееся время писали «для себя». Но живописец остается живописцем, даже если пишет портрет вождя, отношение к которому не столь теплое, как хотелось бы заказчикам. По меткому выражению Юрия Скубко, мать «невольно очеловечивала бесчеловечное» на портретах вождей. Речь идет, прежде всего, о совместной работе «В.И. Ленин в вагоне поезда». Этим и отличаются мастера от дилетантов. Людмила и Сергей Скубко могут любить или не любить Владимира Ильича, но на их мастерстве это не может сказаться никаким образом.

Действительно, если Сергей Скубко в основном остается верен пейзажу, написанному ярко и достаточно жестко, то Людмила Скубко-Карпас – прежде всего портретист. Об этом много сказано и сыном, и другими искусствоведами. Ее портреты точны и крайне выразительны (см. например «Перекур» с. 11, «Женский портрет» стр. 17 и другие), но нам в свете нашего разговора о памяти хотелось бы обратить внимание на детские портреты, которые Людмила Скубко-Карпас создавала всеми возможными материалами – маслом, карандашом и, конечно, пастелью, своей любимицей среди материалов. В одном из репортажей о художнице, Елена Юрьевна Павловская (председатель выставочной комиссии товарищества живописцев МосХА), открывающая ее персональную выставку в 2013 году, говорит, что Людмила была не только представителем советского реализма, но и носителем традиции дореволюционного искусства, а также мастером импрессионистской живописи. Что такое импрессионизм по сути? Само название происходит от слова *impression*, то есть впечатление. Французские импрессионисты ставили целью своей эстетической программы передачу именно мимолетности впечатления, длящегося лишь мгновение в субъективном времени воспринимающего. Иначе говоря – это миг, в котором запечатлевается не само время в его монументальной историчности, а момент в его индивидуальном переживании. И Людмила Скубко-Карпас как раз мастер передать именно

Л.Л. Скубко-Карпас. Девочка у аквариума. К., пастель. 1975.

Л.Л. Скубко-Карпас. Петька. к. м. 1945

Л.Л. Скубко-Карпас. Грустная пионерка. К., пастель. 1964

это мгновение, impression. И ее творчестве это связано, прежде всего с детьми и детскими портретами – она создает удивительно тонкий мир детства. Трогает сочетание техники и темы с ее умением уловить ускользающий ракурс, мимику, настроение ребенка. Именно образы детей проявляют саму идею мимолетности, внезапности и быстротечности времени. Легкая техника пастели еще более усиливает это впечатление, не позволяя распознать эту ускользающую реальность четко, оставляя лишь смутные видения, как припоминания о том, что было и в то же время не сбылось до конца.

Л.Л. Скубко-Карпас. Тихий вечер. К., пастель. 1987

Приглядимся к работе «Девочка у аквариума». Сколько в ней нежности и грусти. О чем же эта грусть? Мы видим вполне бытовую ситуацию, но через нее, сквозь осенние краски за окном, проступает неявный, но тревожный образ взросления. Работы «Снегурочка» (с. 25), «Девочка у окна мастерской» (с. 3) или «Грустная пионерка» – все они позволяют проникнуть взгляду в живую трепещущую ткань ускользающего времени.

Как хорошо сочетаются эти работы с рассказами Юрия Скубко о своем детстве (особенно с очерком «Феодальное королевство» на странице 62). Фактически мы имеем дело с интереснейшим феноменом соединения – картины, этого «окна в прошлое», которую тогда Людмила писала как современное себе впечатление и памяти выросшего ребенка, его ностальгии по своему детству, пережитому непосредственно, и в то же время увиденному глазами матери. Драматизм и психологическая глубина подобного переживания знакомы многим детям художников, писателей. Это отчасти похоже на рассматривание своих детских фотографий, что порой наполняет человека ностальгией – особым ощущением прошлого как мечты.

Продолжая тему ностальгии, мы не можем пройти мимо самой техники пастели, которая, к несчастью, обычно является редким выбором художника. Сама Людмила Скубко-Карпас признает, что «возможностей у масла больше, чем у пастели», что, однако, никак не мешает ей создать в этой технике ряд удивительных по своей живописности и выразительности работ, наиболее лиричные из которых связаны с изображением различных значимых для нее мест. Пастель с ее дымчатым фокусом позволяет увидеть пейзаж не как реальность, а как

С.М. Скубко. Кишлак в горах Памира. 1980.

С.М. Скубко. Натюрморт. Х., м. 1990

С.М. Скубко. Зима в Суздале. Х., м. 1981

будто сквозь завесу, специально разделяющую зрителя и картину, для того, чтобы заставит его взглянуть, всмотреться пристальнее и тем самым прочувствовать отношение к этому месту художника.

Вообще для обоих художников вопрос места-топоса памяти – один из самых важных, он красной нитью проходит сквозь все творчество как отца, так и матери. Сергей Скубко пишет живые яркие пейзажи юга СССР, например «Сангардак» (стр. 56), полные поэзии зимние пейзажи Тарусы, церкви Суздаля, семейную дачу и ее окрестности.

В этих работах его жесткий «казачий» (ведь происходит он из семьи казаков) нрав смягчается – он и говорит о них в интервью с теплотой и внутренней радостью. Мы смотрим на природу глазами художника, и видим не только родные его сердцу просторы, но и всю стоящую за ними долгую и сложную историю отношений русско-

го человека с Родиной, ее природой, суровым климатом и в то же время щемящей красотой, недаром наша пейзажная традиция наиболее востребована отечественным зрителем.

Работы Людмилы Скубко-Карпас, как маслом, так и пастелью также полны ностальгии по местам, связанным с ее жизнью, семьей, поездками. Они более разнообразны и обладают более личным характером. Как сквозь дымку времени мы смотрим на «Вид с балкона квартиры на Арбате» (с. 14), «Интерьер новой квартиры» (с. 15), такой прекрасный лиричный Париж в пастельных работах различного времени.

В интервью Людмила Скубко-Карпас много говорит о своем прошлом, также как много пишет об этом и Юрий. Этот взгляд, заставляющий и нас обернуться к веку двадцатому из века двадцать первого, порождает множество вопросов о творческом наследии советской эпохи, которым еще только предстоит быть заданными. Действительно, сегодня, после длительного отрицания, мы видим процесс возврата и восстановления в памяти имен художников советского периода. Сколько их будет еще найдено, сколько чудесных будет сделано открытий! Многие из них не получили достойного признания при жизни, однако, в ситуации современного релятивизма и сложности путей развития искусства, мастерство и принадлежность старой академической традиции становятся теми критериями, которые определяют ценность и важность работ для последующих поколений зрителей, коллекционеров и молодых художников. Чтобы ни происходило, как бы не поворачивались колеса истории, мы не можем забывать своих родителей, свою историю, и, шире, художественную традицию своей страны, потому что это и есть культура – вневременная память поколений о самих себе.

Юрий Сергеевич СКУБКО

Старший научный сотрудник Центра исследований стран Юга Африки Института Африки РАН, кандидат экономических наук, кандидат искусствоведения, член Московского союза художников (секция искусствоведения).

О родителях и не только

Моя мать, Людмила Скубко-Карпас (1923–2012) прожила большую жизнь, прошла долгий и насыщенный путь в три четверти века в искусстве, сохраняя верность своей манере писать и рисовать только с натуры. Родилась в 1923 г. Петрограде, с 1924 г. жила в Москве. Начала рисовать уже в самые ранние годы, и ее отец, Лев Моисеевич Карпас, заметив одаренность ребенка, отвел ее учиться к художнице Орловой, внучке генерала М.Ф.Орлова, бравшего в 1814 году Париж.

В 1935–38 гг. училась в детской студии при училище Памяти 1905 года, в 1939–1941 гг. в студии ВЦСПС. В 1941–1944 гг. – эвакуация в деревню на Урал, оставившая яркий след в памяти. В 1945–46 гг. брала частные уроки у Роберта Фалька. Закончив Суриковский институт (1952), вступила в Московский союз художников в 1957 году. Жизнь мамы была связана с Арба-

том, городком художников на Масловке, подмосковной дачей в Соколовой Пустыни и Парижем, где она провела семь лет в переломные 90-е годы. Все эти места, кроме Парижа, также связаны и с послевоенной жизнью отца.

Мой отец, Сергей Михайлович Скубко (1922–2007) родился в Приморском крае, в казачьем селе Сташевка. В Москву приехал в 1945 году из Владивостока. Познакомились Сергей и Людмила в Суриковском художественном институте (МГХИ), где оба учились. В браке – с февраля 1948-го и до конца дней своих, хотя в последние годы не жили вместе.

Сергей Скубко во Владивостоке. Начало 1940-х гг

Людмила Карпас. 1947г.

С.М. Скубко и Л.Л. Скубко-Карпас у совместной работы «В оранжерее МГУ». 1954

Фотография взята из статьи «В мастерской художников Скубко» в «Московском комсомольце» от 28 декабря 1952 года (под рубрикой «Творчество молодых»). Правда, где они увидели мастерскую непонятно – у моих будущих родителей никаких мастерских еще не было, работали дома. Что-то мама помогала «доводить до кондиции», а некоторые работы даже выполняла за него.

В оранжерее МГУ. Х., м. 1952–54 гг.

Л.Л. Скубко-Карпас. Сергей Скубко за работой в квартире на Арбате. Х., м. 1952

Пришел я в этот мир по принуждению,
 Встречал недоумением каждый день я.
 А ныне изгнан, так и не поняв
 Исчезновенья смысл и цель рожденья.
 Некий круг заключил наш приход и уход,
 В нем конца и начала никто не найдет.
 И никто еще верно сказать не сумел: вы откуда пришли?
 Что за гробом нас ждет?

Омар Хайям

Отец так и не смог ответить на хайямовский (Омара Хайяма отец очень любил и неоднократно привозил из Средней Азии его рубаи в разных изданиях) вопрос, «зачем и для чего я послан в этот мир?», а разве многим дано знать точный ответ? Рожденный и крещеный в казачьей семье с традиционным православным укладом жизни, он не был верующим в общепринятом смысле, но не был и атеистом. Скорее он был скептиком, Фомой неверующим, который стремился во всем убедиться сам.

Впрочем, как написал в парижской эмиграции русский религиозный философ Иван Ильин, «Сомнение, если оно есть, – испытывается остро и мучительно: оно подлинно; оно несомненно; оно есть воля к истине, рожденная любовью и жадной уверенности. Кто так сомневается в Боге и в правде, тот уже любит Бога и правду;» («Пути России»).

С.М. Скубко. Суздаль. Отражение храма. Х., м. 1991

Помогают больной подруге. Х., м. 1956

Как говорили мудрецы Востока, в минуты глубокого душевного спокойствия, замысел творца отражается в твоём сознании как на спокойной поверхности воды. Такие минуты обычно приходят редко... Отец рассказывал, что в молодости у него бывали вещие сны. Потом прекратились.

У мамы было ясное ощущение, даже знание своего назначения быть художником (с самого детства, когда ее дару помогло раскрыться чуткое внимание дедушки). У отца, как, впрочем, и у меня с братом, «печати избрания» не было. Отец говорил, что, повернись иначе судьба, он мог бы стать и военным и киноартистом (в 1945-м он сначала поступил во ВГИК, но через год перешел в Суриковский) или ученым или каким-нибудь «Робин Гудом» с казачьим уклоном... В итоге стал живописцем, достиг мастерства. Очень поспособствовала мама, много, особенно в первые десятилетия совместной жизни, работали вместе.

Анекдотичен случай с картиной «Помогают больной подруге» 1956 г., подписанной отцом и фигурирующей в каталогах и энциклопедиях (была даже выпущена открытка) в качестве одной из его лучших работ. На самом деле, детской темы он вообще никогда не касался в своем творчестве – это не его стихия. Но, по-видимому, он получил на себя этот заказ, и, чтобы не сорвать выполнение, мама написала картину за него (возможно, какие-то элементы выполнили вместе).

*Все жили в сушь и впроголодь,
В борьбе ожесточась,
И никого не трогало,
Что чудо жизни – с час.*

(Б. Пастернак)

Маму трогало. От картины веет чем-то библейским, евангельским. Любовь и забота воскрешают и возвращают к жизни.

Вообще, конечно, отец был человек одаренный, достигший в своем творчестве высокого мастерства. Но мама, тут уж нужно сказать правду без всякой дипломатии, была, несомненно, выше как художник (впрочем, не во всем, у отца, пожалуй, сильнее композиция картин): ярчайший талант, не уступающий по своему потенциалу великим классикам русского и мирового реалистического искусства и при этом, увы, мало кому известный. Огромная ответственность за близких, за семью и тяжелые жизненные обстоятельства, а также простая человеческая застенчивость не позволяли ей тратить время и силы на то, чтобы «продвигать себя» и получать заслуженное признание, всякие звания и хвалебные публикации. А так, будь ты хоть Левитан или Серов, в наше время никто тобой, скорее всего, без материального стимулирования или использования административного ресурса или хотя бы очень большой твоей настырности, заниматься не будет. Правда, пока мама была молодой, существовала, во всяком случае, тогда, государственная установка на поддержку талантливой молодежи.

Л.Л. Скубко-Карпас. На фабрике кружев. К., м. 1948

Л.Л. Скубко-Карпас. Лошадки. К., м. 1948

А моя будущая мама была очень талантлива, и это знали все, кто ее окружал уже в годы учебы. Когда она рисовала или писала, выполняя те или иные учебные задания, за ней стоял «хвост» восхищенных зрителей – студентов и педагогов. Сокурсники упрашивали ее дать какие-нибудь рисунки, чтобы выдать за свои и сдать зачеты и экзамены, и Люда щедро делилась, особенно с близкими подругами, такими как Аня Музафарова-Караян. Где теперь это множество маленьких шедевров?

Л.Л. Скубко-Карпас. Перекур. Х., м. 1951

Голова девочки. Х., м. 1970

*Л.Л. Скубко-Карпас.
Леша маленький. К., пастель. 1968*

*Л.Л. Скубко-Карпас.
Мужской портрет. Холст на картоне, м. 1957*

Л.Л. Скубко-Карпас. Музыка. К., м. 1953

И мама получала много предложений о выставках, публикациях, творческих поездках и т. п., но пользовалась этими возможностями мало и редко. Вместо этого рожала детей (двое сыновей: меня родила в 1953 г., брата Алешу в 1958-м). Ухаживала за больными родителями, в общем, ставила человеческое выше профессионального.

Л.Л. Скубко-Карпас с сыновьями Юрой и Алешей в нашем арбатском дворе. 1962

Был еще один важнейший аспект соединения человеческого и творческого: любовно женский, быстро сублимированный и игравший для нее роль практически лишь до материнства. По студенческой фотографии видно, как она была хороша (вместе с подружкой Ксюшей Успенской – две самые очаровательные девушки курса) и естественная женственность натуры конечно же тянула к флирту, а успех у мужчин был немалый Красивая, обаятельная, интеллигентная и, как бы легко и играючи, безумно талантливая. Застенчивость парадоксально сочеталась с любовью к проказам: почти на каждой лекции рисовался тайный шарж на педагога (при обнаружении те обычно не обижались, оценив уровень работы).

Скажу сразу, что у мамы была физическая близость только с моим отцом, а полная доверительность наших отношений в поздние годы жизни, когда они уже расстались, исключает всякий обман. Но влюбленности были. Самая яркая тоже молодой художник, граф Василий Павлович Шереметев (1922–1989). Если к моему будущему отцу и другим поклонникам Людмила относилась несколько снисходительно, то здесь перед ней был – небожитель, человек совершенно другой культуры, породы, из горнего мира. Отдав нуждающимся и государству свое состояние, и раздавая на каждом шагу все, что еще имел (с семейной реликвией - картиной Рембрандта – долго не хотел расставаться, но потом подарил музею), он жил в практически неотапливаемой башне Новодевичьего монастыря, оставив себе только искусство. Но его уважали и ценили. Известный художник Павел Корин подбрасывал ему заказы на послевоенное оформление метро.

С.М. Скубко с детьми. 1962

Л.Л. Скубко-Карпас. Начало 50-х гг.

И Василий влюбился в Люду Карпас и написал прекрасный портрет, который он потом, узнав о ее замужестве, безжалостно сжег (о чем мама всегда жалела). Она тоже влюбилась, поняв, правда достаточно быстро, что никогда не сможет выйти за него замуж, даже если вроде бы все к этому шло. Он был абсолютно не от мира сего и ему в пару нужна была святая, а моей будущей маме хотелось нормальной семьи. Кроме того, у молодого графа уже проявлялись черты аристократического вырождения (родители позднего ребенка были еще и родственниками) и последствия двух тяжелых фронтowych контузий. Василий Шереметьев и умер достаточно рано от поражавшего его последние 11 лет паралича (все эти годы – в больнице), а еще в молодости, никогда и ничем не смея унижить прислугу, мог, например, швырнуть канделябр в товарища в нервном припадке. Но и выворачивал все свои карманы по просьбе первого встречного. Мир его благородной души. Его могла поддержать только святая праведница, которая потом и нашлась.

Золотая пора взаимной влюбленности с Сергеем Скубко началась на летней практике 1947 года в Крыму, и уже в феврале 1948-го они поженились. Мой будущий отец был физически здоров и без вредных привычек, нравился маме своей казачьей статью, но, что делать, после графского подлинно рыцарского обхождения – не мог не восприниматься мужланом, хотя и стремившимся к культуре и поддавшийся с годами хорошей интеллигентской шлифовке. Приходилось выбирать, а «жить на два дома» мама не могла.

Вообще-то двум разным художникам ужиться в одной семье почти так же трудно, как двум медведям в одной берлоге, хотя счастливые исключения были. Нужна была готовность кого-то одного раствориться в другом и его интересах, как и было в случаях некоторых ее подруг. А мама могла лишь тихонько посмеиваться, когда отец говорил, что в доме должен быть только один художник. Ну не могла она предать свой высокий дар и превратиться в домработницу.

При этом, мама была очень семейным человеком – обожала родителей и детей, самоотверженно совмещая тяготы семейных забот и профессии. Сначала с такой же нежностью и заботой отнеслась к мужу, но, сталкиваясь с проявившимися со временем грубостью и жестокостью с его стороны, охладевала. Однако «стерпывалась» с тем, кого сама выбрала, по возможности совершенствуя его. Нужно было жить дальше в очень нелегких семейных обстоятельствах и атмосфере тех лет. Как говорится, нести свой крест. Были, конечно, и светлые минуты совместного бытия...

Л.Л. Скубко-Карпас.
Цветы в кувшине. К., пастель. 1999

Жила вся семья на Старом Арбате в квартире, полученной в свое время дедушкой, маминым отцом; в 1980 году переехали в Городок художников на Верхней Масловке, где родители получили мастерские (все было ох как долго и непросто...).

Л.Л. Скубко-Карпас. Вид с балкона квартиры на Арбате.
К., пастель. 1973

Л.Л. Скубко-Карпас. Интерьер новой квартиры на Масловке. К., пастель. 80-е гг.

Мамина любимая комната с балконом.

Л.Л. Скубко-Карпас. Квартира на Старом Арбате. К., пастель. 60-е гг.

Мама ушла в семейный быт, конечно, не совсем, помогала мужу ради прокорма семьи завершать какие-то комбинатские халтуры, придавая «человеческий облик» болванкам вождей, освоила технику пастели, написала ряд замечательных работ, но все это, где-то на четверть своего потенциала художника.

Из комбинатских заказов самыми приятными и даже греющими душу были заказы для детских садов – картины на сюжеты русских сказок и сказок народов СССР.

Л.Л. Скубко-Карпас. Царевна-лягушка. К., темпера. 60-е гг.

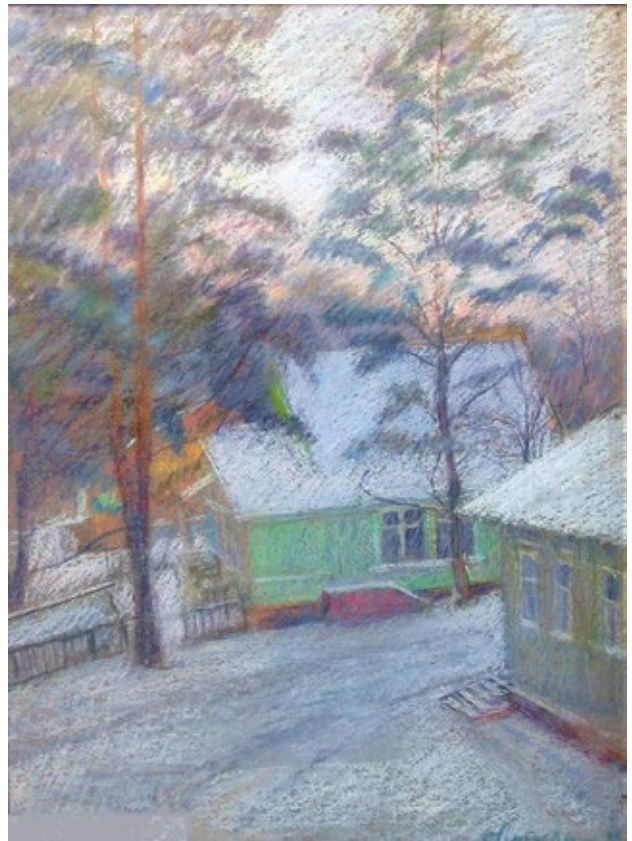

Девочка в красном. К., пастель. 1963

Прошло лет пятнадцать, дети подросли, родители умерли (бабушка в 1956 г., дедушка в 1967 г.). «Вернулась в строй», но никто уже больше ничего не предлагал, да она и не выпрашивала, спокойно работала, повторяя слова Цветаевой: «моим стихам, как драгоценным винам настанет свой черед».

Л.Л. Скубко-Карпас. Полковник танковых войск Л.И. Калинина, ветеран ВОВ. Х., м. 1985

Л.Л. Скубко-Карпас Таруса Домик в снегу. К., пастель. 1985

Только он не настал при жизни (то есть был, конечно, круг товарищей-художников, друзей и знакомых, который маминому творчеству подлинную цену знал, но это несколько десятков почитателей). Над этим (пропаганда творческого наследия) уже я работаю после маминой кончины...

Творческие поездки, правда, у мамы были. Тогда члены Союза художников имели возможность провести пару месяцев на полном обеспечении в каком-либо из разбросанных по всей стране домов творчества. Точно помню, что мама выезжала в дома творчества в Тарусе, куда-то под Воронеж и на озеро, кажется Чудское, под Новгород. С отцом она съездила по разу в Среднюю Азию, и в Суздаль, и привезла много работ.

Л.Л. Скубко-Карпас. Замира. К., пастель. 1980

Л.Л. Скубко-Карпас. Суздаль. К., пастель. 1989

Но самой яркой была поездка осенью 1982 года на три месяца во Францию. В предшествующее лето я познакомился в Институте Африки АН СССР, где я работал, с молодой француженкой, аспиранткой, изучавшей советско-африканские отношения. Я помог Элизабет подобрать соответствующую литературу, пригласил к маме в мастерскую на Масловке, где мама ее, кажется, тут же нарисовала и подарила рисунок. Ходили на какие-то выставки. В общем, результатом было приглашение меня и мамы во Францию. Мне, как водится, наши «органы» отказали, хоть я еще тогда числился в благонадежных, – нечего одинокому мужчине выезжать к незамужней иностранке. А маме, со второй попытки, неожиданно (это считалось великой милостью), разрешили. И она смело ринулась во французский омут с головой, без знания языка и страны.

Встретил ее в Париже сожитель Элизабет, не знавший русского (говорившей немного по-русски Элизабет тогда в городе не было). Уж не знаю, как объяснялись, наверно жестами. Потом поехала одна в Гренобль и, наконец, увиделась с Элизабет в ее родной деревушке Нотр-Дам де Комье под Греноблем. Оттуда началось мамино триумфальное шествие по Франции (почти сто дней Наполеона). Она работала как одержимая, перерисовала семью и всех знакомых Элизабет в ее деревне, Гренобле и Париже, а также Лиможе. Рисовала сразу в двух экземплярах – один оставляла себе.

Л.Л. Скубко-Карпас. Женский портрет. К., м. 80-е гг.

Л.Л. Скубко-Карпас. Сидящая девочка. К., м. 1970

Л.Л. Скубко-Карпас. Женский портрет. Франция. К., м. 1982

Л.Л. Скубко-Карпас. Русская церковь на улице Дарю в Париже. К., пастель. 1982

Л.Л. Скубко-Карпас. Монмартр. Сакрекер. К., пастель. 1982

Л.Л. Скубко-Карпас. Парижская крыша. К., пастель. 1982

Еще писала маслом, рисовала пастелью. Ее работы шли у французов на ура. Всякий ресурс и навык реалистического мастерства был там уже утрачен, но еще оставались национальный хороший вкус, память о недавнем культурном прошлом и восхищение настоящим искусством. Маму зазывали в гости, угощали, одаривали. Потом этот опыт сработает в 1990-м, когда мама решала, куда хоть на время уехать из разваливающейся и чреватой смутой и хаосом страны (уже исходили кровью Ош и Баку, начались грузино-абхазский и осетино-ингушский конфликты, назревала война в Карабахе, в Москве, на Манежной, оппозиция собирала миллионные митинги). Я вывез в Париж маму и брата в августе 1990 года и вскоре вернулся в Москву в гущу событий, приведших к смене тоталитарно-коммунистического строя на, увы, криминально-олигархический.

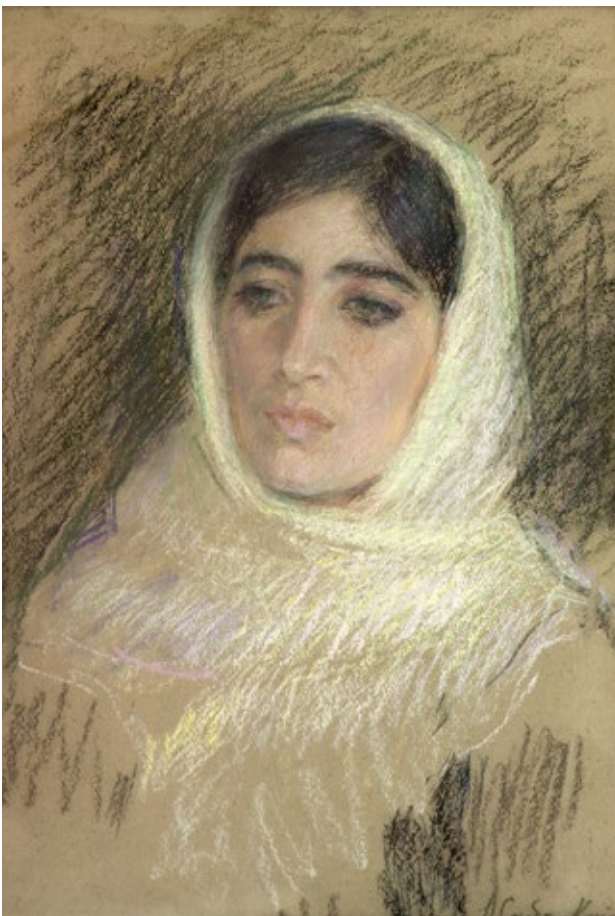
В Париже у друзей. 1990. фото (Л.Л. Скубко-Карпас в центре, справа сын Юрий, сзади – Алексей)

Л.Л. Скубко-Карпас. Парижский двор (двор редакции «Русской мысли»). К., пастель. 1990

А 1993 году присоединился к своим находившимся в Париже близким, не желая участвовать дома в войне политических банд. Поступил в докторантуру Сорбонны-IV, где мне дали стипендию. К тому времени мама уже начала прибалывать, с моим приездом стало лучше, особенно после того, как мы вместе с большой поклонницей маминого таланта, очень православной Танечкой Дуга (давно переехавшей во Францию после замужества) в 1994 году крестили ее, к чему мама была внутренне вполне уже готова. Потом даже свозил маму в 1995 году на лето в Москву. Ремиссия была недолгой. Весной 1997 года я привез ее обратно в Москву уже насовсем, больную, разбитую, не сумевшую прижиться на чужой почве. Дело не только в здоровье. Пожалуй, добавилось горькое разочарование во все менее христианской, дегенеративно извратившейся Европе, оцепеневшей в своей «толерантности» перед наступающим валом варваров третьего мира*. И мы вернулись на родную почву, в свою великую, страдающую и непредсказуемую страну.

Дома, после нескольких сложных «переходных» месяцев, мама ощутила прилив новых сил и, мобилизовав всю свою волю, встала с постели, вернулась к творчеству. Поправилась, ну насколько можно поправиться в 74 года, с учетом огромной потери здоровья во Франции (как сказала мама: «Я уехала вроде недавно молодой красивой женщиной, а вернулась старой развалиной», – на самом деле, настоящая старость, благодаря возвращению, отодвинулась лет до 85), и прожила еще пятнадцать лет, активно работая дома, в мастерской и на даче. Только последний год жизни был очень тяжелым.

Л.Л. Скубко-Карпас. Портрет молодой таджички. К., пастель. 2007

*Сегодняшний миграционный коллапс Европы уже явно назрел в 1990-е, когда наш политоракул В. Жириновский, помнится, воскликнул: «Приветствую тебя, Париж, будущая столица арабского мира!»

Юрий Скубко с братом Алешей в Париже

Л.Л. Скубко-Карпас. Китайские фонарики. К., пастель. 2008

Л.Л. Скубко-Карпас. Белые цветы. К., пастель. 2000

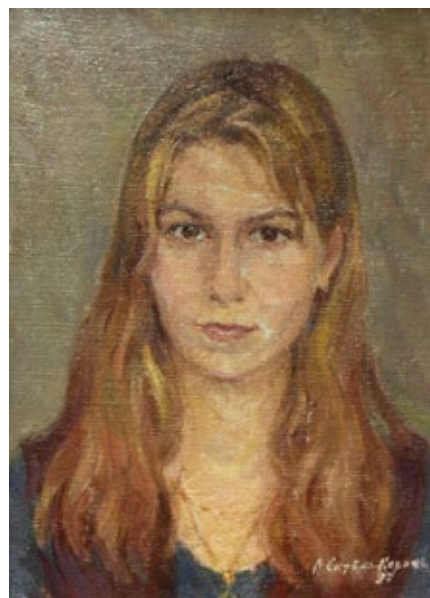

Л.Л. Скубко-Карпас. Цветы на фоне зимнего окна. К., пастель. 2002

Реадаптация на родине была нелегкой и для меня. Отец к моменту нашего возвращения уже жил с другой женщиной (хотя обещал не разводиться и не развелся с мамой), и мы общались практически только летом на общей даче, изредка в городке художников на Масловке. Единственной опорой мамы остался я. Плохо пригодный к «игре без правил и без страховки» в условиях нашего дикого, бандитского капитализма, я получил неожиданный подарок судьбы (уверен, что ради мамы). Старый товарищ, один из авторов моего самиздатского журнала 80-х «Точка зрения», стал крупным чиновником в аппарате правительства, и я по его рекомендациям получал в 1997–2005 гг. с перерывом 2001–2002 гг. на ООН-овский контракт в Китае, приличную работу с социальным пакетом в нескольких госучреждениях: Министерстве труда, Госкомспорттуризме (туризм), Министерствах культуры и природных ресурсов. Последнее министерство, ужасное по моральному климату (настоящий гадюшник, разительный контраст с интеллигентски-доброжелательным Минкультуры), правда, отправило меня. – с паршивой овцы хоть шерсти клок, – в очень желанную командировку в ЮАР и Анголу в составе делегации во главе с министром, после чего я стал потихоньку собираться обратно в науку, как раз в те годы (середина нулевых) начавшую выбирать из нищеты в бедность. Вернулся в родной академический Институт Африки, который покинул в канун развала СССР..

Л.Л. Скубко-Карпас.
Ира Спиридонова. Х., м. 1997

Л.Л. Скубко-Карпас.
Алена Силкина. Х., м. 1997

Л.Л. Скубко-Карпас.
Наташа Силкина. Х., м. 1998

Л.Л. Скубко-Карпас.
Алина Гонтмахер. Х., м. 1999

К «постпарижскому» периоду относится новая серия маминых портретов маслом, отражающих и зрелость мастерства и неугасимый юношеский восторг художника от постижения каждого нового образа. Здесь представлены портреты нашей родственницы, Ирины Спиридоновой, – первая мамина работа после возвращения, а также Алены и Наташи Силкиных, – дочерей доктора Ольги Демичевой (см. Приложение с. 50), и Алины Гонтмахер. Целая галерея очень разных образов и судеб молодых женщин, переживших эпоху перемен. Близкий по времени образ представителя «сильного» пола, как мне кажется, видится художнику более слабым и потерянным.

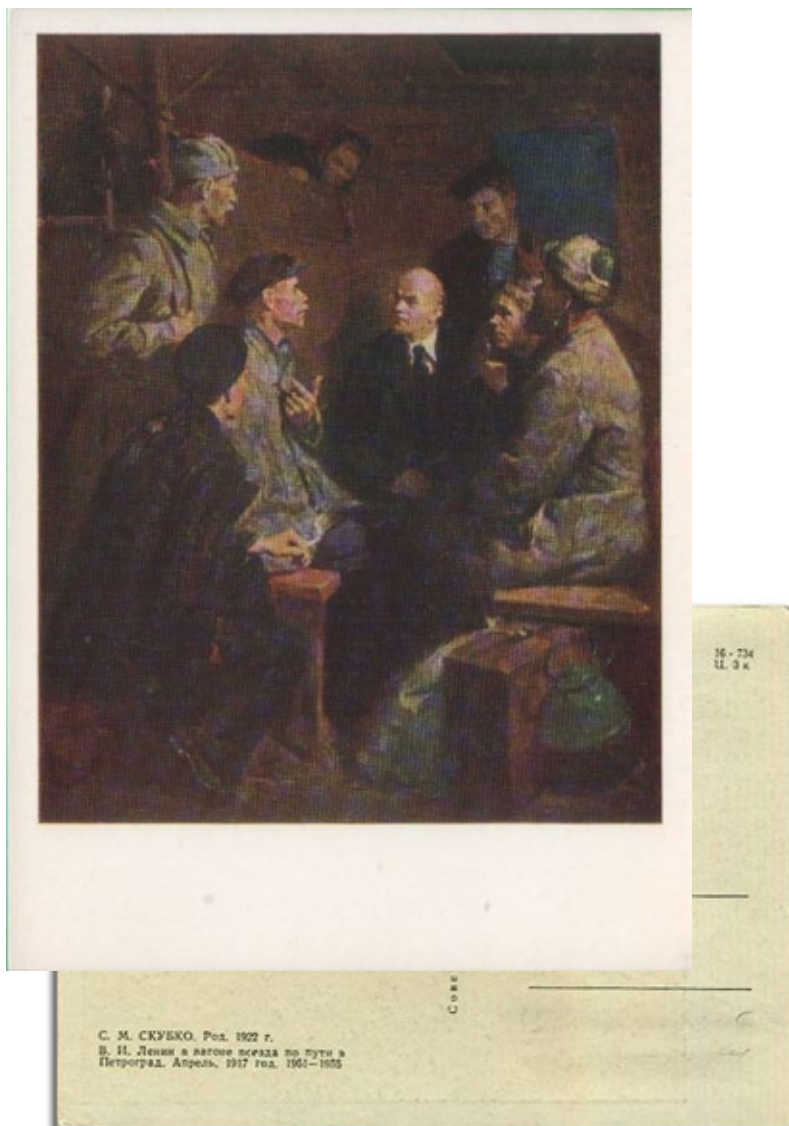
Но подавляющее большинство работ последних лет – пастели – пейзажи и цветы, цветы, цветы. Тонкая и нежная, поистине импрессионистская воздушность этой техники, полуживописи – полуграфики (у мамы – скорее живописи), позволяла выразить в мельчайших нюансах и вечную красоту природы и элегическую грусть осени жизни художника.

Л.Л. Скубко-Карпас. Мужской портрет. Х., м. 1984
«Рушится мир?»

А тогда, в 1982 году, мне мама привезла из Франции мои первые кроссовки, изящные и легкие. Я везде в них ходил, даже там где не следовало. У научных работников в то время было принято ездить по стране с лекциями по линии общества «Знание». Я это любил – и страну огромную посмотришь и что-то подзаработаешь. Я рассказывал об Африке, а меня спрашивали, когда в магазинах появится гречка и кто очередной новый муж Аллы Пугачевой. И вот в январе 1983 года я прилетел с лекциями в Душанбе, где было тепло (даже, выехав за город, искупался в горной речке, навещая друга отца, художника Ивана Хрипченко) и, ничтоже сумняшеся, переобулся в кроссовки. Местные блюстители приличий тут же настучали в Москву, что московский лектор выступал в тапочках. Председатель институтского общества «Знание» Владимир Яковлевич Кацман, вскоре эмигрировавший в Израиль, посмеялся и пожурил меня только слегка, но объяснил, что такое дресс-код.

В 50-е годы мои молодые родители не были обделены вниманием: были публикации в прессе, выходили открытки с репродукциями их работ, у меня перед глазами три: совместная работа «В оранжерее МГУ» 1954 г., «Помогают больной подружке» 1956 г. – работа мамы, принесшая лавры отцу, и работа отца с большим участием мамы «В.И. Ленин в вагоне поезда на пути в Петроград в апреле 1917 г.».

С.М. Скубко. В.И. Ленин в вагоне поезда на пути в Петроград в апреле 1917 г. Х., м. 1954 г.

Остановимся на этой последней, ленинской, получившей в 50-е известность картине (вошла в экспозицию музея В.И. Ленина в Москве, варианты – в МГУ и музее Ленина в Ульяновске). Картина блестяще решена композиционно, заслуга отца, очень выразительны фигуры и лица. Мама тоже руку приложила к лицам, не пытаясь никого судить, вольно – невольно очеловечивая бесчеловечное. Пропущенный через территорию воюющего противника, одержимый маниакальной идеей мирового пожара через поражение своей страны и перевод германской войны в гражданскую, злой гений революции Ильич проникновенно вещает, окруженный еще не ведающими что предстоит творить (убийство миллионов братьев и веры православной) солдатами и матросами. Только мрачные тона картины как бы намекают на то, что готовится великое злодейство... Ни отец, ни мать, конечно, не замыслили разоблачать лениниану, но о прошедшем катком по России большевистском перевороте и ленинско-сталинских «щепках» знали не понаслышке через судьбу семьи и близких, и это трагическое знание подспудно присутствует в их работах по теме, придавая им особую

внутреннюю напряженность. При этом отмечу, что атмосфера послевоенных лет значительно отличалась в лучшую сторону от атмосферы предвоенных с их ощущением сжимающейся безысходности мертвящей восточной деспотии с миллионами рабов, молящихся на великого идола и истреблявших друг друга по его мановению. На волне народной победы возникли духовный подъем, атмосфера созидания, вдохновлявшие людей творчества, невзирая на все продолжающиеся репрессии. Да и сам масштаб террора людоеду пришлось поубавить – уж очень страшны были военные потери. Затевая голодомор в деревне и кровавый 37-й в городах, Сталин, говорят, изрек: «предпочитаю тех, кто служит мне из страха, тем, кто служит по убеждениям: убеждения могут меняться, а страх остается всегда». Страшные поражения 1941-го – 42-го показали, как легко служившие из страха сдаются и даже переходят служить к врагу (история не знала такого количества пленных ни до ни после). Война чему-то научила; с 43-го прекратилось тотальное уничтожение религии и духовенства как класса – лагеря смерти отчасти сменила «мягкая сила» чекистской опеки. . .

Л.Л. Скубко-Карпас. Арфистка. Х., м. 1975

Внимание к молодым талантам, к числу которых относились и мои родители, в идеологически важной для государства сфере культуры относится ко второй половине 40-х и к 50-м годам. Повезло не каждому. В первом послевоенном десятилетии началась смертельная борьба с «формализмом», во втором, после некоторой оттепели, – хрущевская борьба «с излишествами», больно ударившая безденежьем по культуре и искусству. В 60-е – 70-е публикаций было мало, но родители пользовались неизменным вниманием окружающего социума. Мама организовала и приняла активное участие в серии женских выставок в Центральном доме литераторов (1974-19878). Мы тогда, до переезда на Масловку в 1980 году, жили на Старом Арбате (на Арбате все было родное, свое, люди знали друг друга), рядом с театром Вахтангова. Мама дружила с артистами театра, которые весьма ценили ее талант.

На картине арфистка оркестра этого театра Лелючка. Картина просто дышит теплотой и нежностью, которую мама испытывала по отношению к ней. Дружили, помню, что она гостила у нас на даче в деревне Соколова Пустынь (Соколовка) на Оке, где родители написали огромное количество картин всех жанров (портрет, пейзаж, натюрморт). Деревня «в глуши лесов сосновых» Приокского заповедника, где воздух пьешь как божественный нектар, одно из мест, где великая русская природа дает человеку силу и творческое вдохновение.

Наш дом в деревне Соколова Пустынь. 2000-е гг. (вид с улицы)

Л.Л. Скубко-Карпас. Русская краса из Соколовки. Х., м. 1965.

С.М. Скубко. Соколова Пустынь. Х., м. 1995

Л.Л. Скубко-Карпас. Сливовый сад. К., пастель. 2007

*Л.Л. Скубко-Карпас. Наш дом в Соколовке.
Солнечный день. К., пастель. 1981*

Но без разгона печатного станка и показа по телевидению, в огромном городе, тем более в огромной стране, ты как- бы не существуешь, точнее, существуешь только в своем «микроклимате» (сегодня выручает интернет, но тогда его не было). Уже где-то к середине 80-х годов о родителях – художниках почти все (ну, кроме ближайшего окружения) подзабыли. Почему мама не устроила персональной выставки после блестящей поездки во Францию в 1982-м? Наверно, потому что мало думала о себе, а больше о детях, даже когда они стали взрослыми: разруливала для нас с Алешей трудные жизненные ситуации, одаривала своими картинами «нужных» людей... Пассивности отца (ни одной персональной выставки, ни одного своего каталога) я нахожу меньше оправданий – ведь он занимался почти исключительно собой и имел, к тому же, немалый административный ресурс – был председателем жилищной комиссии МОСХа. Наверно думал, что все еще впереди...

Л.Л. Скубко-Карпас. Мужской портрет. Х., м. 1959

Л.Л. Скубко-Карпас. Печальный детектив. Х., м. 1974
Судьба честного мента читается без слов.

Л.Л. Скубко-Карпас.
Снегурочка. К., пастель. 1967

Л.Л. Скубко-Карпас.
Портрет конференсье А. Г. Алексеева. Х., м. 1965

И не хочу повторяться, лучше процитирую нашу хорошую знакомую и поклонницу маминого таланта. известного советского и российского искусствоведа Александру Михайловну Амшинскую:

«Людмила Львовна – прежде всего одаренный портретист. Вероятно, этому способствует исключительная женственность ее натуры – мягкой и деликатной, способность сочувствовать, сопереживать, настраиваться на волну человека, с которым сводят ее обстоятельства. Своими работами она опровергает известный постулат о том, что собственная личность художника неизменно превалирует в образах изображенных им моделей. Портреты, созданные Карпас, как правило, отличаются исключительным сходством. Порой кажется волшебством ее умение схватывать нечто сугубо индивидуальное, сокровенное в людях – будь то односеансный этюд или карандашный набросок. Причем это никогда не переходит в шарж, в схему, сводящие образ человека к какой-либо одной характерной черте внешнего облика или выражения. Крепкая школа реалистического мастерства обеспечивает портретным образам Карпас полнокровную жизненность во всей сложности человеческого характера.

И еще одна черта роднит работы Людмилы Львовны Скубко-Карпас с традицией русского портрета – доброжелательность к людям, умение увидеть их в хорошую пору жизни. Так портреты русских мастеров: Тропинина, Серова, Малютина становились эталонами изображенных людей. Современники вспоминали, что семейные портретные галереи были школой нравственности для потомков». (из статьи «Ах Арбат мой, Арбат» 1991 г.).

Л.Л. Скубко-Карпас.
Натюрморт с индийской статуэткой. К., пастель. 1998

Перед нами портрет выдающегося пианиста Дмитрия Башкирова, «схваченного» художником в минуты вдохновенной игры. А это, наверно случай, когда личность художника повлияла на образ изображаемого человека. Во всяком случае, в образе сотрудника индийского посольства Сворна Бопарая Сингха мама увидела, как мне кажется, все лучшее, что мы почерпнули в духовной культуре Индии через литературу, искусство Рерихов, йогу и многое другое. Впрочем, очень хочется верить, эта мудрая одухотворенность образа соответствует личности модели.

Л.Л. Скубко-Карпас.
Играет пианист Дмитрий Башкиров. Х., м. 1972

Л.Л. Скубко-Карпас.
Индийский дипломат Бопарай. Х., м. 1980

Прокомментирую два портрета из так называемого социального заказа. Перед нами старый чекист, председатель ЧК в городе Чердыни в начале 20-х годов.

Л.Л. Скубко-Карпас. Председатель ЧК в г. Чердынь А.П. Трушин. Х., м. 1956

Л.Л. Скубко-Карпас.
Портрет неизвестного. 1953
«...Потому что он на Берию похож»

Вообще, я весьма неважно отношусь к этой созданной Дзержинским зловещей организации, как раз в те годы (1923 г.) учредившей страшный Соловецкий концлагерь и другие лагеря смерти – смерти не пресловутых «врагов народа», а интеллигенции, крестьянства и духовенства (немецкие появились позднее), убившей Гумилева (1921 г.) и Есенина (1925 г.). Но этот старый чекист вызывает у меня и, судя по портрету, вызывал у мамы, неподдельную симпатию и понимание своей жестокой мудрости в очень жестокое время. Он не ради личной выгоды старался, а беззаветно служил – отечеству, мировой революции, – не знаю... Он рассказывал маме, что, когда его назначили в Чердынь, городок кишел преступностью. Днем, а особенно ночью, здесь на каждом углу грабили, убивали, насиловали, а местные, как сейчас говорят, силовики пребывали в растерянности и не знали, как положить этому предел. Новый председатель ЧК нашел быстрое, беспощадное и самое эффективное решение. Он сказал своим ребятам: убивайте преступников на месте, не оставляйте в живых никого, а в рапортах пишите «застрелен при попытке к бегству». Уже через неделю по городу можно было гулять спокойно и днем и ночью...

Гораздо меньше симпатий вызывает образ Ленина на маминой картине «В.И. Ленин в кабинете». Мама, крайне нехотя и редко выполняла комбинатские заказы на вождей, но тут, видимо, нужда и муж заставили. Хочу заметить, что исполняя, заработка ради, и эти идеологизированные заказы с принудительным «ассортиментом», настоящие творцы не могли не творить, воплощая свое видение мира. В этой работе художник Ильичу, что называется, не польстил. На первый взгляд – все благопристойно – подцензурно, так, как принято было его изображать. Но если приглядеться, с холста на нас смотрит отнюдь не «добрый дедушка Ленин», а, как мне это видится (конечно, субъективно), умный, холодный душегуб с леденящим взглядом и беспощадным сжатием губ. Мой дедушка, мамин отец, как-то обронил при маленькой Люде относительно Ленина: «Это был очень жестокий человек». Мама не забыла эти слова...

Но вернемся к творчеству отца: он рос и развивался в творческом отношении и к зрелым годам обрел свое лицо.

Л.Л. Скубко-Карпас. В.И. Ленин в кабинете. Х., м. 1971

С.М. Скубко. Весна в горах. Х., м. 1981

С.М. Скубко. У старого Мулло. Х., м. 1989

С.М. Скубко. Старый басмач. Х., м. 1972

С.М. Скубко. Суздаль. Х., м. 1959

С.М. Скубко. Монастырь в Суздале. Х., м. 1960

Л.Л. Скубко-Карпас. Д. П. Горский в Соколовой Пустыни. Х., м. 1980

С.М. Скубко. Натюрморт с грибами. Х., м. 1984

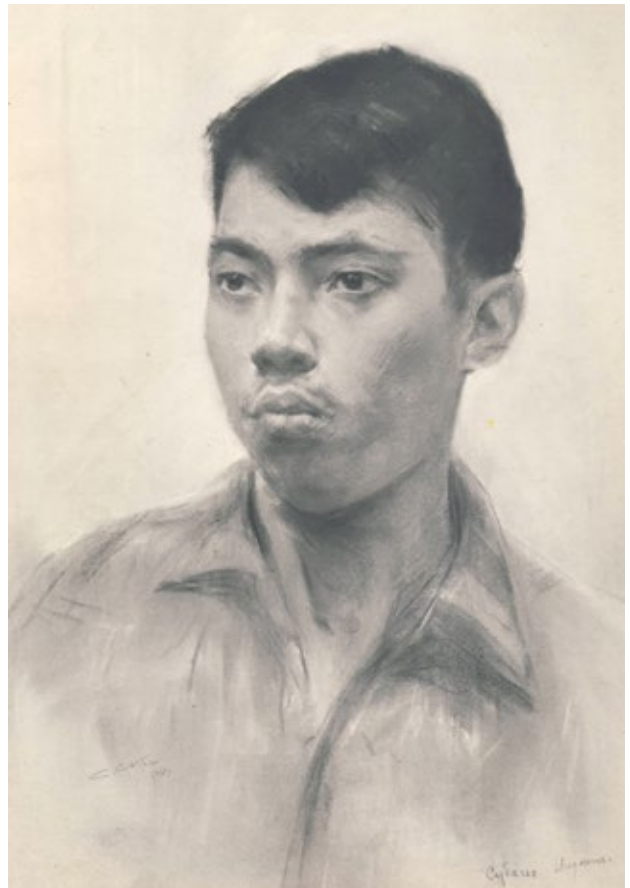
С.М. Скубко. Солнечный день в Суздале. Х., м. 1981

Многие его работы, особенно среднеазиатского (величественные горы и портреты местных мудрых и не очень стариков) и суздальского циклов (храмы, пейзажи) мне и, конечно, не только мне, радостно видеть и сегодня.

Его натюрморты «с грибочками», помнится, обожал наш сосед по даче, доктор философских наук, профессор Дмитрий Павлович Горский, душевный человек, с которым мы все очень сдружились (я даже брал у него уроки по математической логике, но толк из меня не вышел).

С.М. Скубко.
Студентка из Рио-Негру, Бразилия. Х., м. 1963

С.М. Скубко.
Портрет студента из Индонезии. К., уголь. 1961.

От маминых портретов эти работы отличает, пожалуй, среди прочего, более крепкая и жесткая, мужская «хватка», меньше лирики, больше «жизненного металла». Больше воли и экспрессивности, но победнее цветовая гамма, меньше чуткости к душевным нюансам. Хотя, в глазах этого юноши-студента из Индонезии, как мне кажется, отец хорошо «учуял» затаенную грусть и предчувствие беды. Почти весь их выпуск, вернувшийся домой, расстреляют после свержения в 1965 году друга СССР президента Сукарно, вовсе, кстати и не коммуниста, а богатого коллекционера картин, покровительствовавшего, в частности, русскому эмигранту, художнику Владимиру Третичкову, «застрявшему» в тех краях в годы войны и японской оккупации. А вообще, конечно, в СССР, начиная со времен Коминтерна, активно и мощно готовили кадры для коммунистического и национально-освободительного движения (где грань с терроризмом?), так что всякие современные «цветные» революции с американскими кукловодами для нас – дежа вю.

Несколько лет преподавания рисунка и живописи в кузнице кадров для нового мира – университете дружбы народов (по видимому, архитекторам) позволили отцу написать серию портретов студентов из развивающихся стран. Некоторые из, на мой взгляд, наиболее удачных, я привожу.

С.М. Скубко. Студент из Южной Африки. К., м. 1967

Среди портретов работы отца хочется также отметить портрет Чохана Валиханова (1836–1865), казахского ученого и путешественника, офицера Российского Генштаба.

Эта работа была признана в МОСХе лучшим портретом 1969 года.

С.М. Скубко. Чохан Валиханов. Х., м. 1968–1969 гг.

С.М. Скубко. Суздаль. Х., м. 1991

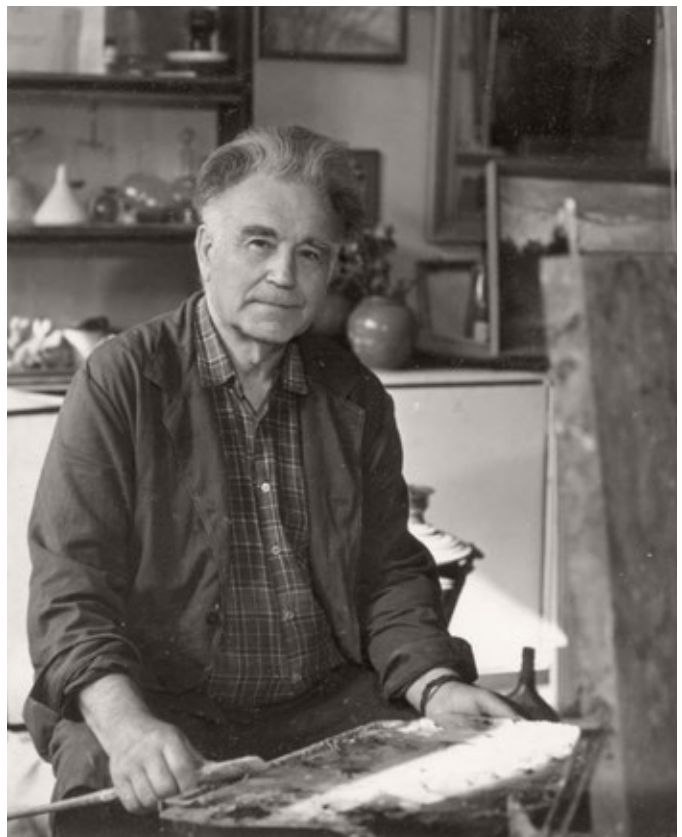
С чьих-то немудрых слов газета написала, что «известный художник застрелился от боли» (МК от 23.01.2007, там же была неверная информация, что он якобы развелся с женой). Он застрелился, если и от боли, то скорее от душевной боли и тоски, а физически он в свои 84 во все не был немощным старцем или прикованным к постели инвалидом, а боли в спине и суставах снимались уколами. Привязанность к близким для него решающей роли (в отличие от мамы) не играла, хотя он по-своему любил и маму и меня и многое все-таки для нас сделал, а в конце жизни, несмотря на давление, не отрекся от своей семьи и своих детей. Но доминировала психология «одинокого волка»...

Но сам отец в конце жизни по-видимому не был удовлетворен тем, что сделал. Он хотел добиться чего-то большего, но не получилось. Конечно, не хватало признания и поддержки. Впрочем, сомнения и терзания редко выплескивались, – и то в последние годы близким, – на людях отец неизменно излучал оптимизм...

Помимо собственно художественного творчества, он много читал и размышлял, бился и не мог понять, для чего он прожил жизнь. В годы написания серии картин о выдающихся ученых («Д.И. Менделеев», «Ползунов изобретатель паровой машины» и др.) он был окрылен открывающимися, казалось бы безграничными, возможностями науки в эпоху НТР, перечитал горы научно-популярной литературы. В конце жизни он написал в предсмертной записке, что наука бессильна (помочь конкретно ему или, открывая все новые «кирпичики», она бессильна ответить на главные вопросы бытия?). И, не дожидаясь естественного конца, взбунтовался и ушел, а я продолжаю жить, лишь изредка и очень смутно ощущая божий промысел. Россия была и остается лабораторией планетарного эксперимента, и страшного и светоносного. Все это преломляется через наши жизни, и люди искусства здесь особенно чутки и незащитны.

С.М. Скубко. Д.И. Менделеев. Х., м. 1958

С.М. Скубко. 1990-е

В ночь самоубийства отца я, с 20 на 21 января 2007 г. я, по стечению обстоятельств, ночевал в мастерской мамы. Отцовская мастерская была через несколько домов тут же на Верхней Масловке. И квартира и обе мастерские тогда были рядом, Отец любил подолгу жить в своих мастерских (с тех пор, как получил первую в 60-х), так и на этот раз, он дневал и ночевал уже неделю или две там. Накануне я заходил к нему, сообщил, что прилетел из Парижа, впервые за много лет, брат Алеша, и мы оба завтра наведаемся. В своем последнем дневном свидании с отцом я ничего особенно нового не заметил или не захотел заметить. Хотя задним числом вспоминаю, что в нем уже было какое-то невыразимое состояние предсмертной доброты и всепрощения. «Суицидальные» разговоры отец вел вот уже пять лет, с тех пор как приобрел охотничий карабин и сказал: «это мое последнее лекарство». Решение покончить с собой на этот раз даже не было прямо им высказано, но я понял с полуслова (далеко не впервой эта тема присутствовала) и сказал, что лучше он уж в очередной раз выговорится, «выпустит пар из котла», чем взаправду что-то непоправимое совершит. Очередной раз оказался последним*. Наверно, можно было поговорить по душам и удержать, разве что ненадолго...

В разговоре участвовала женщина, с которой он в последнее время жил, хотя официально с мамой никогда не разводился. Сожительница провела отца и уехала к себе. Эта дама, по многим признакам, шизофреничка (об истории ее временами совсем не вялотекущей душевной болезни нам поведала как-то по телефону ее бывшая свекровь, но отец отмахнулся: «на нее наговаривают»), как я думаю, и подтолкнула отца к самоубийству. В ту последнюю встречу она со свойственным ей напором что-то несла о «суицидальном выборе» отца... Я побрезговал даже вступать с ней в диалог (может и стоило вступить, она ведь что-то уже знала) и еле дождался, когда же она уедет, чтобы мне можно было нормально пообщаться с папой.

* Очередные разы, конечно, нагнетались и при большем внимании близких их можно было заметить. В последний год отец уже почти не писал новых полотен (как он говорил, не заготавливал новых обойм – в очередную весну машина уже не завезла на дачу новых блоков подрамников с натянутыми на них его крепкой основательной крестьянской рукой чистыми холстами), дописывал и пристраивал старое. Вера в медицину выветривалась по мере применения безуспешных методик лечения спины и суставов. Хотя боли снимались уколами и горячим душем. Он даже говорил мне совсем незадолго до смерти, что собирается обменять свою мастерскую на меньшую и худшую, но рядом с душевой. Мастерские на Масловке строились по принципу коммуналок и я не понимаю, почему рядом с мастерской отца был только туалет с краном. В соседних домах городка обязательно имелись на всех этажах ванны комнаты душем, а тут видно какой-то очень заслуженный архитектор попался... А между прочим, многие нуждающиеся, одинокие и пожилые художники вынуждены были сдавать свои квартиры и перебираться жить в мастерские.

Ночью, под утро, меня разбудил стук в стекло. Не в оконное, – у мамы стояло много стекол по углам, у батареи, предназначенных для оформления пастельных работ. В эти стекла у батареи долго билась, как я подумал, мышь, но за рядами стекол я даже не мог бы в это место добраться. Потом стук прекратился, больше такого никогда не повторялось, мышей в мастерских давно не было. Ближе к полудню позвонила художница, соседка по «городку художников», Нина Сергеева и сказала, что идут разговоры о том, что отец покончил с собой, надо мне пойти в его мастерскую и проверить. Когда я пришел в дом №1 на Верхней Масловке (там, на самом верху, была мастерская отца), меня сразу окружили работники каких-то следственных органов и пригласили для опознания тела... Внешне я принял этот удар спокойно, но тяжелый стресс, конечно, был. Не случайно, именно в том году у меня начались серьезные проблемы с сердцем.

От отца у меня осталось немного фраз и идей, хотя некоторые его фразы иной раз сами ложатся на язык, а некоторые афоризмы, вроде «кто умней – уступит первым» помогают жить. У нас было общение, но почти не было обратной связи. Отец умел и любил поговорить, выражая осмысленное им самим, мнение собеседника (кроме одобрения и восхищения, конечно) ему было малоинтересно. С мамой же у меня была телепатическая связь – мне не нужно ничего придумывать и никому ничего доказывать, я просто знаю. Миллион раз мы ловили себя на том, что я, начинил или даже просто задумывал фразу мама тут же высказывала ее полностью вслух: контакт на всех уровнях, в том числе бессознательном, был не просто стопроцентным – он бы абсолютным. Тесная духовная близость с мамой сохранялась у меня всю жизнь, сохраняется она и сейчас – я просто жду, когда мы снова встретимся.

На чисто житейском, бытовом уровне в нашем доме, в основном благодаря маме, обычно царили веселье и радость, мы много шутили и смеялись. Эта память помогает и сегодня не унывать.

Мамина подруга, художница Полина Чернышева, сказала на маминой посмертной персональной выставке в 2013 году, что «Юра был маменькин сынок». Да, я был маменькин сынок.

Года в три или пять я сказал маме, что я ей благодарен за все, но мне теперь нужно «мужчинское воспитание».

Вероятно, устами младенца глаголилась истина, но мама отца от воспитательного процесса вскоре отстранила. Мало того, что он бил, это было в порядке вещей, он бил куда попало (подзатыльники так и сыпались), – уж этого мама не могла стерпеть. Могут пострадать жизненно важные органы. Сама она была нас с Лешей строго по попе или по ногам: помню, как я уже довольно большой удирал от нее, но она все же догнала меня и отлупила веревкой.

Наверно это нужно, особенно в отношении неугомонных мальчишек (помнится, мы с братом Алешей играли дома в коридоре футбол и крушили чем попало армии оловянных солдатиков – как такое уймешь европейской политкорректностью?), и сейчас портят детей, запрещая телесные наказания. Наверно, мама здесь была права, но отец очень уж легко самоустралился от всего (мама до пятого класса учила со мной все уроки), хотя не могу не припомнить добрыми словом его уроки английского, зачитанные до дыр истории о Робин Гуде (на английском, конечно), которым, возможно, он и сам когда-то мечтал стать. И еще:

отец исповедовал казачий принцип: «детей нужно натаскивать, как собак и учить заниматься тем, что сегодня нужно». Мама же считала, что нужно заниматься тем, что интересно – только так раскрывается талант. Наверно, нужно было и то и то как-то разумно сочетать. Жаль тоже, что родители совсем не думали о необходимости какого-то спорта или гимнастики для детей, а ведь это, необходимый противовес учебным нагрузкам (у дедушки, маминого отца, Льва Моисеевича, сына миллионера, жил в доме в годы его детства свой учитель гимнастики, видимо, для всей многодетной семьи).

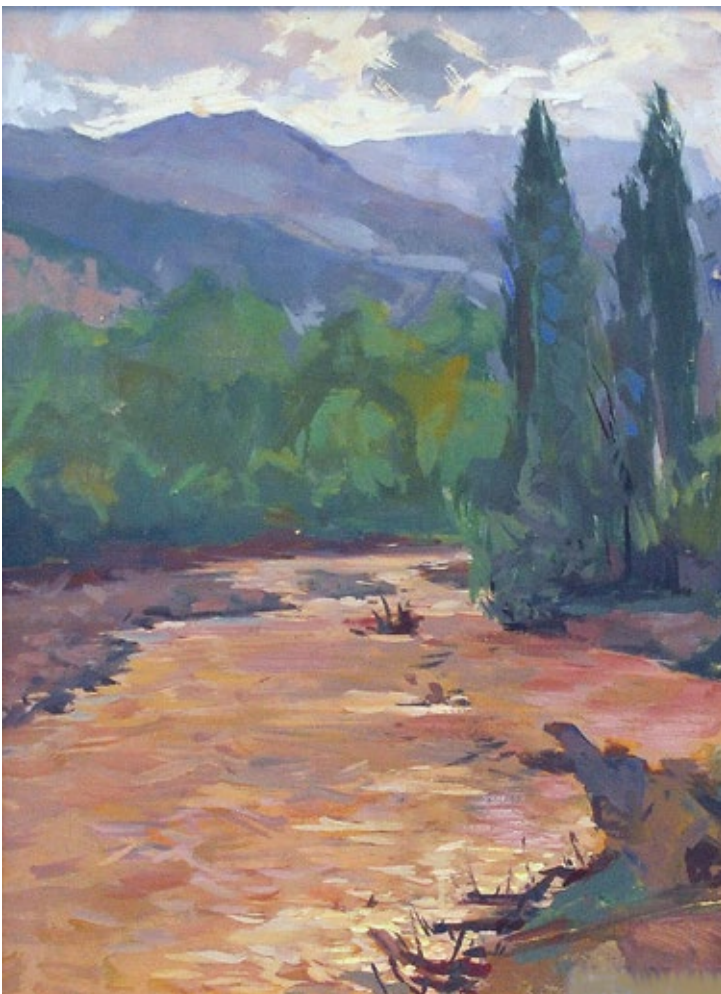
С.М. Скубко с сыном Юрой. 1956

Юра Скубко. Конец 1950-х

С.М. Скубко. Весна в горах. Цветение. К., темпера. 1980

С.М. Скубко. Ранняя весна в горах (горная река). К., темпера. 1981

Еще в детском саду для детей художников меня отличали от других художественных отпрысков ну просто богатырские силы и здоровье и готовность съесть рекордное количество блинов. В летнем детском лагере в Тарусе, помню, прыгнул прямо с дерева и разбил игрушечный самолет какого-то обидчика, а отвечая на мамин вопрос «Юрочка, кем лучше быть, сильным или умным?» был категоричен: «конечно, сильным – сильный умному как даст!». В первые два года в школе в Серебряном переулке на Арбате я всю гонял с ребятами на спортивном поле в футбол, зимой был хоккей, да и постоянные драки закаляли. А с переходом в английскую спецшколу в середине третьего класса нагрузки учебные выросли, а физические почти сошли на нет. И вот я постепенно стал очкариком и интеллигентским хлюпиком... Правда, быстро ставшая высокой близорукость спасла меня от армии, а служить делу Ленина в рядах советских вооруженных сил, уже пораженных дедовщиной, я совсем не хотел. Жаль товарища-одноклассника Женю Коровницына, сидевшего со мной за одной партией. Его отправили в Афган и он погиб – оторвало ноги взрывом мины... Вообще, вся афганская авантюра – чудовищное преступление советских умственных евнухов – ведь были же прекрасные дружественные отношения и с королем Ахмед-шахом и с его преемником Даудом. Ну, зачем понадобилось устраивать там в 1978 году коммунистический переворот, а в 1979 году силой менять одного вождя на другого? Все это имело катастрофические последствия для нашей страны, а сегодня это геморрой для всего мира...

Никто из кремлевских старцев и не подумал почитать новую историю, а ведь прочел бы, что Афганистан в XIX веке не поддался даже многоопытным хищникам англичанам. Нет, не зря говорил Леонид Ильич своим спичрайтерам: «только не вставляйте в мою речь цитаты из Маркса, никто все равно не поверит, что я его читал». Англичанам пришлось с позором покинуть эту страну.

Примерно на те же грабли потом наступил СССР, а сегодня та же участь постигает США. В советское время, по крайней мере, было безопасно рядом с Афганистаном. Отец ездил на Памир, писал горы. Сегодня туда рискнет подняться разве что террорист-смертник.

Советскую власть в нашей семье никогда не любили: всем стало от нее только хуже – и маме с бабушкой из «классово чуждой» среды и отцу – казаку, чей отец, сельский труженик и герой Первой мировой, был раскулачен, «расказачен» и уничтожен режимом (не думали, что последовавший выход из советской власти в бандитский передел окажется во многом еще хуже). При этом понимали, что большевизм паразитирует на вековых чаяниях русского народа – социальной справедливости, солидарности и братства людей – идеалах, которыми пронизано и христианство. Глашатаи марксизма-ленинизма-сталинизма обещали людям рай на Земле, а загнали их в клетку. Но папа с мамой обличениями не увлекались, старались власть по возможности не замечать, просто жить своей жизнью с учетом обстоятельств, не впуская в сердце официальную идеологию. Кровожадную идеологию с ее пропагандой классовой ненависти и ненависти к одухотворяющей русскую культуру вере, циничным использованием и, вместе с тем, презрением к интеллигенции, которая, по мнению Ленина, только «мнит себя мозгом нации, а на деле это не мозг, а г..но».

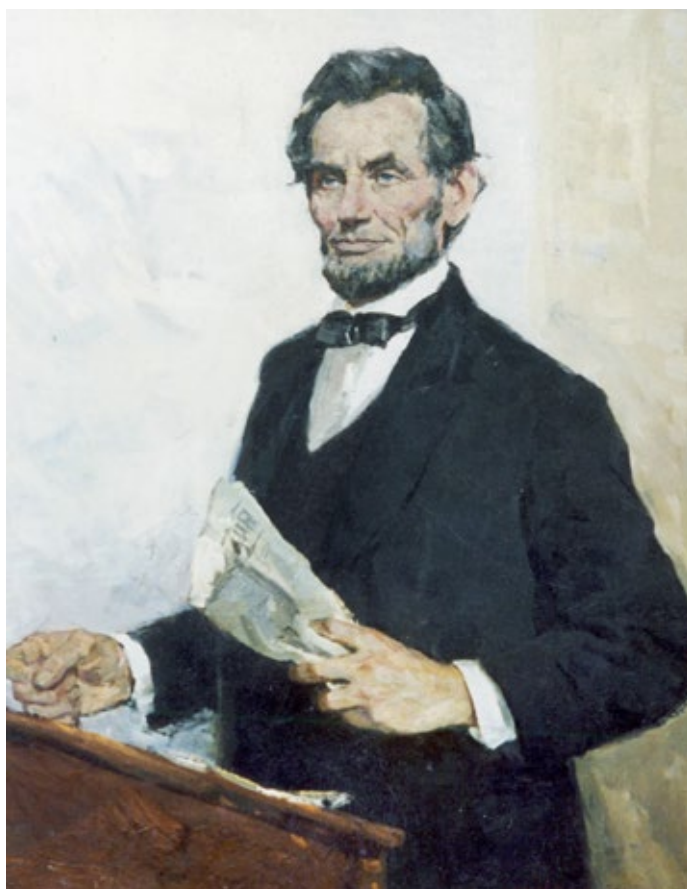

Будущий отец С.М. Скубко, казак Михаил Скубко, с женой и старшей дочерью. 2014

Но мама, сама интуитивно избегавшая всего, что было связано с безбожной, а значит и с бесчеловечной идеологией, в 60-е годы посоветовала отцу вступить в КПСС, что тот и сделал (оправдываясь тем, что идеалы-то благородные). В ту эпоху практически не было иной возможности для личной и профессиональной самореализации, во всяком случае, мужчины. Отец вступил – и сразу картины стали брать на выставки, пошли заказы.

В семью пришел достаток, и нищета хрущевских лет навсегда ушла в историю. Сергей Скубко даже на какое-то время стал главным художником живописного комбината и «открыл» для МОСХа Среднюю Азию как источник творческих командировок и пополнения кошельков от местных богатых хлопководческих хозяйств, где местные баи все равно не знали как потратить свои 2,5% бюджета на «культур-мультир».

*С.М. Скубко. Авраам Линкольн. Х., м. 1972
(Картина выполнена по заказу международного отдела ЦК КПСС для подарка президенту США Р. Никсону, но в последний момент что-то «не срослось»)*

Клара Власова вспоминает:

«В конце 1950-х или первой половине 1960-х Сергей стал главным художником Комбината живописного искусства и в связи с этим был практическим реализатором постановки художников на ежемесячную зарплату под гарантию выполнения заказов. Она колебалась от 150 до 250 рублей в месяц, что вполне обеспечивало не только прожиточный минимум того времени, но и давало возможность после выпол-

нения заказов отдаваться свободному творчеству. Перерасчет зарплат происходил раз в полгода в зависимости от успешности выполнения заказов. В советское время многие художники заказные работы воспринимали как определенного рода кабалу, но сегодня почти все вспоминают ту систему госзаказов с благодарностью как удачный опыт взаимодействия государства с художниками и многие желают его возродить с учетом новых реалий».

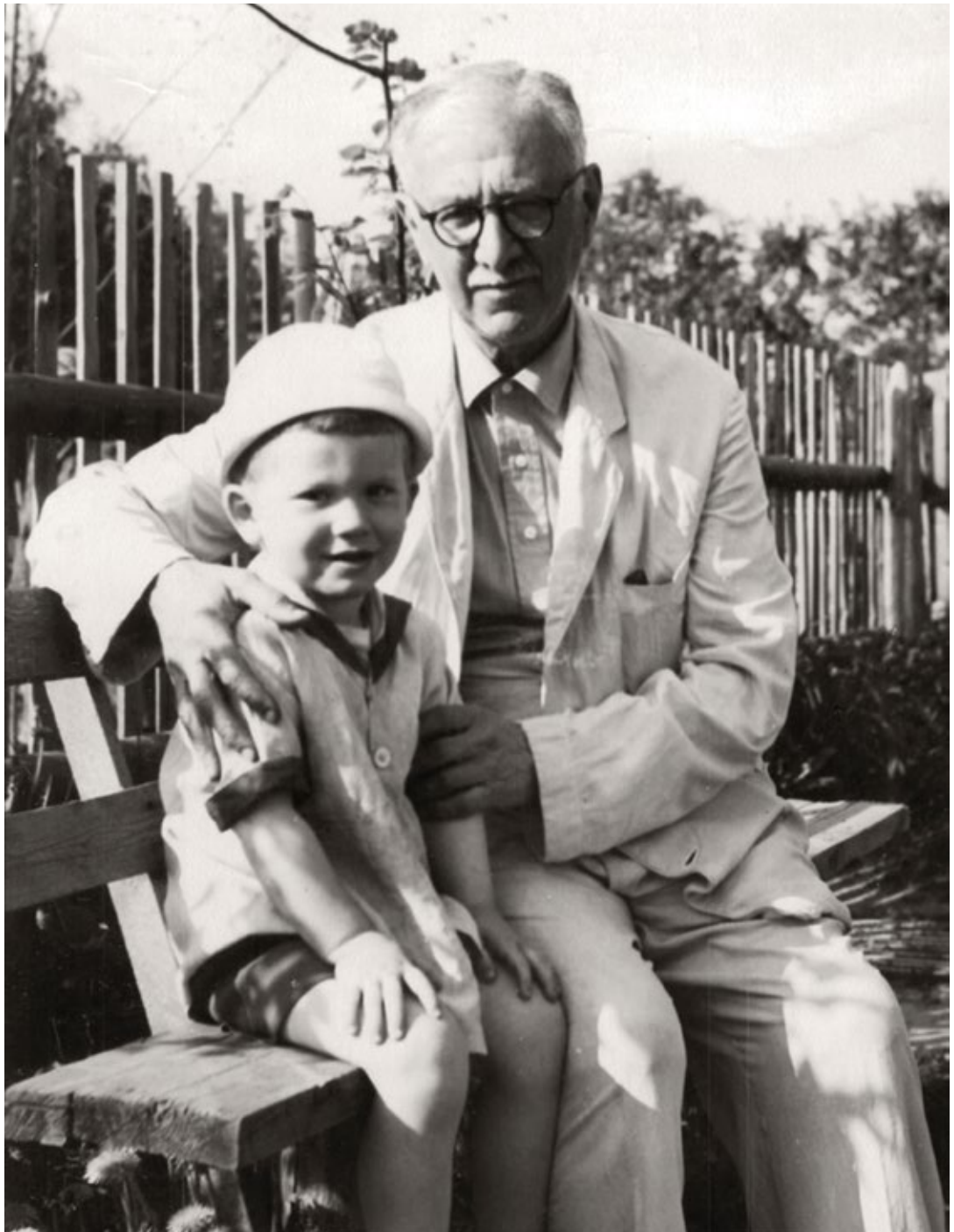
С.М. Скубка. Память о Средней Азии. К., темпера. 1990

Думается, что несмотря на общий отрицательный результат, наш социалистический эксперимент был бесполезен для России и человечества. А если говорить об искусстве, то оно в нашей стране, несмотря на колоссальные жертвы, в течение всего советского периода продолжало развиваться и рождать шедевры, тогда как на капиталистическом Западе оно действительно вырождалось и деградировало (как мы ни смеялись в свое время над советской пропагандой), превращенное в товар и услугу для адского мира наживы и финансовых спекуляций.

Сегодня и мы в нем. Сегодня и мы барахтаемся в помойке «современного искусства», изгаляющегося над остатками духовного начала в человеке. Еще

один аспект современности. В нашу эпоху, эру информационного взрыва и массированного забивания сознания избыточной информацией, виртуальным спамом, подавляющим самостоятельное мышление, трудно не заметить изменение масштаба человеческой личности в сторону измельчания и оскудения в сравнении с поколениями отцов и дедов.

Юность у меня была какой-то нелепой и растянутой по времени, лет от 13-ти и еще долго. В тринадцать, потому что тогда умер горячо любимый мной дедушка, Лев Моисеевич Карпас, и полмира обвалилось, детство кончилось (о детстве и о нашей жизни в Соколовке см. «Феодальное королевство» в Приложении)...

Юра с дедушкой Львом Моисеевичем. 1958

Я стал думать, как обеспечить долгую и здоровую жизнь маме. В книжных залежах на антресолях у дяди Семы, маминого дяди, я обнаружил брошюру о йогах и узнал, какие они сильные и здоровые и как владеют своим телом и сознанием, которое может и выходить из тела. Заодно пробило первую брешь и в моем атеистическом неведении, я стал разыскивать и читать мистическую литературу. До этого вся идеологическая макулатура, которая навязывалась нам а школе, казалась мне правильной а это я, не любящей ее – такой вот неправильный моральный урод. Вообще, мы выписывали в советское время всю возможную литературу: если был дефицит в Москве – то на дачу – там было тогда в Доме отдыха почтовое

отделение и туда я, помнится, ходил получать «Иностранку», а «Новый мир», и «Науку и жизнь» и «Технику молодежи» и «Знание-сила» и т. д. и т. п. получали в Москве. В «Сельской молодежи» неожиданно стали печатать уроки йоги пожившего в Индии преподавателя ИСАА МГУ Анатолия Николаевича Зубкова. Потом, когда мне уже было лет двадцать, довелось год походить на полулегальные тогда занятия в группе самого Зубкова в обширной мастерской маминой подруги художницы Ани Карамян у Киевского вокзала. Тут выяснилось, что мы половину упражнений делали по журнальным описаниям неправильно... Но с учителем мы с мамой все освоили. Комплекс хатха-йоги Зубкова остался у нас навсегда...

Учитель сказал нам самые главные слова, которые перевернули наше мировоззрение: берегите и держите в порядке свое тело, но приучайте себя к мысли, что Вы и оно – не одно и то же. Ваше «Я» существует и развивается в этой телесной оболочке, но не ограничивается ею. Придет время, она отслужит свое и уйдет, как кожа змеи, а ваше вечное «Я», высшее начало, останется. Был дан толчок нашему духовному росту, освобождению от оков государственного атеизма, и уже позднее мы пришли к Христу и православной вере... Сказанное имеет прямое отношение к маминому искусству. Ее реалистические портреты – отнюдь не фотографии – в них живет душа модели. Работа над портретом, даже быстрым карандашным, было общением душ. «Своею жизнью живут портреты моих детей и моих друзей», написала в посвященном маме стихотворении ее добрый и внимательный врач Ольга Демичева. Своею жизнью живут сегодня мамы автопортреты, там присутствует она...

Многие из думающей части общества в те годы явно ощущали тупиковость разлагающегося на глазах «реального» атеистического социализма (именно в те годы А. Солженицын безуспешно предлагал вождям отказаться от марксистско-ленинской идеологии ради сохранения государства) и искали пути соединения социальных идеалов с верой. Огромную роль в возвращении интеллигенции к Богу сыграл убитый впоследствии (1990 г.) подвижник, отец Александр Мень, чьи труды печатались за границей и разными путями проникали к нам. Мы с мамой охотно подпитывались религиозно-мистическим «тамиздатом», распространению которого хорошо помогал входивший в нашу занимавшуюся у Зубкова компанию, номенклатурный работник В.В., мечтавший о соединении социализма с православием.

Сосед по даче, художник В. Руднев, прекрасно исполнявший по гитаре блатной шансон, и ценимый на этой почве многими, включая директора Института Африки В.С., когда я окончил плехановский институт, предложил моему отцу, ранее очень помогшему ему с бревнами, устроить меня в этот очаг науки. Африку изучали прямо через дорогу от нашей квартиры на Арбате – это была судьба. Предложение оказалось интересным. А уж хороший вступительный реферат в аспирантуру написал я сам (завсектором Юга Африки В.П. Городнов сказал: «ничего нового Вы нам, конечно, не сообщили, но писать можете, а остальному научим»). Сначала из-за непрофильного образования, «планирование промышленности», со мной не хотели там даже разговаривать, потом снизошли. Но место в аспирантуре по южноафриканской теме (а я хотел заниматься только ЮАР) было заочным. Подвернулась нетяжелая работенка в том же институте – международный книгообмен. Там, в отдельной комнате в подвале я и писал диссертацию. Потом, после защиты, из уже опостылевшего книгообмена (откуда меня не хотели отпускать) перейти «в чистую науку» помогла мама, написавшая портрет внука одного известного

академика, который позвонил моему новому директору, А. Г., и все уладил. А уж в секторе Юга Африки я плавал как рыба в воде – это было самое задушевное и комфортное для научной работы место в Институте Африки АН СССР, где атмосферу праздника неизменно поддерживали мой научный руководитель А.С. Покровский и «душа» сектора и института Л.Н. Рытов. Институтская учеба в казавшейся серой после английской спецшколы «Плешки» перетекла в более увлекательную аспирантскую, я становился ученым африканистом, успешно защитился, но психологически оставался еще каким-то неоперившимся юнцом. Рубящей концевкой юности стала беседа в феврале 1984 г. с тремя товарищами из КГБ в районном отделении милиции, где мне предложили стать стукачом (называли более культурно – информатором). Отказаться сразу я не решился, уже зная немного историю этой славной организации, – сказал, что подумаю. Подумал. Не скажу, что не боялся, но перспектива доносить на своих товарищей ужасала гораздо больше: я бы навсегда стал дрянью в своих собственных глазах. А пока перед глазами стоял гебист с рыбьим взглядом, объяснявший мне мою «безальтернативную» ситуацию (будет хорошо или мы тебе сделаем плохо). Не буду выставять себя героем – недодавили. Подумал и перестал с ними выходить на контакт, в результате чего вылетел из уже оформленной заграничной поездки от Института Африки, где я работал, и стал «невыездным», – еще в 1987-м не пустили международника даже в ГДР. Только в конце 1989 г. «железный занавес» приподняли и я тут же слетал в Вену, – на конференцию «Социал-демократия и Восточная Европа», и в Париж по частному приглашению

Л.Л. Скубко-Карпас. Старший сын Юрий. X., м. 1980.

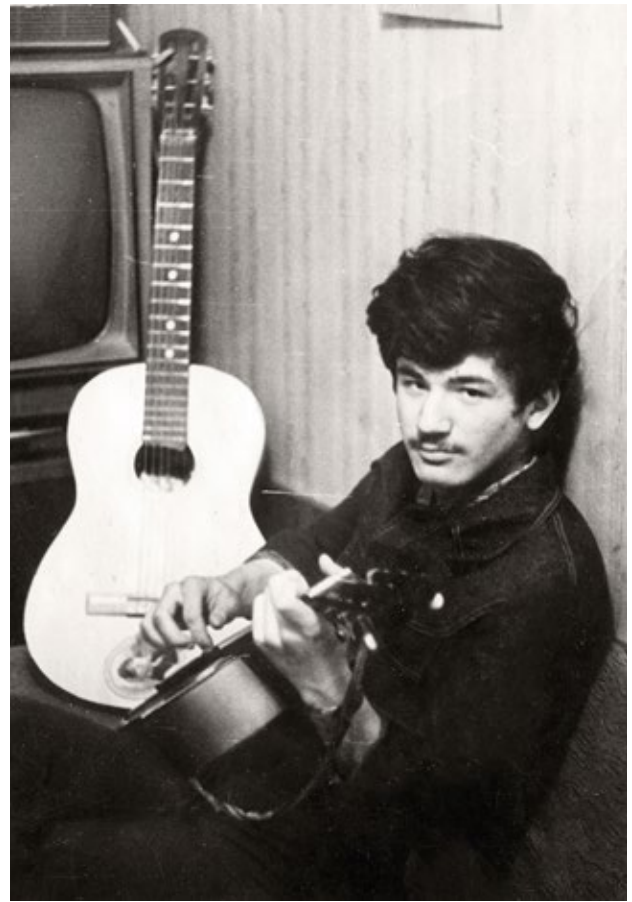
Ю. Скубко. 1984 год. Был советский, стал антисоветский

с плодотворным визитом в редакцию «Русской мысли». А в 1984-м перекрыли кислород на работе: после диссертации и монографии мне не дали старшего научного, что делалось практически «автоматом» (хотя мою работу признал лучшей Совет молодых ученых). Одно хорошо – коллеги защитили от увольнения, никто не предал, не посадили, а то я ведь любил почитать самиздат, политический, художественный, религиозно-философский, и щедро делился им с друзьями (родители тоже почитывали). А за это «светил пятерик» за «распространение заведомо ложных измышлений»...

Ну, чтобы не сломаться, я стал больше расслабляться и развлекаться, постепенно превращаясь из хорошего мальчика в разгильдяя. Бурная личная жизнь лишь отчасти компенсировала политическую несвободу и крест на карьере. Будущего в тоталитарно-коммунистическом СССР для меня не было. До диссидентства оставалось рукой подать...

Мы оглянуться не успели, как отец на моей первой свадьбе (октябрь 1992 г.) сказал, что мы (родители), мол, боялись и молчали, а Юра сказал и сделал. Я уже к тому времени был несколько лет в оппозиционной партии Демократический Союз, в создании которой активно участвовал в 1988-м (социал-демократическая фракция, не путать с либеральной фракцией В. Новодворской).

При всем разбросе мировоззрений, от социалистического и христианско-демократического до ультра-либерального и разного националистического, нас объединяло общее противостояние тоталитаризму, общий кайф «праздника непослушания» ненавистному тоталитарному режиму с его постоянным насилием над личностью и ложью. Уже сама гремучая смесь оппозиции подсказала бы пронизательным, коих среди нас не нашлось, что страна вот-вот будет разнесена в клочья. Впрочем, отрезвление наступило уже скоро (не у всех конечно, – не у неизлечимой «демшизы» и тех, кто урвал на разграблении страны). Как скажет в 90-е философ-диссидент Александр Зиновьев: «целили в коммунизм, а попали в Россию».

*Младший брат Алексей Скубко. 1976
Политикой не увлекался, пробовал играть на гитаре, а больше интересовался техникой (учился на инженера)*

Л.Л. Скубко-Карпас. Алеша в мундире суворовца. К., м. 1972

Вместе с В. Новодворской выступаем в ДК МАИ в 1989 г., агитируя интеллигенцию за смену строя (я закрыл глаза: «Остапа (Леру) понесло, но будь, что будет»).

Добавлю, что если я, как и многие первоначальные сподвижники В.Н. после выхода из советской изоляции довольно быстро излечился от наивного западничества (и нам их морок не впрок, и Запад совсем не тот, каким мы его представляли), то Валерия оставалась верна своей «девичьей мечте» о западном выборе для России до конца. В этом было что-то совсем не западное – капиталов не нажила ведь. Скорее была жертвенная упёртость первых старообрядцев, что-то от боярыни Морозовой с напрасно вздетыми двумя перстами.

И вот теперь (в канун 93-го) я готовился все бросить и уехать, потому что плоды нашей «демократической революции» меня глубоко разочаровали. Отец как раз их тогда пожинал – в городок художников на Масловке потоком шли, растекаясь по мастерским, и скупали едва ли не все на корню иностранцы галерейщики (хорошо покупались, конечно, профессионально исполненные, работы маслом: русские пейзажи и натюрморты, церкви, среднеазиатские горы), от которых старались не отстать и наши дельцы от искусства, зарабатывавшие на перепродажах.

Если взглянуть сегодня на прошлую жизнь в стране советской утопии, видишь, что она была чем-то спокойней и лучше, да и человеческие отношения – чище. Я родился в год окончания Большого террора (1953), открывший, так сказать, вегетарианский период советской власти, увенчавшийся брежневской «золотой осенью», когда люди впервые за полвека смогли зажить по-человечески. Была социальная стабильность, был и рост не только чугуна и стали. Конечно, мы жили в одном, хорошо охраняемом лагере, но все совсем уж необходимое у нас было (каюсь – не у всех – я жил в Москве в семье среднего достатка) А что сверх того дополнялось дефицитом, по добыванию которого в нашей родне даже свой специалист был – дядя Сема. Мне понадобились бы какие-нибудь модные штатовские джинсы – он бы непременно их мне достал. Но я просто никогда о таких вещах не просил – мне это было неинтересно.

Тяготили духовные оковы, атмосфера неволи. Доставала атеистическая идеология, мертвющая с каждым новым генсеком, но еще державшая нас за горло. Особенно несчастных гуманитариев, которым приходилось регулярно ритуально молиться на «всегда живого» и клясться в верности очередным «историческим» решениям съездов и пленумов партно-

менклатурных мордovorотов, которые изменить уже ничего не могли и не хотели, а нагадить еще могли много (примеры – Афган, ранее раздавленная «пражская весна», новочеркасский расстрел своих рабочих и т. п.). Вспоминаю, что неприятие советской власти моей аполитичной мамой было скорее не идеологическим, а где-то на уровне физиологической брезгливости: просто она ощущала эту власть как власть победившего, нагло распоясавшегося хама. Ссылаюсь на пророческую книгу Мережковского «Грядущий хам»: «и вот он пришел». Образ советской власти сливался в глазах мамы с образом захватившей Зимний дворец черни, гадающей в вазы (прочитала где-то в принесенном мною самиздате). Это хамство не отнесешь к издержкам революционного времени – оно самое, наряду с неистребимым бескультурьем и «отрицательным отбором» вождей, проходит красной нитью через всю советскую эпоху и хорошо иллюстрируется вполне правдивым анекдотом уже достаточно позднего периода: Н.С. Хрущев, постучав башмаком по столу на Генеральной Ассамблее ООН, вносит резолюцию собственного сочинения. К нему осторожно подходит министр иностранных дел Громыко и шепчет на ухо: «Дорогой Никита Сергеевич, Вы написали гениальную резолюцию – это новое слово в нашей дипломатии, только вот маленькая поправка: «на х...» пишется отдельно, а «нас...ть» вместе»...

Возникшую было с «оттепелью» надежду на социализм с человеческим лицом наивных шестидесятников эта власть убила еще в 1968-м, раздавила «танками, идущими по Праге». Помню, как отдохавшая в Соколовке интеллигенция собиралась тогда у нас на даче вечерами – слушать вместе с моим отцом сквозь вой глушилок «Свободу» («соколовские» воспоминания см. в очерке «Феодальное королевство» в Приложении). У меня, пятнадцатилетнего, на многое открылись глаза...

Впрочем, срежиссированный ЦРУ через несколько лет переворот и диктатура Пиночета в Чили были ничем не лучше (и т. д., список бесконечен)... Системный кризис советского тоталитарного социализма наложился на системный кризис западного ростовщического капитализма. Анекдот чуть более позднего времени гласил: «Все, что их пропаганда рассказывала о нас, оказалась правдой. Но потом все, что наша пропаганда рассказывала о них, тоже оказалось правдой».

Политика везде – кровь и грязь. Как любила говорить мама, раньше в приличном обществе политикам руки не подавали. Ну а вообще говоря, царство любви и справедливости – ведь не от мира сего...

Первоначально мы планировали провести в Париже (выехали с мамой и братом в августе 1990-го) «разведку боем», как-то обустроиться, а потом пригласить отца.

*Танки идут по Праге
в затканой крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета. . .*

*Страх – это хамства основа.
Охотнорядские хари,
вы – это помесь Ноздрева
и человека в футляре.*

*Совесь и честь вы попрали.
Чудищем едет брюхастым
в танках-футлярах по Праге
страх, бронированный хамством...*

(Е. Евтушенко, 23 августа 1968)

Начало было хорошим (в лесопарке у замка Фонтенбло под Парижем). Рядом с мамой Танечка Дуга, за ними – младший сын Алексей. 1991

Но когда, наконец, обустроились и пригласили, отец заартачился и не поехал – уж очень у него неплохо в коммерческом плане шли дела в Москве. Это был какой-то пир во время чумы. В обнищавшей, разоренной губительными гайдари-чубайсовыми «реформами» и бандитским переделом собственности стране, вдруг резко вырос спрос на произведения искусства, в основном заграничный. Не все приспособились и выжили при переходе от государственной опеки к рынку, да и родители мои даже не пытались овладеть «искусством агрессивного маркетинга». Но, слава Богу, к ним сами приходили покупатели. Особенно, в те годы, к отцу в Москве. Он, конечно, переживал за судьбу МОСХа и многих внезапно обнищавших художников, его удручал слом системы государственной поддержки искусства, но сам он сумел довольно быстро адаптироваться к переменам, благо на его работы был хороший спрос.

С.М. Скубко (справа) в своей мастерской с корреспондентом британского журнала «Экономист» Дж. Паркером (слева), и сыном Ю.С. Скубко (в центре), начало 1990-х гг.

Отец, в отличие от мамы и других художников, хорошо знавший английский, и когда-то мечтавший объездить мир, мог и любил часами говорить в мастерской с иностранцами, но, как отсидевший лучшую часть жизни зэк из анекдота, когда «объявили амнистию», уже никуда не поехал (мы с братом Алешей погостили по несколько недель в Англии в 1990-м)

С.М. Скубко показывает покупателям картины в своей мастерской на Масловке. 1990-е гг.

И отец писал и продавал, писал и продавал. Тогда я привез маму из Парижа на одно лето в 1995 году в Москву, помог родителям организовать небольшие персональные выставки в Центре Карнеги. Но осенью мы снова уехали с мамой в Париж: обстановка у нас в стране была еще слишком неопределенной, местами постреливали, шла бездарная первая чеченская война. После вспышки гражданской войны в 1993-м, закончившейся танковым расстрелом Белого дома, гражданское противостояние продолжалось вплоть до наперсточных выборов 1996 года, закрепивших «банду Ельцина» у власти в новой, полукриминальной России. Капитулировали в Чечне. Хоть какая-то, но стабильность. К тому же для мамы дальнейшее пребывание во Франции было смерти подобно. Не уверен, что в тот момент вспоминали, но знали и помнили пронзительно-ностальгические строки Александра Галича, не сумевшего вернуться (мне довелось побывать в парижской студии радио «Свобода», где он в 70-х работал до своей внезапной смерти):

*Когда я вернусь - ты не смейся, - когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому
снегу,*

*По еле заметному следу к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...*

*Послушай, послушай - не смейся, - когда я вернусь,
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможней,
И прямо с вокзала в крошечный, ничтожный, раешный
Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...*

И мы вернулись в Москву, правда, не бегом, а еле-еле, как из комы, в апреле 1997-го, брат остался. Жизнь мамы вернулась на 15 лет. Вернулось и упоение творчеством.

Время уходило. Торопилась успеть допеть свою песню. Очень близко, лично воспринимала слова из песни Высоцкого: «Чуть помедленнее, кони... хоть немного еще постою на краю»...

Л.Л. Скубко-Карпас с сыном Юрием в Париже. Зима, 1995–96 гг.

Л. Скубко-Карпас в парижской съемной квартирке с котом Васькой 1995

Л.Л. Скубко-Карпас в московской квартире. 2009

С сыновьями Юрием и Алексеем в Москве. 2008

Дождалась мама и приезда из Парижа в 2008 году младшего сына Алексея. Встреча оказалась последней.

1 июня 2012 года мама умерла. Обрушился весь мир. Смерть отца я не воспринимал так болезненно – ведь он ушел из этой не очень любимой им жизни добровольно. Мама до конца хотела жить. Зная всю бренность и временность нашего бытия в этом мире, она все же очень любила и этот мир и эту жизнь, гораздо больше, чем отец, любила нас...

Л.Л. Скубко-Карпас. Корзиночка с цветами. К., пастель. 2009

Моя жизнь не то что бы закончилась – ее просто не стало совсем. Мне уже ничего не нужно от жизни – ни продолжения карьеры, ни каких-то благ. Смешно. «Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить». Говорят, человек умирает в назначенное ему время и ничего нельзя с этим поделать. Все равно в чем то коришь себя. Первое время общался с людьми, как будто выходя с того света. Но у меня чудесная семья, заботливая и любящая жена. И остались еще важные дела – еще много работы по творческому наследию родителей. Так что стоит еще пожить.

Помогает выжить и продолжать жить светлое мироощущение мамы. Если отец, анализируя и рассуждая, не увидел света спасения в нашем жестоком и несправедливом мире (хотя и безнадежности в его творчестве нет), то мать, прекрасно сознавая и ощущая все трагические стороны жизни, пропела о ней песню, воплотила в своем творчестве восхищение красотой и гармонией божьего мира, облагораживающей и придающей смысл нашему суетному бытию. Устремление души к высшей гармонии ощущаешь и в лучших работах отца.

Л.Л. Скубко-Карпас. Суздаль. Кремль. К., пастель. 1989

С родителями на даче в середине 2000-х

P.S.: Думаю, что сегодня мои родители, как и я, порадовались бы возрождению державной мощи России, возвращению Крыма в родную гавань и другим духоподъемным явлениям. Но в этой гордости – привкус горечи, ибо патриотизм без справедливости – что-то вроде пресловутого «последнего прибежища негодяев». Не где-нибудь, а у нас в новейшее время взошло на дрожжах воровской экономики одно из самых несправедливых обществ в мире, и те, кто имеет отношение к науке и образованию, здравоохранению и социальной сфере, «оптимизированным» хищниками, эту гнетущую несправедливость просто кожей ощущают. Досталось и художникам. Все проходит, и это пройдет. Уйдет преходящее, останется настоящее, да пребудет с нами вечное

Л.Л. Скубко-Карпас. Интерьер в мастерской. К., пастель. 2006

Елена Юрьевна Садыкова
Куратор проекта, искусствовед

Статья на сайте Арт-релиз РФ

Презентация альбома рисунков Л.Л. Скубко-Карпас

Л.Л. Скубко-Карпас. Автопортрет. 2000

23 сентября 1915 г. состоялась презентация нового художественного альбома «Людмила Скубко-Карпас. Рисунки мастера» в «Открытом клубе» на Спиридоновке – излюбленном месте встреч творческой интеллигенции и коллекционеров, расположенном в историческом центре Москвы, в двух шагах от Патриарших прудов. Основатель клуба Вадим Гинзбург – покровитель ярких мастеров и некоммерческих проектов, вносящих новое слово в современный мир искусства.

Альбом впервые представил неизвестные до того широкой публике графические работы Людмилы Львовны Скубко-Карпас (1923–2012). Вступление к альбому написала главный редактор газеты «Новости МСХ» Радослава Конечна. От издательства «Живопись-инфо 2010», подготовившего на высоком профессиональном уровне настоящий альбом к печати, выступил художник и дизайнер, член Правления МСХ Юрий Попков

Авторы альбома Лев Дьяконович, Елена Садыкова и Юрий Скубко с разных позиций осветили важную часть творческого наследия мастера. В статье «Хранитель культуры рисунка Людмила Скубко-Карпас» Лев Федорович Дьяконович подчеркнул связь мастера «камерного звучания» с современной ей художественной жизнью. «В рисунках Людмилы Скубко-Карпас нет замученности, штудийности, зато есть всегда живость, открытость, смелость

На вечере презентации альбома 23.09.2015

рисунка. Даже в маленьких кроках, быстрых зарисовках с натуры, мастер схватывала опорные знаки натуры и драматургию характера».

Автор следующей статьи, Елена Юрьевна Садыкова, характеризует Людмилу Скубко-Карпас как «тонкого свидетеля эпохи». В статье прослеживается связь детских портретов работы мастера с детскими сюжетами, созданными в предыдущие времена в России (работы Ореста Кипренского и Елизаветы Бём) и Франции «Удивительным образом, через века, невидимая нить связывает образы, родившиеся в далекую эпоху Возрождения и в советское время. Живость и непосредственность натуры, искренность, глубина характера», – вот какие черты присущи рисункам Л. Скубко-Карпас по словам Е.Ю. Садыковой.

Завершает альбом статья «Детвора с арбатского двора. Штрихи биографии художника». Ее автор Юрий Сергеевич Скубко, старший сын Людмилы Львовны, живо представил семейную картину, обрисовав основные этапы биографии мастера.

Презентация альбома сопровождалась художественной выставкой. В двух залах экспонировали живопись и пастели разных лет. Удивительные по чистоте звучания карандашные зарисовки привлекали зрителей особенно сильно. На вечере, прошедшем в теплой атмосфере, выступили авторы альбома и близкие друзья Людмилы Львовны Скубко-Карпас. С особым вниманием собравшиеся слушали воспоминания подруги Людмилы Львовны еще со студенческой юности, художника Клары Филипповны Власовой. Приятным подарком стало выступление почетного члена Российской академии художеств, первого заместителя директора Музея Востока Татьяны Христофоровны Метаксы. В нем прозвучала связь времен.

Светлана Феоктистова (жена Юрия Скубко), Александр Басов, Дмитрий Краснер и Илья Хрипченко

Авторы альбома: Елена Садыкова, Лев Дьяконицын (выступает), Юрий Скубко

О. Ю. Демичева читает свое стихотворное посвящение на вечере творческого наследия Л.Л. Скубко-Карпас 23 сентября 2015 года в Открытом клубе в Москве

Выступления завершили стихи:

Ольга Демичева
ПОСВЯЩЕНИЕ

*Под легкой ножкой шуршит щебенка
Рука послушна, прищурен глаз.
Художник с нежной душой ребенка –
Людмила Львовна Скубко-Карпас.
Творит, как дышит – свободно, страстно,
Творит, сгорая, горит до тла.
Она и в восемьдесят прекрасна!
Была прекрасна. Была, была...
Холста невинная гладь согрета
Лучистой тайной ее идей.
Своею жизнью живут портреты
Моих детей и моих друзей
Седые кудри в седой постели.
Глоток последний, глоток до дна
Ее пейзажи, ее пастели,
Ее портреты... Но не она.
И сразу цены в разы взлетают
На воплощенные миражи.
У всех талантов стезя простая –
Творить до смерти. А после – жить
Великий мастер с улыбкой детской,
Людмила Львовна Скубко-Карпас.
Картин мне мало. Куда мне деться?
Простите. Мне не хватает Вас...*

Евдокия Осенина. Август 2015

Л.Л. Скубко-Карпас. Доктор Ольга Демичева. 2006.

Е. Осенина – литературный псевдоним Ольги Юрьевны Демичевой, зав. отделением 11-й ГКБ Москвы, где Людмила Львовна наблюдалась и лечилась много лет. Они с О. Ю. очень дружили. Людмила Львовна нарисовала доктора Ольгу Демичеву и написала портреты ее дочерей, Алены и Наташи Силкиных (см. с. 17). С 11-й ГКБ связан еще ряд работ.

Доктор Марк из 11-й горбольницы. 2000-е гг.

На вечере был показан документальный фильм Е.А. Лисенковой и Ю.С. Скубко «Творческое наследие художников Людмилы Скубко-Карпас и Сергея Скубко». Перед нами несколько кадров из фильма:

Авторы фильма Елена Лисенкова и Юрий Скубко

На открытии выставки к 90-летию Л.Л. Скубко-Карпас выступает председатель выставочной комиссии Е.Ю. Павловская

С.М. Скубко показывает свои работы в мастерской. 1990

Людмила Львовна рисует свою невестку Светлану Феоктистову (2010)

Диск с фильмом прилагается к настоящему изданию книги.

Также фильм размещен на сайте www.skubkokarpas.ru
Запись вечера в «Открытом клубе» – <http://www.youtube.com/watch?v=HYdnuluLd58>

Статья из газеты «Мир живописи» № 9–10, 2015

В искусстве – бессмертие души

Мы способны дать правильную оценку только тому, что безвозвратно потеряли... Это относится не только к потерянным предметам, событиям ушедшим в прошлое, но и к тем людям, которые были рядом с нами.

А рядом с нами живут и работают обычные люди: родственники, соседи, коллеги по работе. Нас объединяют общие житейские заботы, волнуют, а порой и разъединяют взгляды на современную жизнь и искусство.

Московский Союз художников состоит из большого числа творческих индивидуальностей разных поколений. Подлинное искусство стирает границы возраста, и только мера таланта устанавливает в нашей среде свою субординацию. Но все это справедливо для творческого процесса, когда художник жив. Когда же художник покидает этот мир – его творческий процесс делается результатом. Вот тогда и происходит подлинная оценка творчества.

Бывает, произведение, лишившееся поддержки влиятельного автора, умирает вместе с ним. Но часто происходит и нечто противоположное. Работы скромного, талантливого автора, теснимые конъюнктурой на периферию выставочных залов, спустя время обретают новую жизнь, и в отсутствии автора делаются ярким явлением своего времени.

В глубине души каждый художник мечтает о том, чтобы его произведения пережили его самого.

Эти размышления возникли у меня, когда мой сосед по Городку художников на Масловке – Юра обратился ко мне с застенчивой просьбой написать несколько строк о своих родителях художниках – Сергее Михайловиче Скубко и Людмиле Львовне Скубко-Карпас.

Я не могу сказать, что принадлежу к кругу близких им друзей, но наше доброе знакомство и сотрудничество насчитывает более чем тридцатилетний период и возвращает меня в воспоминаниях к тому периоду

Л.Л. Скубко. Ранняя весна. Х., м. 1952

жизни Московского Союза художников, когда полнокровная творческая жизнь была востребована государством, а материальная самостоятельность позволяла художникам выбирать темы и места для своих работ на всем пространстве необъятной страны. А для того чтобы помочь коллегам в организации поездок и организации выставок, в МОСХ е существовали профильные комиссии.

Была, например, морская комиссия, обеспечивающая связь с морским и речным Флотом, спортивная, открывающая художникам доступ на все виды соревнований и тренировок спортсменов, комиссия по работе в сельской местности, комиссия по охране памятников культуры и другие...

Вот эта общественная работа и сблизила меня с Людмилой Львовной и Сергеем Михайловичем.

Результатом нашей многолетней работы в сельской комиссии были многочисленные выставки, которые проходили в центральных выставочных залах Москвы.

Тогда нам казалось, что работа профессиональных художников не менее важна, чем труд врача, учителя, ученого и будет всегда востребована.

Но сегодняшний рыночный подход к искусству перевернул складывающееся веками, представление о профессиональных художниках. Теперь профессионал тот, кто производит товар, продает его, оплачивает аренду торговых площадей, и никого не волнует художественный уровень такой деятельности, или вернее полное его отсутствие.

Уличная торговля живописью не нуждается в поисках талантов, обучении в институте и вступлении в Союз художников.

Может показаться, что я углубился в эту тему, забыв о тех, ради кого взялся за перо. Но общение с Сергеем Михайловичем позволяет мне предположить, что изменившееся отношение к искусству, которому он посвятил свою жизнь, послужило причиной столь драматичного ухода его из жизни. Я до сих пор не могу понять, что могло толкнуть этого интеллигентного, сдержанного и талантливого человека на отчаянный шаг, который в свое время совершил Хемингуэй.

Чтобы заглянуть в душу художника, достаточно познакомиться с его творчеством. Все, кто знаком с творчеством Сергея Михайловича Скубко, непременно отметят его жизнерадостное мировосприятие. Я думаю, именно эти качества произведений Сергея Михайловича обещают им долгую жизнь.

Семейная жизнь двух художников это вовсе не легкая безоблачная жизнь. Оберегая свое творческое пространство, как это не покажется странным, художник обречен на одиночество. Даже для самых общительных людей потребность в одиночестве есть непременное условие для сохранения творческой личности. В этом смысле Людмила Львовна умело оберегала свою индивидуальность несмотря на то, что она была удивительно мягким и общительным человеком. Творчество женщины-художника, особенно если она мать, отличается от мужского. Это различие не дает никому преимуществ, однако вносит свои

особенности. Так, в светлых, почти всегда безмятежных работах Людмилы Львовны Скубко-Карпас можно почувствовать не только нежность, но и материнскую озабоченность судьбой двух своих сыновей.

Я не люблю комментировать живопись моих коллег. С одной стороны потому, что не хочу навязывать свое мнение, а с другой потому, что произведение художника не нуждается в посредничестве и открывается само каждому внимательному зрителю.

Мое же воспоминание о московских художниках и добрых соседях моей семьи Людмиле Львовне Скубко-Карпас и Сергее Михайловиче Скубко навсегда будет связано с лучшими годами многих наших коллег.

С.М. Скубко.
Среднеазиатский этюд. К., м. 1968

Л.Л. Скубко-Карпас Юрка на даче. X., м. 1966

Наталья Викторовна Коновалова
Художник

Воспоминание о Людмиле Скубко-Карпас

Когда я познакомилась с Людмилой Львовной, я была еще достаточно молода и, как говорится, на меня сразу «пахнуло» ее позитивно-радостной энергией, что сразу же выделило её в моем сознании в особую группу, как оказалось, на многие годы.

Это теперь я понимаю, какими по-особому необыкновенными были вообще люди того поколения. И тут приходится признать в очередной раз, что по-настоящему ценное оценивается со временем и чем дальше, тем больше. В Людмиле Львовне сочетались такие хорошие качества, как доброта, искренность, работоспособность, отзывчивость и жизнерадостность и что-то еще, обаятельное, не поддающееся четкому определению. Каждый раз, встречаясь с ней на улице, мимоходом, обменявшись обычными для знакомых фразами и попрощавшись, потом оставалось стойкое ощущение, что тебе как будто что-то подарили или с чем-то поздравили, а её смех на-

Л.Л. Скубко-Карпас. Весна. Старая церковь. К., пастель. 1987 г.

Работа была подарена настоятелю храма о. Дмитрию Смирнову и в настоящее время находится в музее храма святителя Митрофания Воронежского

В музее храма святителя Митрофания Воронежского

На открытии выставки Л.Л. Скубко-Карпас в православной гимназии «Свет». Рождественский концерт. Январь, 2004

поминал звук колокольчика. Тот круг общения с уже состоявшимися художницами, и куда наряду с Людмилой Львовной входили, и прежде всего, моя мать, Татьяна Коновалова-Ковригина, Мария Савченкова, Нина Сергеева, Татьяна Марченко, Ольга Светличная и другие, создавал некую защищенность и надежду, что так будет всегда. Это были женщины-художницы, самозабвенно занимавшиеся искусством живописи и рисунка, хранящие какую-то невидимую матрицу традиций и новых поисков, а главное, беззаветно верящие, что так и надо. Все их сомнения касались только их собственной талантливости, и поэтому они строго относились к тому, что они делали.

Л.Л. Скубко-Карпас с Натальей Коноваловой

К этому можно добавить и равнодушие Людмилы Львовны к судьбе так называемого «городка художников на Масловке». В те далекие годы, когда это понятие только начинало существовать, она уже заботилась о том, чтобы это закрепилось официально на бумаге и в понимании самих художников. Но, к сожалению, эта проблема существует и до сих пор. Теперь, когда группой художников эта тема возрождается с помощью строительства храма преподобного Андрея Рублева на Верхней Масловке, память о Людмиле Львовне возникает вновь, так как она очень ждала этого события и радовалась всему, что этому способствовало. Жаль, что она не вошла под своды еще не построенного храма, общине которого более десяти лет, но когда это событие состоится, она войдет туда душой и духом и будет радоваться со всеми нами уже всегда.

Людмила Львовна, будучи общественным Председателем Городка художников до отъезда в 1990 году во Францию, помогала многим художникам и работникам персонала городка в решении насущных проблем, а после возвращения (1997 год) она провела в январе 2004 года шефскую выставку своих пастелей в православной гимназии «Свет» на ул. 8 марта, подарив гимназии и храму несколько своих работ. Среди них – Храм Благовещения Пресвятой Богородицы в еще запущенном «советском» состоянии (Старая церковь. Весна), но уже накануне своего возрождения.

Илья Иванович Хрипченко
Заслуженный художник России

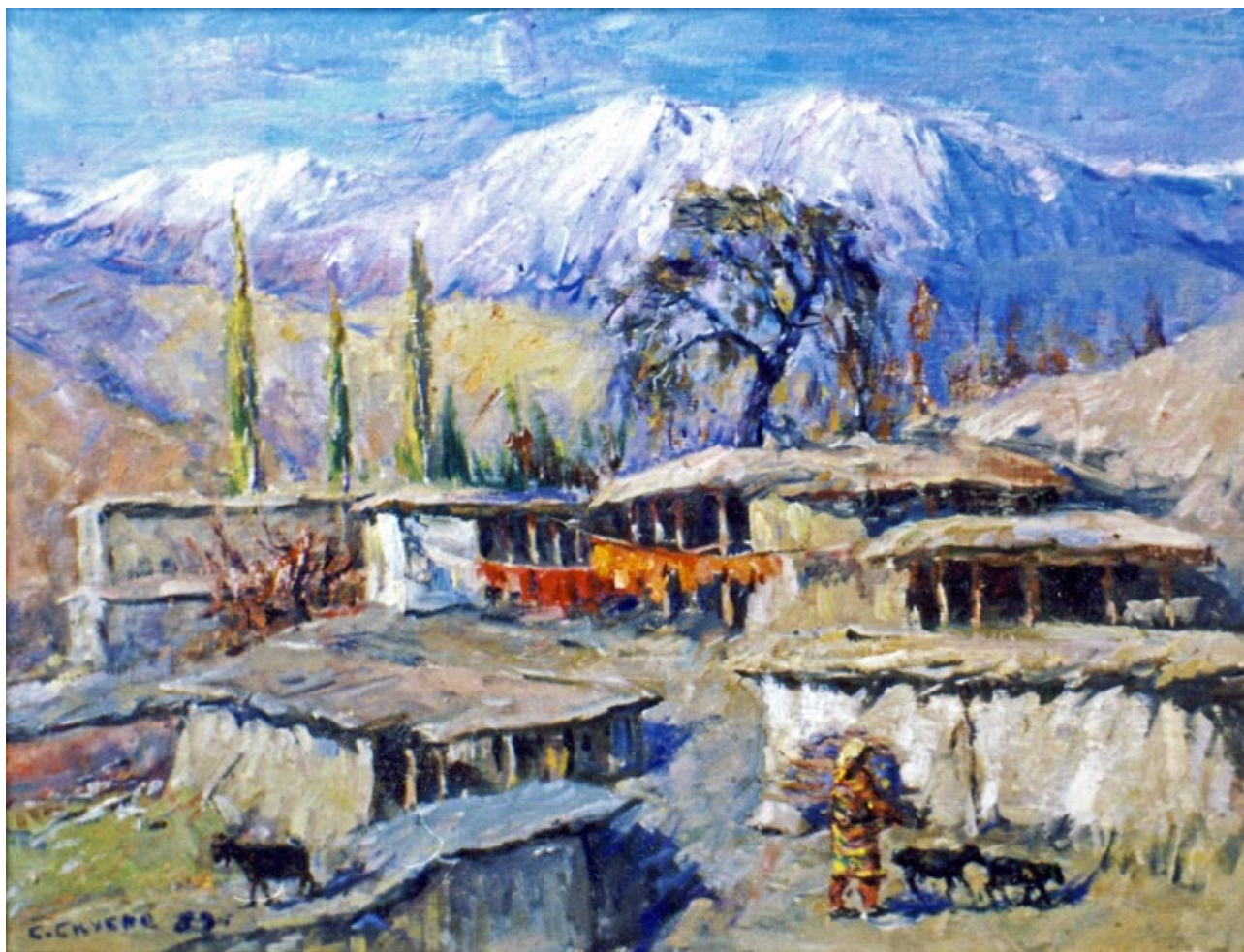

Сергей Михайлович Скубко

С творчеством художника Сергея Михайловича Скубко и с ним самим мне довелось познакомиться в 70-е годы прошлого века. Наше знакомство повлияло и на мою творческую биографию. Художник Скубко закончил Суриковский институт, и, конечно, у него была очень хорошая академическая школа. После окончания института художник пишет ряд картин, которые вошли в историю советской живописи. Одна из таких картин находится в Историческом музее г. Москвы, – «В. И. Ленин в вагоне поезда на пути в Петроград в апреле 1917 г.» (1954). Современный зритель, конечно, может позлорадствовать над сюжетом картины, но ведь это только сюжет, а насколько точно художник отобразил эпоху, почувствовал дух того времени. Всей драмой переживания сюжета можно только восхищаться, – как автору удалось изобразить психологический портрет всех участников данной картины.

К исторической тематике художник возвращается довольно часто. Скубко пишет еще ряд известных картин, одна из которых находится в Уральском музее, – «Иван Ползунов» (это один из русских изобретателей, создатель первой паровой машины). По своим живописным характеристикам и сюжету, в картине прочитываются школа и подходы к композиции великого мастера Василия Сурикова.

Из сюжетных композиций, немного позже, художник пишет портрет Ф.М. Достоевского, полный драматизма и философских размышлений. Именно в цвете С.М. Скубко находит живописный эквивалент чувственного восприятия. Что касается портретного жанра, художнику удается с особой остротой восприятия портрет Авраама Линкольна (с. 37), – яркая страница в портретном творчестве С.М. Скубко.

С.М. Скубко. Сангардак. Х., м. 1985

С.М. Скубко. Зима в Суздаль. Х., м. 1996

Наряду с поразительным сходством президента, целая буря эмоций и психологизма наблюдается во взгляде Авраама Линкольна. Несмотря на жесткий гротесковый рисунок, с удивительной легкостью автор написал полотно в самых лучших русских традициях эпохи передвижников.

Художник много путешествует по стране и много пишет на пленэре. Природа всегда была притягательной для художников, вот и для Скубко она стала личным переживанием в его творчестве. Познакомившись с художником Иваном Хрипченко, он создает целый ряд замечательных полотен во время поездки по предгорьям Памира: такие работы, как «Хандиза», «Горный Тупаланг», «Сангардак» и «Газарак». Снежные вершины гор, горные реки, пирамидальные тополя, прозрачное синее небо, горные тропы – бесконечное разнообразие форм, которые волновали художника и приковывали его взгляд. Скубко пишет все эти, на первый взгляд, простые мотивы, переживая их каждый раз по-новому.

Художник С.М. Скубко в характерной стилистике реалистического метода с элементами экспрессии продолжает диалог со зрителем в циклах по Средней Азии. География пейзажных мотивов по Средней Азии довольно широка: Бухара, Хива, Самарканд, Термез. Поездка по Узбекистану с такими художниками, как Э. Браговский, И. Хрипченко, Н. Сергеева, Л. Скубко-Карпас была одним из наиболее ярких

периодов в творчестве художника. Такие работы, как «Чор Минор», «Бухара», «Улочка в Хиве», «Утренняя Бухара» и «Минарет Ходжа Ислам» свидетельствуют о зрелости мировоззрения и отношении к живописи. Художник иногда не стремился к полной завершенности работы. Он намеренно останавливался между этюдом и картиной, и в этой незавершенности, недосказанности проявлялась его индивидуальность. Дружба с художником Николаем Передним и совместные поездки по старым русским городам, таким как Таруса, Коломна и Суздаль, особенно в зимнее время, – тоже одна из страниц творческой биографии художника, которую хотелось бы отметить. Художник удачно находит тональные отношения, а энергично положенные на холст мазки убедительно передают искрящийся снег на куполах русских храмов и в перелесках.

Несомненно, живопись художника Сергея Скубко, созданная в лучших традициях академической школы реализма, обладает артистизмом и эмоциональной насыщенностью, всегда актуальна и интересна широкому кругу ценителей реалистической школы живописи.

Ниже прилагаю воспоминания своей сестры Галины о Сергее Михайловиче.

Из воспоминаний Галины Довгой (Хрипченко)

Воспоминания о С.М. Скубко

Сергей Михайлович появился у нас, когда нам с братом было 12 и 11 лет, соответственно. Он был высокий и крупный; время было летнее, и он был в шляпе, под которой виднелась его огромная и умная голова. В этой голове находилась целая энциклопедия. С этим человеком можно было говорить на любые темы, и на все вопросы у него находились ответы. Сергей Михайлович в совершенстве владел английским языком и обладал уникальной памятью, вплоть до глубокой старости. Он рассказывал нам, что он родом из бедной семьи с Дальнего Востока и часто показывал фотографию своей матери, которую он возил с собой. Он редко видел свою мать, т. к. приехал покорять Москву и поступил в Суриковский институт. Учился, работал, потом женился и домой почти не возвращался. С детства помню из его рассказов, как трепетно относился он к своей матери и как страдал, когда она умирала. Покорение Москвы оказалось не простым делом в судьбе Сергея Михайловича. Со временем, он занял хорошее положение, удачно женился, потом у него родилось двое сыновей, которыми он очень гордился, особенно старшим. Оба сына знали английский язык в совершенстве, а младший сын ещё и французский (сейчас живёт во Франции). Он часто рассказывал о своих сыновьях нам с большой отцовской любовью. Сергей Михайлович всегда был оптимистом, жизнерадостным человеком, совершенно неприхотливым и простым. Он так вписался в нашу семью, что наша мама никогда не уставала от такого

С.М. Скубко. Кишлак над обрывом. К., темпера. 1969

Л.Л. Скубко-Карпас. Двор дома семьи Хрипченко, в Сариаассе. К., пастель/м. 1983

гостя. Он был большим дипломатом, никогда не конфликтовал и всегда обходил «острые углы», он сглаживал ссоры даже в нашей семье. Жил он у нас иногда долго – два или три месяца. Приезжал, как правило, на сезон и всегда привозил «научительные» подарки, например пластинки с уроками английского языка. В летнее время, когда он приезжал из Москвы, все художники готовились к групповому творческому походу в горы на этюды. Наш отец всегда организовывал такие поездки. В вертолёт загружали много продовольствия и летели в горы, чтобы бедным людям помочь с пропитанием, т. к. высоко в горах с пищей были проблемы и все ждали когда её привезут, поэтому бедный горный народ с большой радостью ждал вертолет с художниками и готовил хлебные лепешки к этой встрече. Сергей Михайлович всегда восхищался красотой бедного узбекского народа. Он написал очень много портретов людей и пейзажей горной природы. Многие работы побывали на выставках. Когда мы выросли с братом, Сергей Михайлович принял нас у себя в Москве как своих детей. Мы жили у него в мастерской. Потом, когда мы устроились, мы приезжали к нему на выходные, чтобы погостить. Для моего брата, который в последствии стал художником, Сергей Михайлович был одним из учителей, оказавших яркое влияние. Светлая память Сергею Михайловичу, этому светлому человеку, ставшему для нас родным.

Как я стал коллекционером (Отрывок)

...В любой стране мира более всего ценится именно своя национальная художественная школа. Причём, для возрождения собственных художественных школ в конце 1980-х годов в Париж и Рим были приглашены именно советские художники старшего поколения. Году этак в 1992 были мы с Эдмондом Розенфельдом на Масловке в мастерской художника С.М. Скубко. Эдмонд, владелец трёх галерей во Франции, обратил внимание на карандашный портрет девочки. Рисунок был выполнен характерными мелкими штрихами. Галерейщик тут же загорелся желанием его купить, но получил решительный отказ. «Но зачем вам рисунок неизвестного француза. Тут даже подписи нет! Для вас он ничего не значит, а для меня очень интересен. Это же наша национальная техника рисунка, к сожалению, утраченная около ста лет назад».

Сергей Михайлович улыбнулся и ответил: «Ну, скажем, рисунку не сто лет, а только пятьдесят. Его сделала моя жена в молодости, и без её разрешения я его продать не могу»

– А где ваша жена. Давайте съездим к ней. Я хочу с ней познакомиться.

– Месье, мне нет никакой необходимости ехать с вами в Париж. Моя жена там преподаёт живопись. Вот её адрес.

Француз посмотрел на визитку: «Впрочем, я рад, что именно русские помогают возрождать наши национальные традиции. Вы ведь знаете, что именно русские открыли наших импрессионистов. Американцы стали покупать их вслед за Щукиным».

Тут обе стороны рассыпались во взаимных похвалах русской и французской культуре. Я еле успевал переводить. Если вы сомневаетесь в правдивости только что переданного диалога, то, если будете в Париже, зайдите там на Rue de Moscu, 7. Эдмонд наверняка помнит этот разговор. Он уже хорошо говорит по-русски, так что языкового барьера не будет. Этот честнейший человек, тонкий знаток и любитель живописи был одним из немногих, кто резко выделялся своей порядочностью, искренним и тёплым отношением к художникам среди огромной толпы откровенных рвачей и грабителей, читай – западных дилеров и галерейщиков, мощным потоком сметавших в то время реалистическую и импрессионистическую живопись из мастерских старых и стареющих советских художников...

Так что предоставляю читателю самому судить о влиянии партийной идеологии на творчество художников в СССР. Меня спросят: а как насчёт портретов вождей, картин типа «Ленин на III съезде комсомола»? Тогда давайте зададимся вопросом о том, был ли Илья Ефимович Репин черносотенцем, не исповедовал ли автор «Заседания Государственного Совета» и «Крестного хода в Курской губернии» принципов самодержавия, православия и народности? А как насчёт портретов Николая II кисти Серова? А мадонны Рафаэля разве не писались по заказу мракобесов из Ватикана? Нам, в конце концов, неизвестно ни одно произведение Микеланджело, бичующего Святую Инквизицию. Надо ли из этого делать выводы о несвободе творчества в эпоху Возрождения?

Если пишет мастер, то и портрет Будённого будет выполнен талантливо и с душой, а если бездарь и шарлатан, то и от портрета любимой девушки будут черти шараться!

Л.Л. Скубко-Карпас. Танечка. 1945

Л.Л. Скубко-Карпас. Пьер. 1982

Л.Л. Скубко-Карпас. Преподавательница йоги. 1982

Л.Л. Скубко-Карпас. Изабель, школьница из Гренобля. 1982

Л.Л. Скубко-Карпас. Маша. 1982

Феодальное королевство

Почему феодальное не помню, наверное, просто слово понравилось. Я тогда уже много читал книжек по истории, но понимал в ней еще мало. Сейчас тоже немного. Феодальное королевство Соколовой Пустыни, где я был монархом, продержалось года три, между моим десяти- и тринадцатилетием. После тринадцатилетия безумно любивший меня и во всем потакавший мне дедушка (моя ответная любовь была слабее и эгоистичнее) стал болеть и потом умер. Королевства не стало. Детство закончилось.

В первый раз в Соколовку мы приехали всем семейством (мне семь лет, брату два, плюс родители) в кузове грузовика в грозу, прыгая по разухабистой грунтовке, году в 61-м. Сняли комнату или две у бабки Лукерьи. Она днем покупала водку в магазине. А по ночам продавала ее с прибылью страстотерпцам, в основном из соседнего Дома отдыха. Самый отдых там начинался с вечерних танцев, т. е. после закрытия магазина, а припасенной водки всегда не хватало. Стучали ночами во все окна. Родители вежливо посылали в нужное окно, а безумная сестра Лукерьи, Полина, любила окатить жаждущих живительной влаги мочой из своего горшка.

С.М. Скубко. Деревня Соколова Пустынь. 1970

Родители снимали комнатки на лето то здесь, то там по всему Подмосковию, хотелось где-то осесть на чем-нибудь своем. И вот знакомые, как и мои родители, художники, Борис и Ирина, обзавелись домиком в Соколовке, тогда тихой живописной деревушке (условной деревушке – почти все взрослое население работало в близлежащем Ступино на военном заводе) среди сосен и холмов на берегу Оки. Вслед за ними приехали присмотреться и папа с мамой. За-

Вся королевская рать Феодальное королевство Соколовой Пустыни (монарх в берете)

иметь дачу или домик в деревне было тогда безумно трудно – на пути к коммунизму шла борьба с частнособственническими пережитками. Борису помог брат, работавший на ступинском заводе – завод был владыка этих мест, под него в конце 30-х ээки построили и сам город. Моим родителям пришлось искать обходные пути. Присмотрели инвалида, Колю Кривоного, жившего в полусгнившей избе с прохудившейся крышей (пенсия 13 рублей, с приближением светлого будущего повысили аж до 21-го: выручала корова, которую доила и выгуливала соседка) и заключили с ним договор – за ремонт дома, новую крышу и фундамент он отдает полдома и пол участка. Точнее участка как такового не было – был поросший бурьяном холм вдоль оврага. Сделку стоимостью до 600 рублей мог утверждать сельсовет (надежд на утверждение городом практически не было) – под это и подвели. Поскольку отец как член КПСС не мог стремиться к приобретению частной собственности, записали все на беспартийную маму. Все животные были равны, но некоторые – равнее других. Партноменклатуре не возбранялось иметь собственные дачи. Как-то одноклассник (а я учился в английской спецшколе, где был одним из немногих детей простых смертных) пригласил меня на дачу к своему дедушке – депутату Верховного Совета. Дачка, конечно, не чета виллам современных новых русских, но был большой двухэтажный дом, соток 20 или более участка с собственным прудом и т. п. Ни малейшей зависти я не испытывал, мы были счастливы и на своем овражке, а феодальное королевство было только у меня.

Гнилая изба рассыпалась, пришлось строить новую на новом месте. Колину часть соорудили сразу же, чтоб он мог жить. Наша часть усадьбы строилась долго, не хватало средств. Со сносимого района будущего Нового Арбата (мы жили на Старом, рядом сносили Собачью площадку с ее особняками) свезли много дармовых досок – брусков и соорудили времянку, где мы и обосновались. Гордо говорю мы, потому что во всем, пусть нехотя, принимал посильно-подсобное участие: принеси-подай, стой-крась забор, копай яму, поливай. Когда я сказал, что приехал на каникулы отдыхать, мама заявила мне, что в деревне тунеядцев не любят. Вообще-то я рос барчуком, в деревне пришлось ощутить суровую правду жизни, но все равно, я регулярно улетал в мир грез. Дедушка продолжал меня баловать. Приносил баночку черной икры: «Юрочка, это тебе». Мама требовала уделять равное внимание младшему брату, дед старался, но у него не получалось.

Дед много рассказывал про прежнюю жизнь – видал он в детстве и богатыря Александра третьего, гнувшего руками медные пятаки, и чахлого Николая, которого с трудом подсаживали пьяненького на автомобиль и из-за которого потом пришлось снимать фильмы про «Россию, которую мы потеряли». Говорил о своей жизни и учебе в Германии, уверяя меня в том, что я еще доживу до времени, когда свободно путе-

*Л.Л. Скубко-Карпас. Портрет отца. X., м. 1954
Дедушка был главным вдохновителем
«феодального королевства»*

шествовать по миру опять будет можно. Как-то я высказал товарищу по арбатскому двору, что лучше бы никакой революции у нас не было, жили бы гораздо лучше при царе. Потом его дед, подполковник КГБ, выговаривал маме: «Юра у вас договорится, научите его придерживать язык»; хорошо – не сталинские уже были времена. Но придерживать язык меня научили.

Строили, конечно, нанятые мастера, в основном местные, а среди них попадались настоящие умельцы на все руки. Один из них, Юра, и слесарил и столярил и печки клал, и с работы пёр все, что плохо лежало. Как говорилось, если ты не ворует на работе, ты обкрадываешь свою семью. Семью он любил и тащил в нее все. Обстроил несколько домов на своем участке в Соколовке, сдавал все возможные койки дачникам, купил двум дочерям кооперативные квартиры в Ступино.

Вспоминаю забавный случай, о котором он сам рассказывал. Юра работал на ступинском хлебозаводе и, однажды, после смены, когда, хорошо выпив (там водились и спирт и эссенция), нагруженный маслом, яйцами и дрожжами, он стоял на автобусной остановке, чтобы ехать домой в Соколовку, по площади стал делать круги ментовский «козел». Видно недобрали норму по вытрезвителю и/или требовалось кого-то обчистить, чтоб самим выпить. Стоявшего набекрень Юру заметили, и он сам, не настолько уж пьяный, чтоб ничего не замечать, заметил интерес к своей

Л.Л. Скубко-Карпас.
Рябина. Дачное крылечко. К., пастель. 2007

персоне. Мужик был смекалистый, прошел огонь и воду, был в лагерях (вообще в деревне из мужиков сидел где-то каждый четвертый – не зря же здесь 101-й километр). Он быстренько раздавил все содержимое своих карманов и, когда менты подъехали, по всей его одежде стекала желточного цвета жижа. Осмотрев подозреваемого в нарушении своим нетрезвым обликом общественного порядка, менты брезгливо поморщились: «куда ж его сажать, он весь козел засрет». И уехали несолоно хлебавши.

Моего старшего тезку, главного строителя нашей дачи, интересовали и отвлеченные материю, чем он сильно отличался от остальных деревенских. Часто приходил беседовать с отцом» за политику». Запомнилось его: «Ну как там Сахаров?» (это я притягиваю из чуть более поздней эпохи 70-х). У нас было два хороших приемника, «Мир»

и немецкий трофейный «Телефункен» 1944 года выпуска, и можно было послушать «голоса»: «Свободу», «Голос Америки», Би-Би-Си, которые не так сильно глушили, как в Москве, особенно по ночам. Это увлечение отца я по малолетству не разделял, слушал, правда Би-Би-Си на английском в учебных, так сказать, целях. Переломным был август 68-го, когда советские танки проехали по «Пражской весне» и убили у старшего поколения надежду на социализм с человеческим лицом. Тогда у нас стала собираться послушать вести «с другого берега» дачная интеллигенция – одних докторов философии отдыхало аж трое. Тогда и я стал приобщаться к «кухонному диссидентству».

Строительство нашего «роскошного имения» финансировалось по чуть-чуть много лет. На мои фантазии, однако, изыскили силы и средства. Помню как отец и его «товарищ-художник Борис Ставицкий» тащили откуда-то четыре бревна под мою королевскую башню. Башня встала на этих бревнах как избушка на курьих ножках, но с бойницами из старых печных заслонок. Шили костюмы – знакомая портниха снабжала обрезками, нашлись даже фламандские кружева. Из куска синего шелка сделали знамя, на котором вышили золотую корону.

В Соколовке отдыхало много интеллигенции и ее отпрыски охотно становились моими придворными, плюс, конечно, младший брат, виконт де Контэ. В костюмах, при шпагах, под флагом и с барабанным боем мы устраивали шествие от нашей дачи к дому скульптора Горлова в конце деревни. Горлов переехал в деревню на постоянно, он был скульптор-анималист, обжигал в печи глиняных зверушек, имел звание народного художника и служил местной достопримечательностью – к нему водили пионеров. При моем же дворе состояла его маленькая внучка. Среди придворных своим природным аристократизмом выделялся удостоенный графского титула Петя Иванов, внук известного писателя – мои манеры были более простецкими и в нашей толпе посторонние обычно его принимали его за короля. Я особо не обижался, разъяснял кто есть кто, утешая себя тем, что зато я ближе к своему народу. С деревенскими ребятами я иногда дружил, иногда дрался (как-то они долго обстреливали мою королевскую башню из рогаток), но в круг придворных они не входили, да это им было и неинтересно: книг по истории они не читали. Кого-то из малышни мама приглашала «за мороженое» посидеть попозировать. Почти всегда они что-то подворывали. Такой уж контингент. Воровали, правда, мальчишки (один раз забрались зимой в нашу времянку и, не найдя чем поживиться, накакали в шляпу), девчонок я за этим делом не припоминаю.

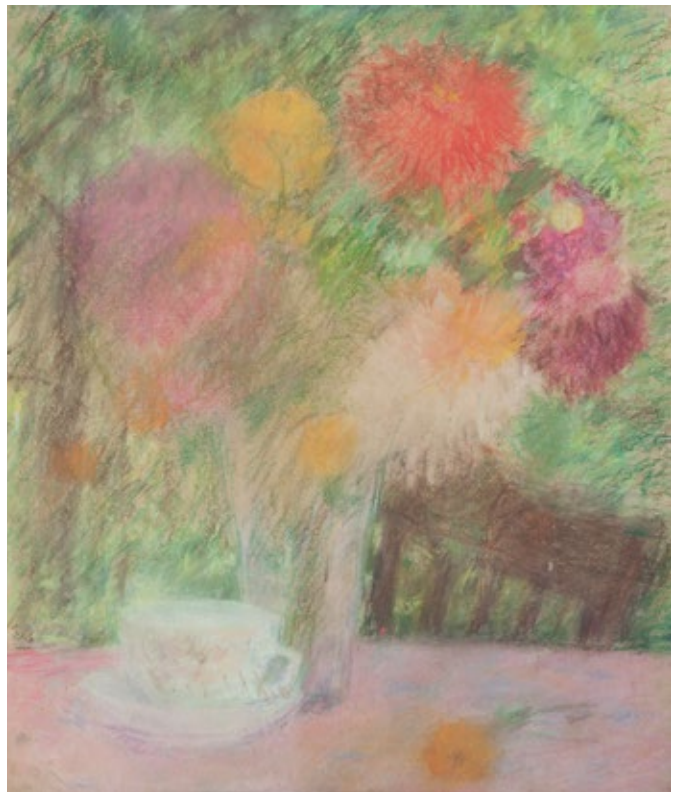
Л.Л. Скубко-Карпас. Старый ствол. К., масло. 1947

По выходным многие деревенские собирались, иногда шли по деревне, и пели. Особенно хорошо пела Дунька – маячница (жена маячника), обладавшая сильным, зычным голосом, продавщица здешнего сельпо. Вспоминаю забавный эпизод. Группа алкашей рвется за заветным пузырем без очереди, но Дунька их сурово осаждает словами: «Надо, товарищи, советскую власть уважать – тут вам не Изра'иль!» (сынов Израиля поблизости явно не наблюдалось: наслушалась, видно, по радио про агрессоров). Те же алкаши становились лучшими друзьями и помощниками, когда нужно было срочно разгрузить машину – за это им полагалось две бутылки – «процент боя». Еще помню, что перед крупными проверками магазин, по обыкновению, горел...

В полу моей королевской башни (она стояла на бревнах на высоте метров двух с половиной) был люк, к нему снизу вела узкая металлическая лестенка. Первым из гостей по ней взобрался еще относительно здоровый тогда дедушка. Деду было уже под восемьдесят, но он мог, не щадя себя, привезти мне из Москвы большущий арбуз. Покупал, к примеру, на всю пенсию в 52 рубля желанный мною велосипед «Орленок»: кушать он все-таки мог дома, но подчас, конечно такое слу-

чалось редко, о нем забывали и он гордо голодал. Сын миллионера, с двумя высшими образованиями (Петербургский и Лейпцигский университеты) и знанием пяти языков, он скромно доживал свой век в шестиметровой комнатке за кухней, ранее предназначавшейся для домработниц. Но характер у деда был авторитарный и непреклонный. Он всегда был прав. Поучал давно замужнюю маму, как ей ухаживать за детьми. До войны он работал юрисконсультантом в «Известиях» и вынужден был уйти после того как не подал руки главному редактору: тот сделал ему прилюдно грубое замечание за то что дед стоял в рабочее время в очереди за каким-то дефицитом (то ли продукты какие-то, то ли отрез на платье для жены). Потом пришлось работать в каких-то арбитражных судах. Пока дед был еще в силе, он любил ездить на бега, играть в карты и даже немного прирабатывал к пенсии карточной игрой (честной, конечно, он был вообще кристально честный человек) – его считали едва ли не лучшим преферансистом Москвы.

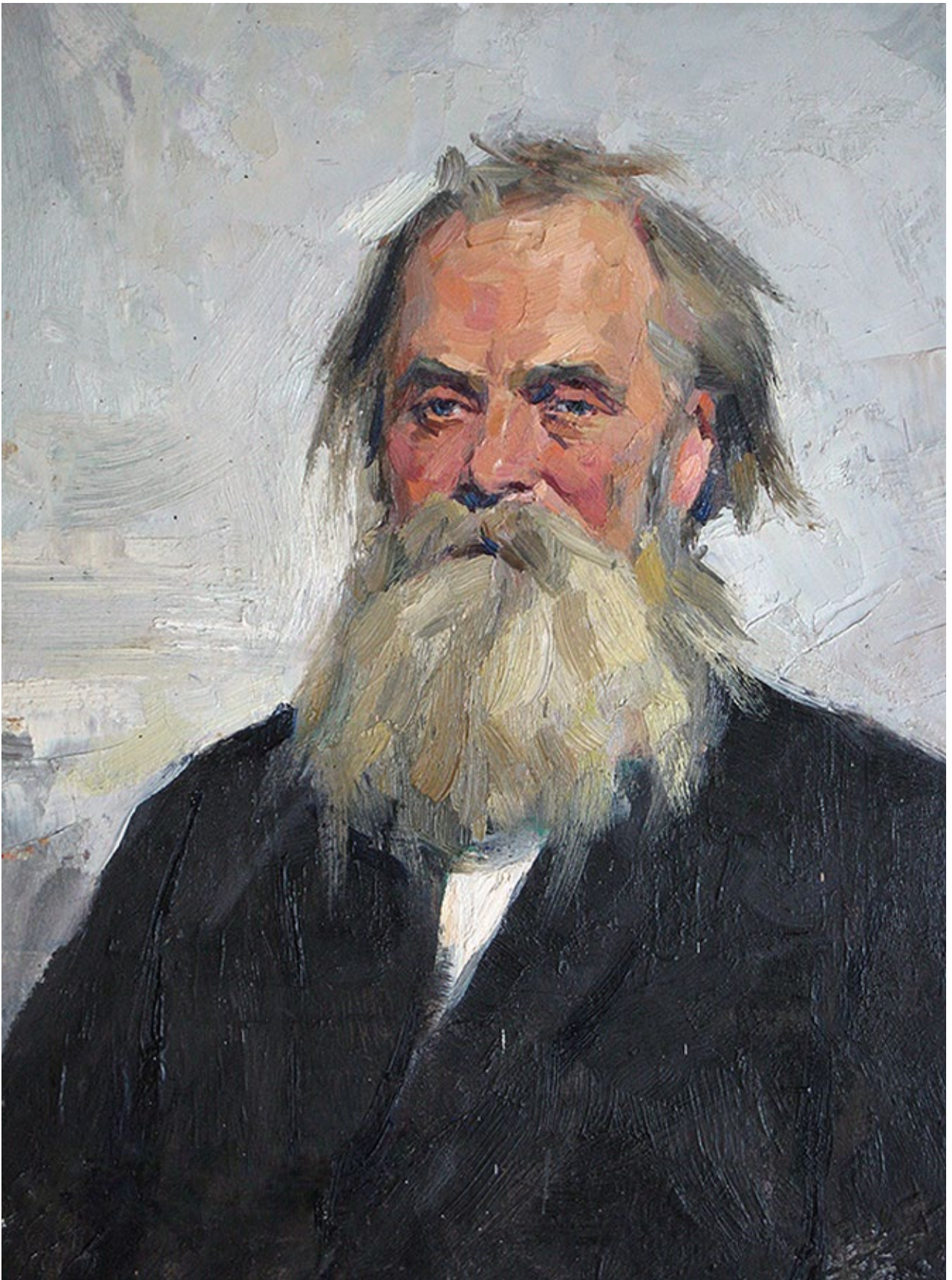
Последний запомнившийся мне эпизод пребывания деда на даче был грустный. Мы сидели во дворе и обедали прямо на каких-то самодельных скамейках – кухню к временке еще тогда не приделали. Мама что-то не так сказала деду, он поднялся и уехал в Москву. Помню, как он с трудом переносил ногу через скамью и насыпал песку в свой суп. Вскоре у него случился первый инфаркт.

Л.Л. Скубко-Карпас. Натюрморт с чашкой. Дача. К., пастель. 2007

Сергей Михайлович
Скубко

ЖИВОПИСЬ

Портрет. 1960 г.

Эмин Эмдин. 1960-е гг.

Дерево в горах. 1981

Память о Средней Азии. К. темп. 1991

Солнечный день в Хиве. К., м. 1983

Деревья в Соколовке. Зима. К., м. 1965

Дачный дом. К., м. 1981

Суздаль. Зимний день. К., м. 1980

Лето. К., м. 1987

Зима. К., м. 1990

Москва. Осень в Коломенском. К., м. 1981

Начало осени. Ока. К., м. 1989

Хива. К., м. 1961

В деревне летом. К., м. 1983

Натюрморт. Х., м. 1954

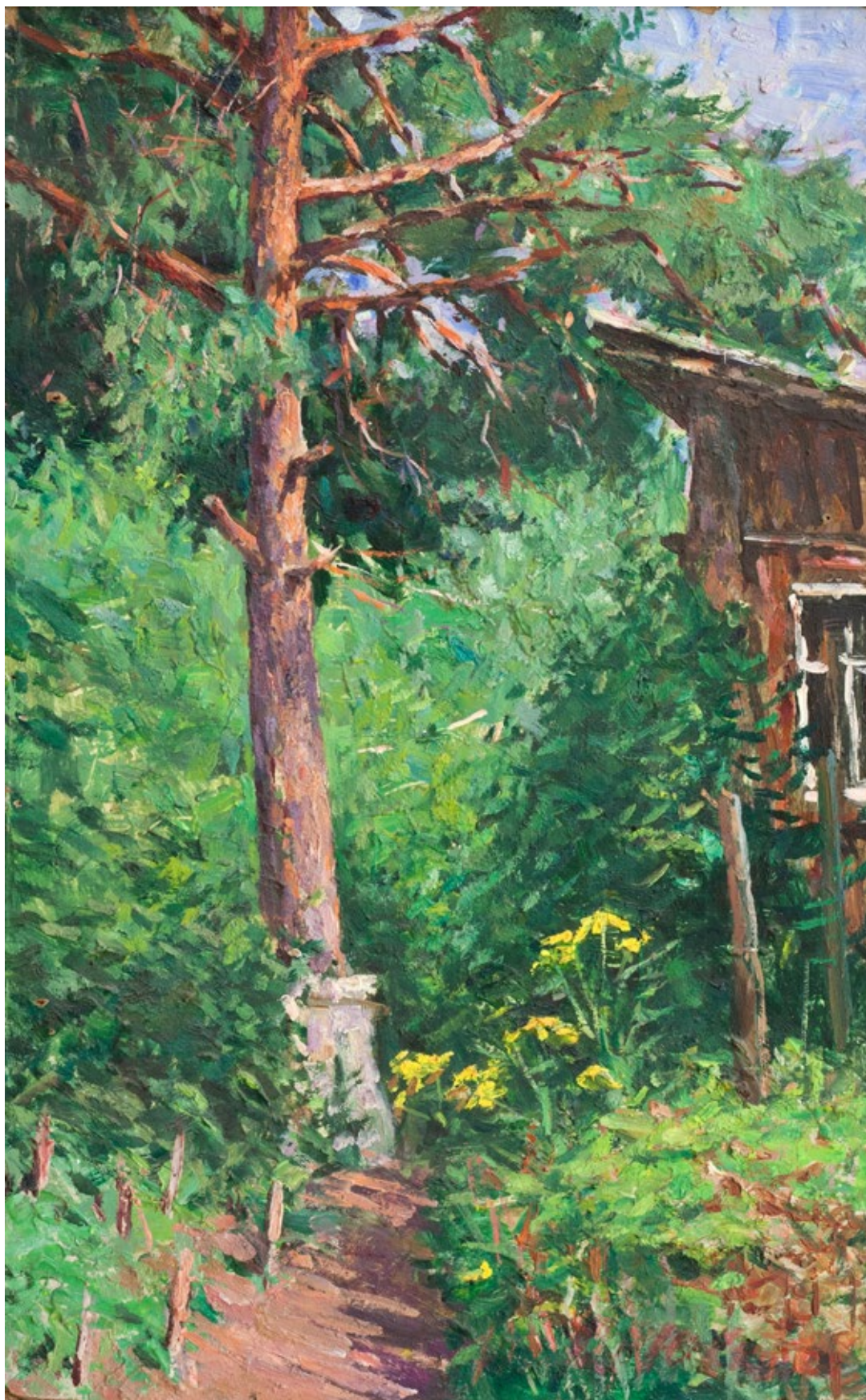
Зима в Соколовой Пустыни. Рождество. К., м. 2000

Натюрморт. К., м. 1959

Берег Оки. К., м. 1981

Зимний этюд. К., м. 2006

Сергей и Юрий Скубко. Лесная сторожка. К., м. 2005

Людмила Львовна
Скубко-Карпас

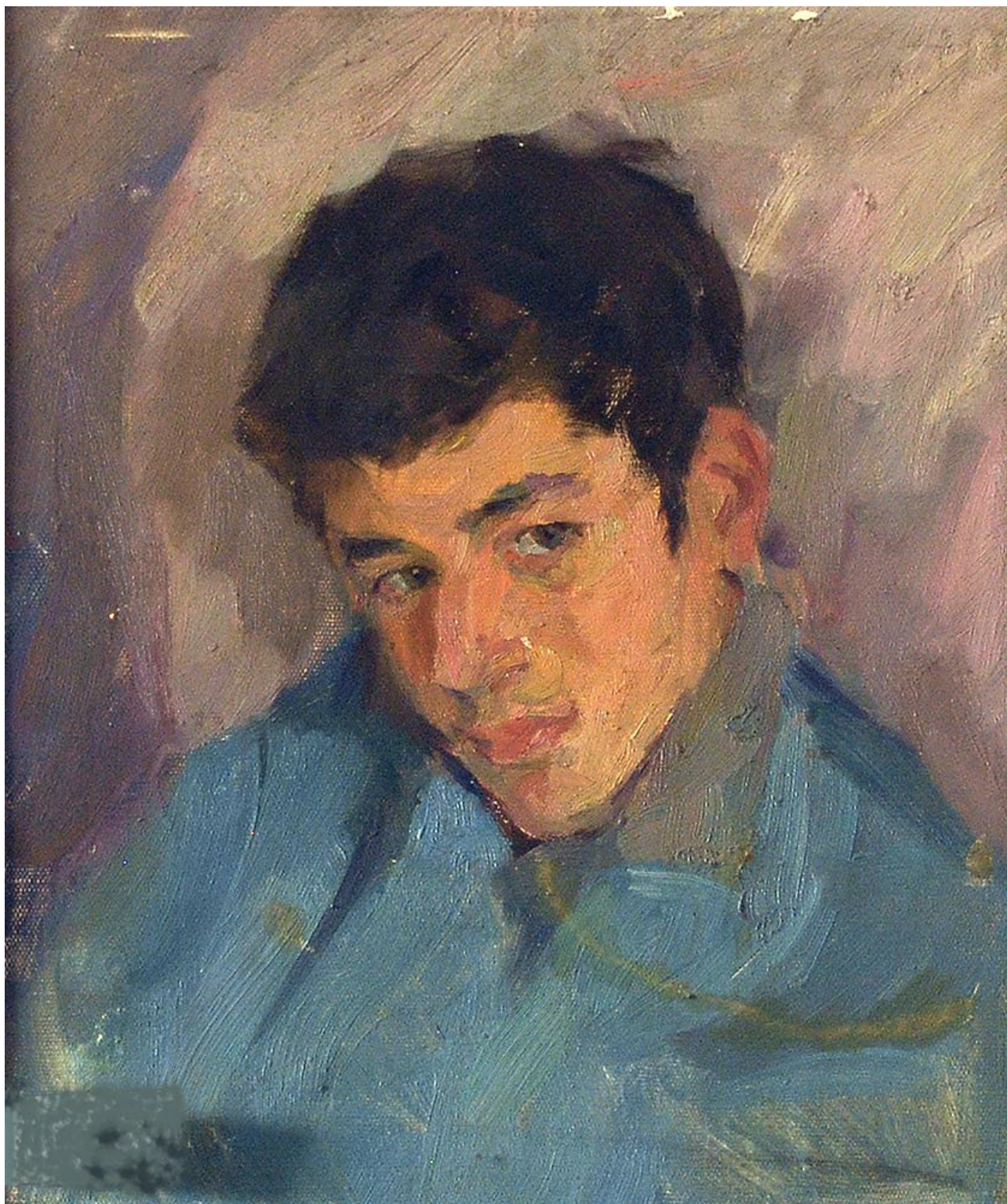
живопись, графика

Пионер. 1962

Девочка. 1963

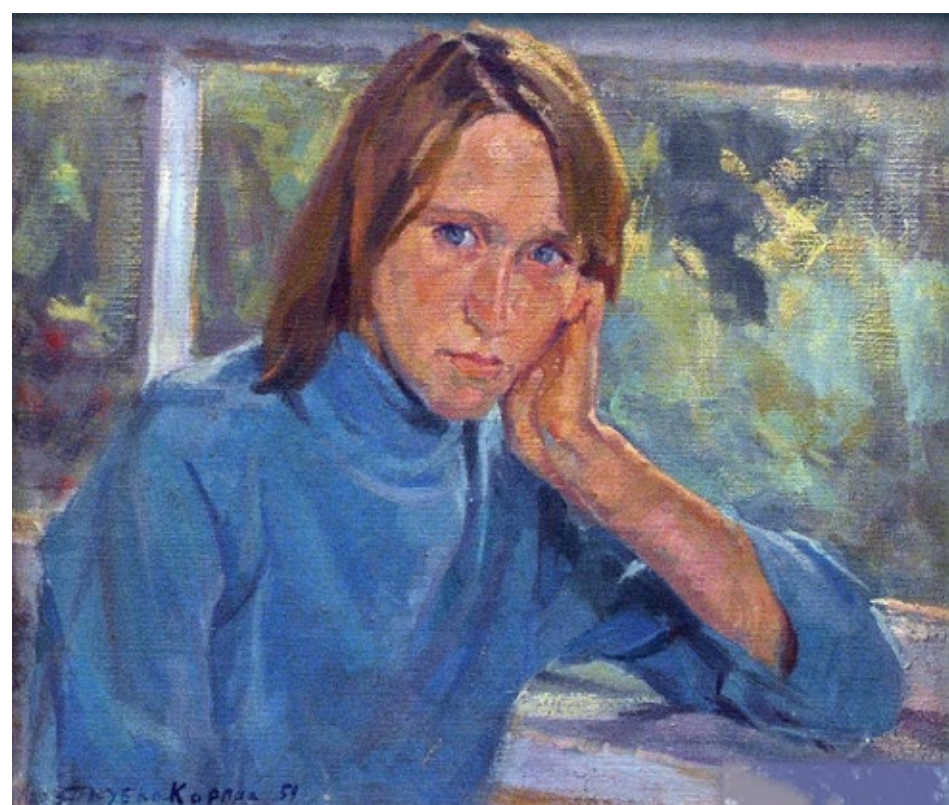

Алешенька. К., м. 1973

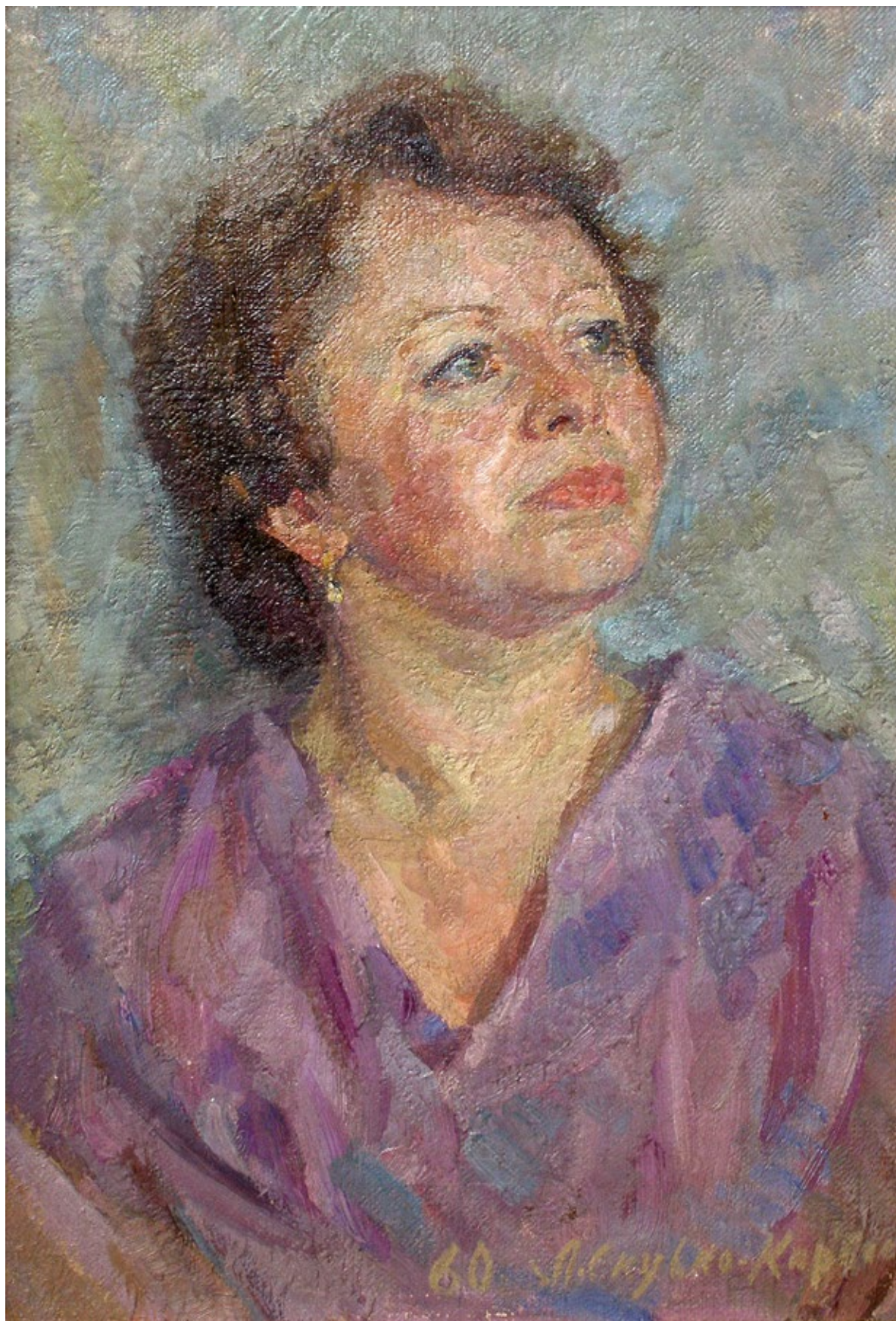
Наша полудеревня – полудачный поселок Соколова Пустынь была особенно урожайна на философов, подчас с мировыми именами. Помимо упомянутых профессоров Д.П. Горского и А.Л. Субботина, приезжали известный германист Арсений Гулыга и знаменитый философ-диссидент Александр Зиновьев (последовали громкий отъезд на Запад и громкое возвращение разочарованного и здесь и там), который, наряду с советской властью, обидел в своем сатирическом романе «Зияющие высоты» коллегу-Субботина, ставшего «парторгом Кисом».

Доктор философии, профессор А.Л. Субботин на даче в Соколовке. Х., м. 1980-е гг.

Бабка Анисья. К., пастель. 1975

Юная спортсменка. Х., м. 1959

Лара. Х., м. 1960

Юра перед экзаменом. К., м. 1970

Миша. К., м. 1978

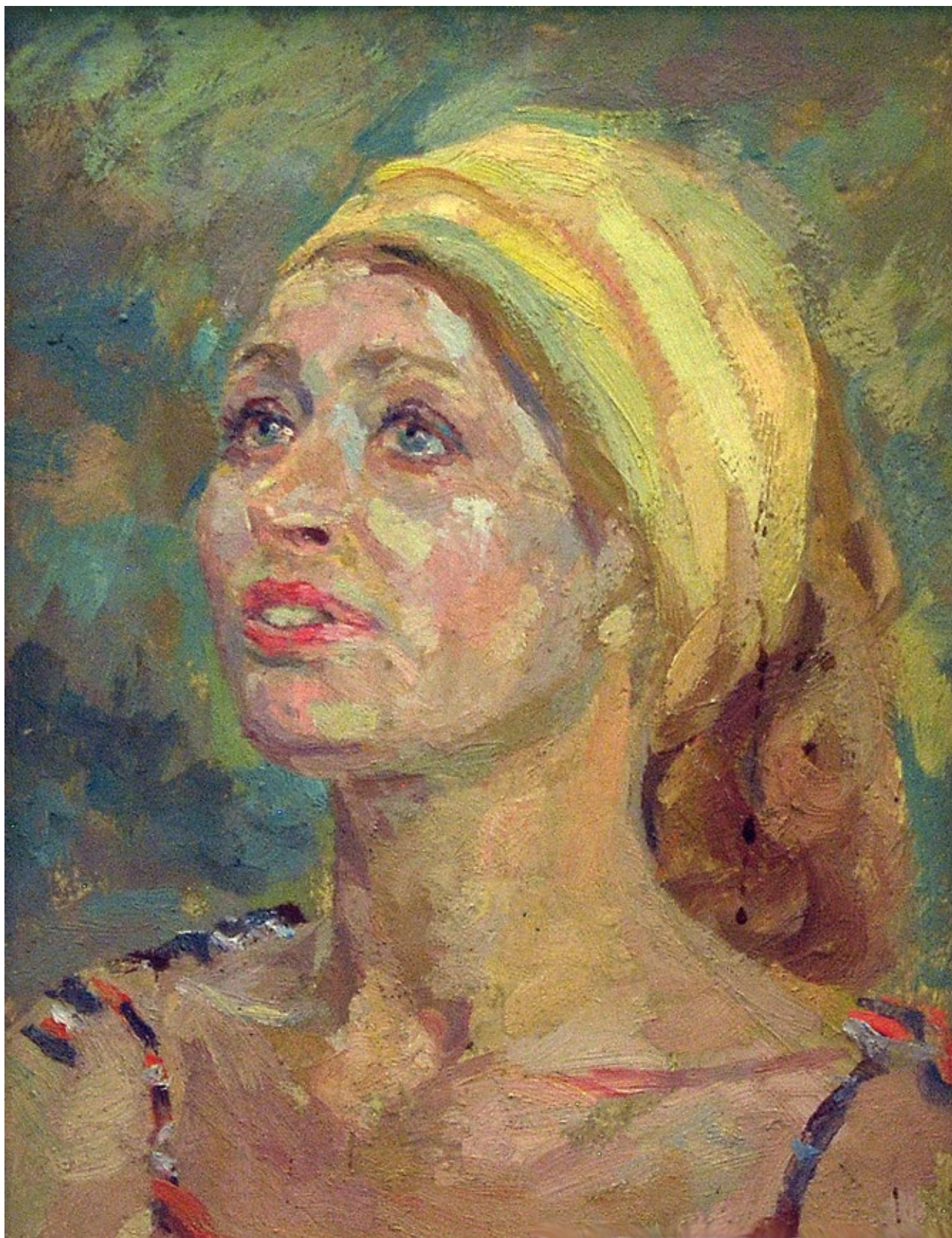
Сима в голубом (жена художника Григория Цейтлина). К., пастель. 1985

Фельдшер деревни Соколова Пустынь. Х., м. 1987

Юноша из Риги. К., пастель. 1970е

Надежда. К., м. 1961

Портрет генерала авиации Л.Д. Рейно. Х., м. 1981

Портрет генерала. Х., м. 1958

Начальник Главсевморпути. Х., м. 1979

Рыбнадзор. Х., м. 1987

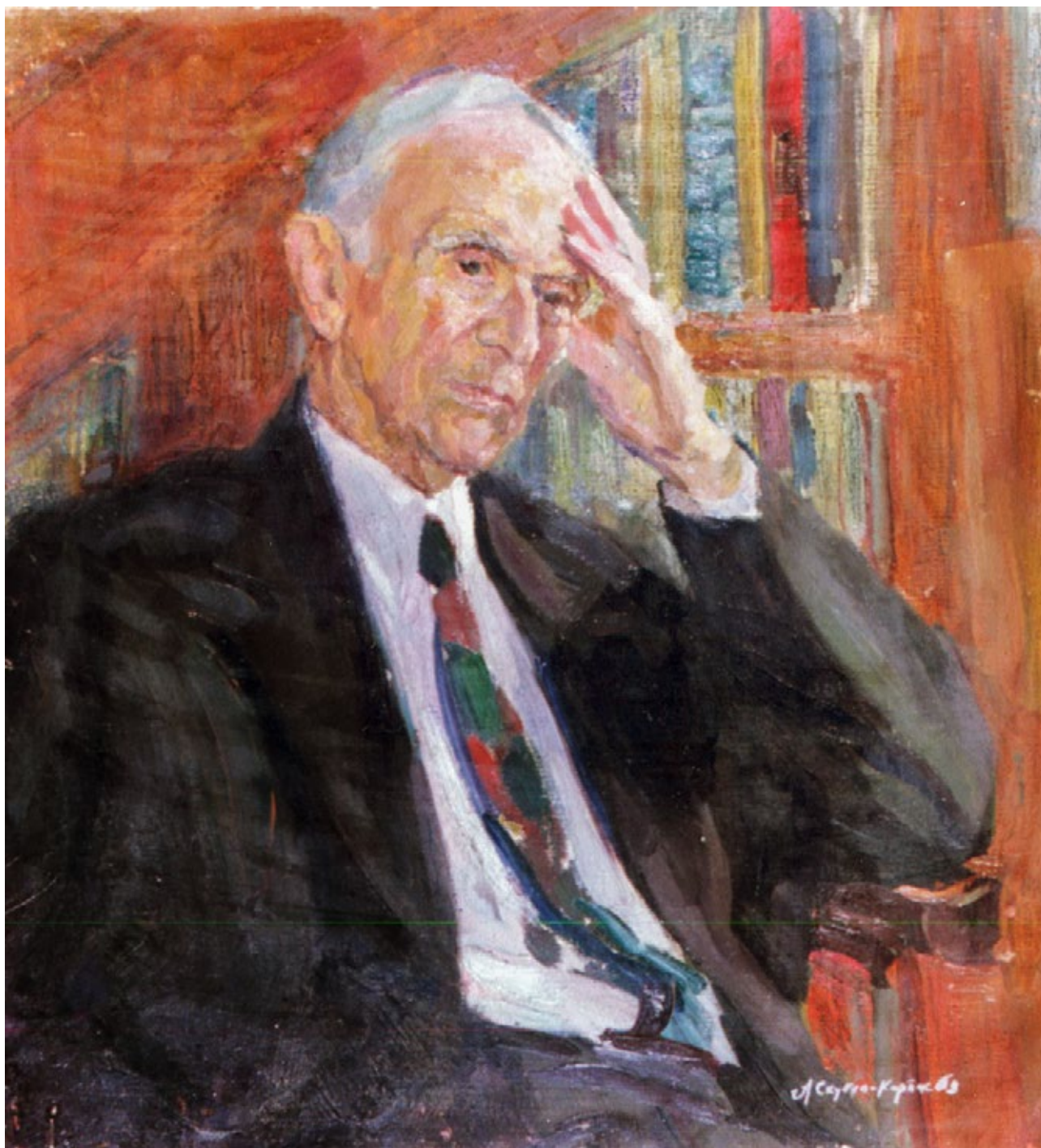
Женский портрет. Х., м. 1986

Катя в красной кофте. Х., м. 1969

Маша Сокольская на веранде. Х., м. 1982

Писатель В.Г. Лидин. Х., м. 1963

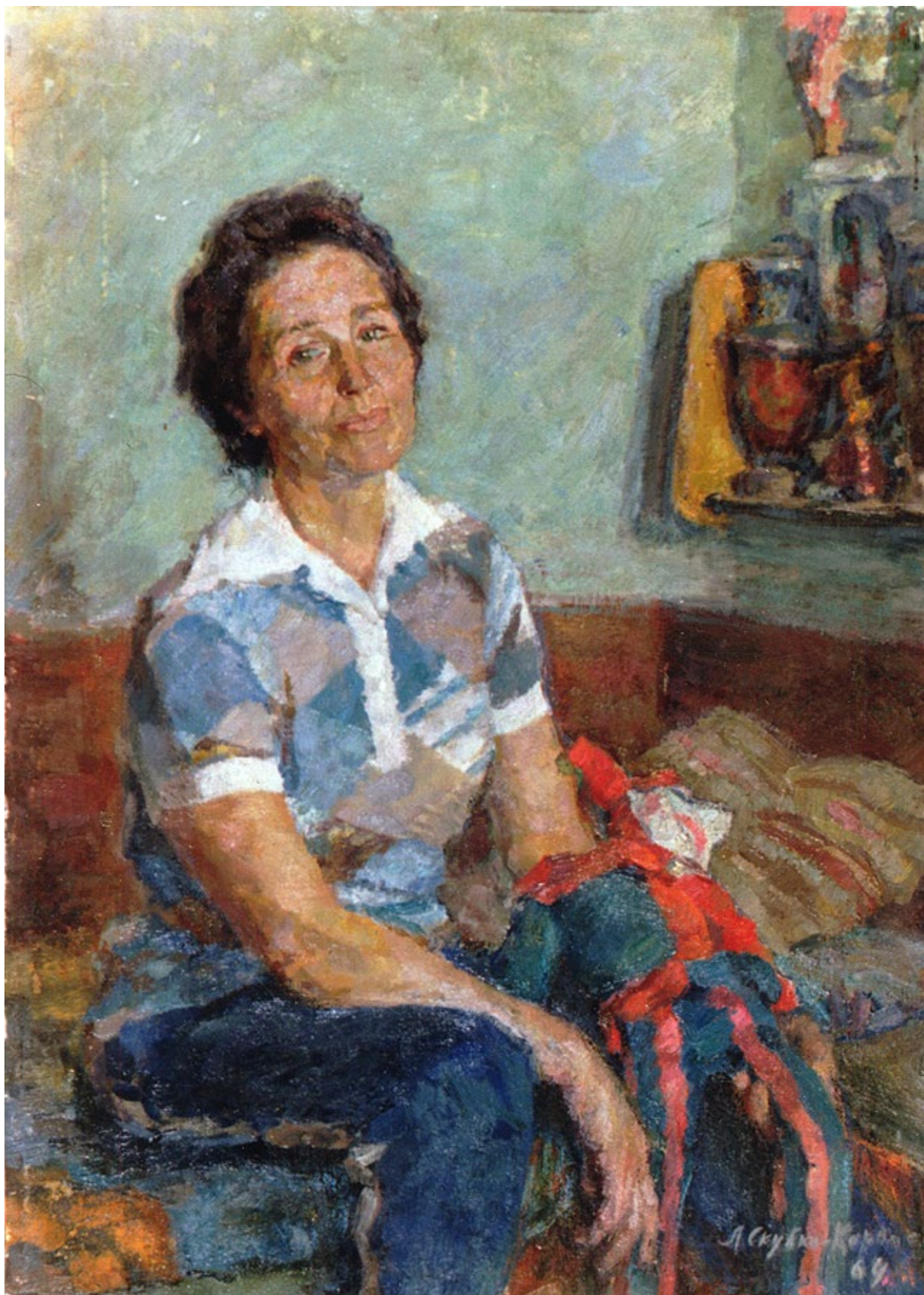
Старый большевик И. Шейн, участник трех революций. Х., м. 1963

Девушка с косой. Х., м. 1968

Юрочка смотрит на елку. К., м. 1956

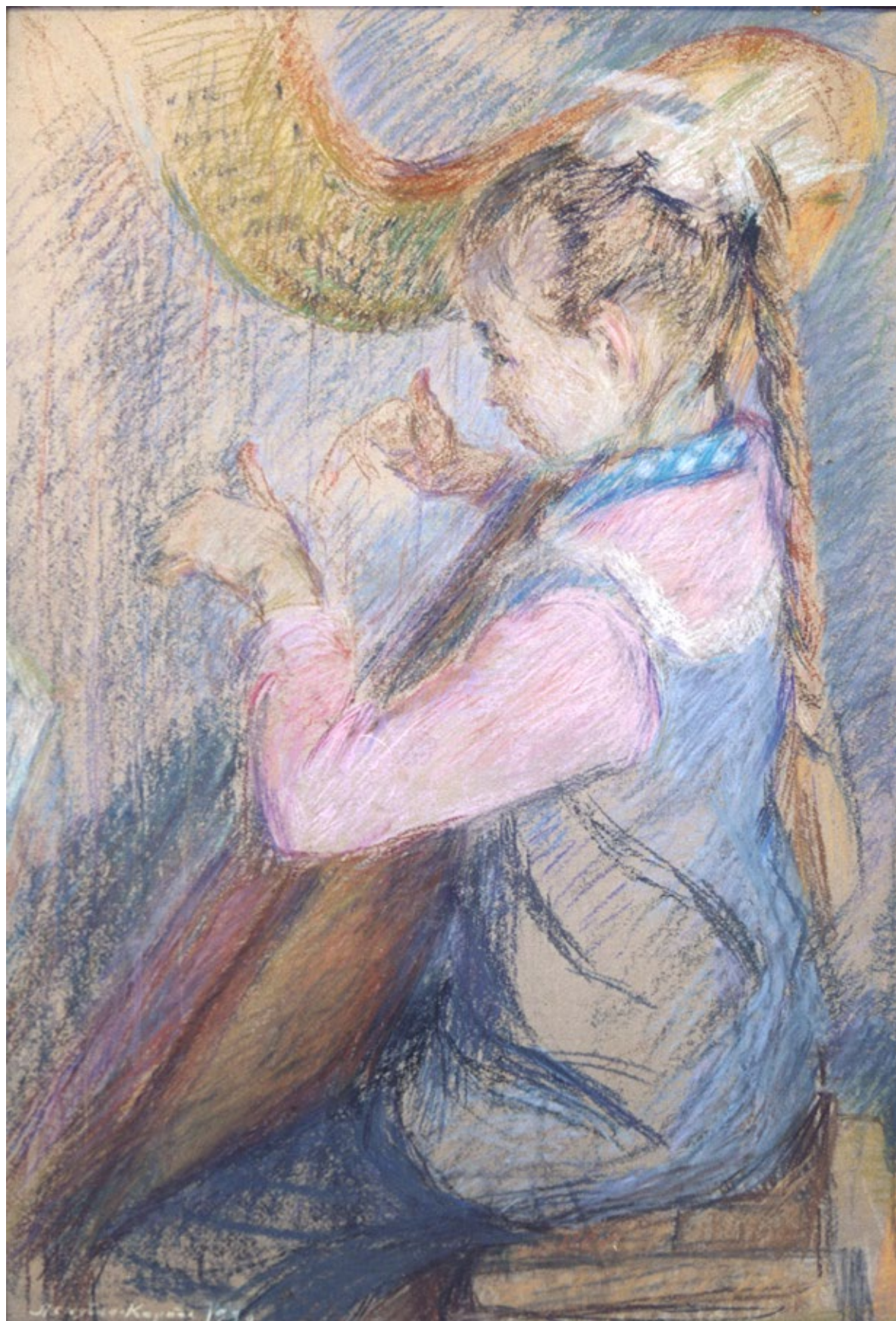
Портрет тренера. Х., м. 1964

Библиотекарь в Соколовке. Х., м. 1998

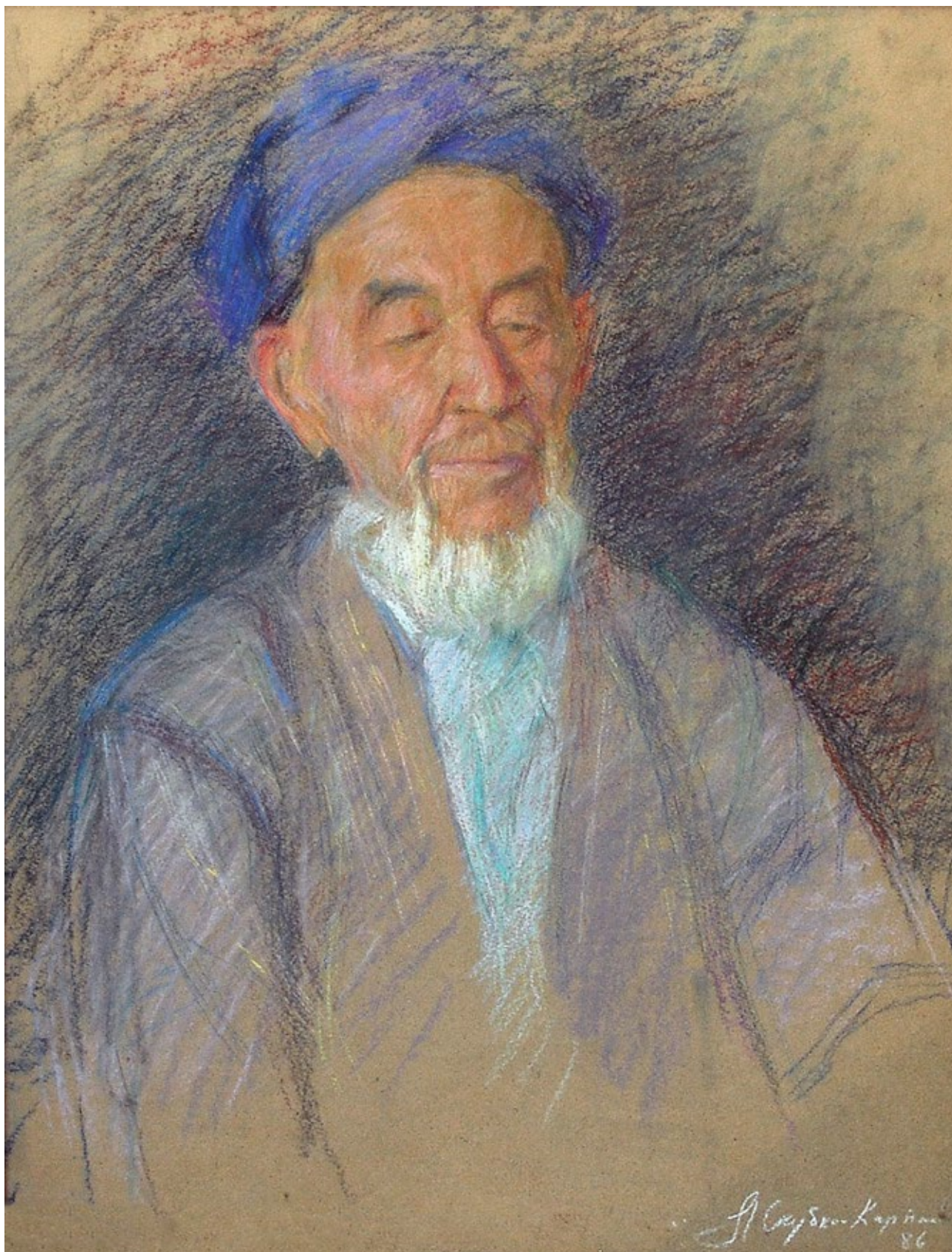
Дуэт. К., пастель. 1988

Маленькая арфистка. К., пастель. 1999

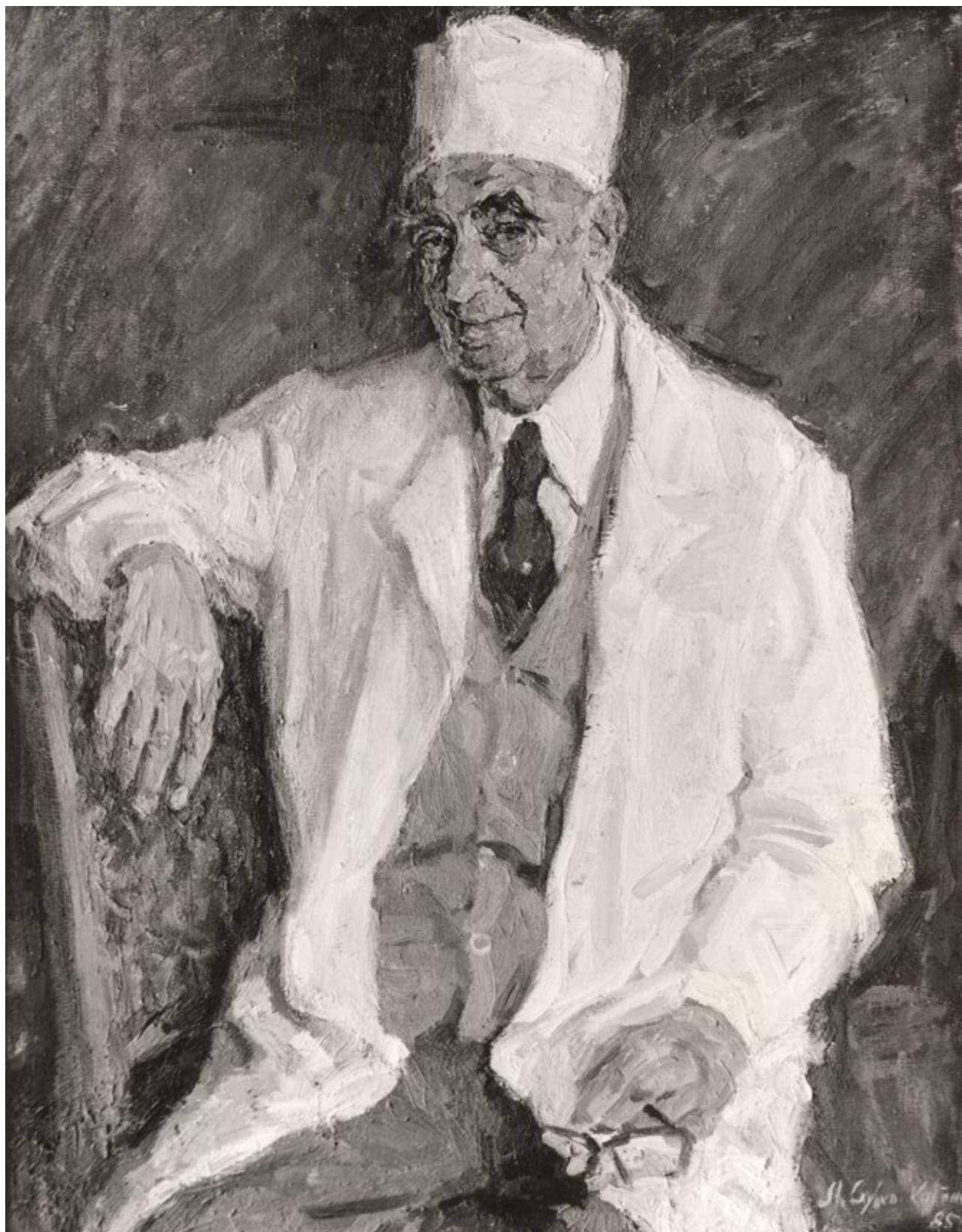
Девочка в желтом. К., пастель. 1960-е

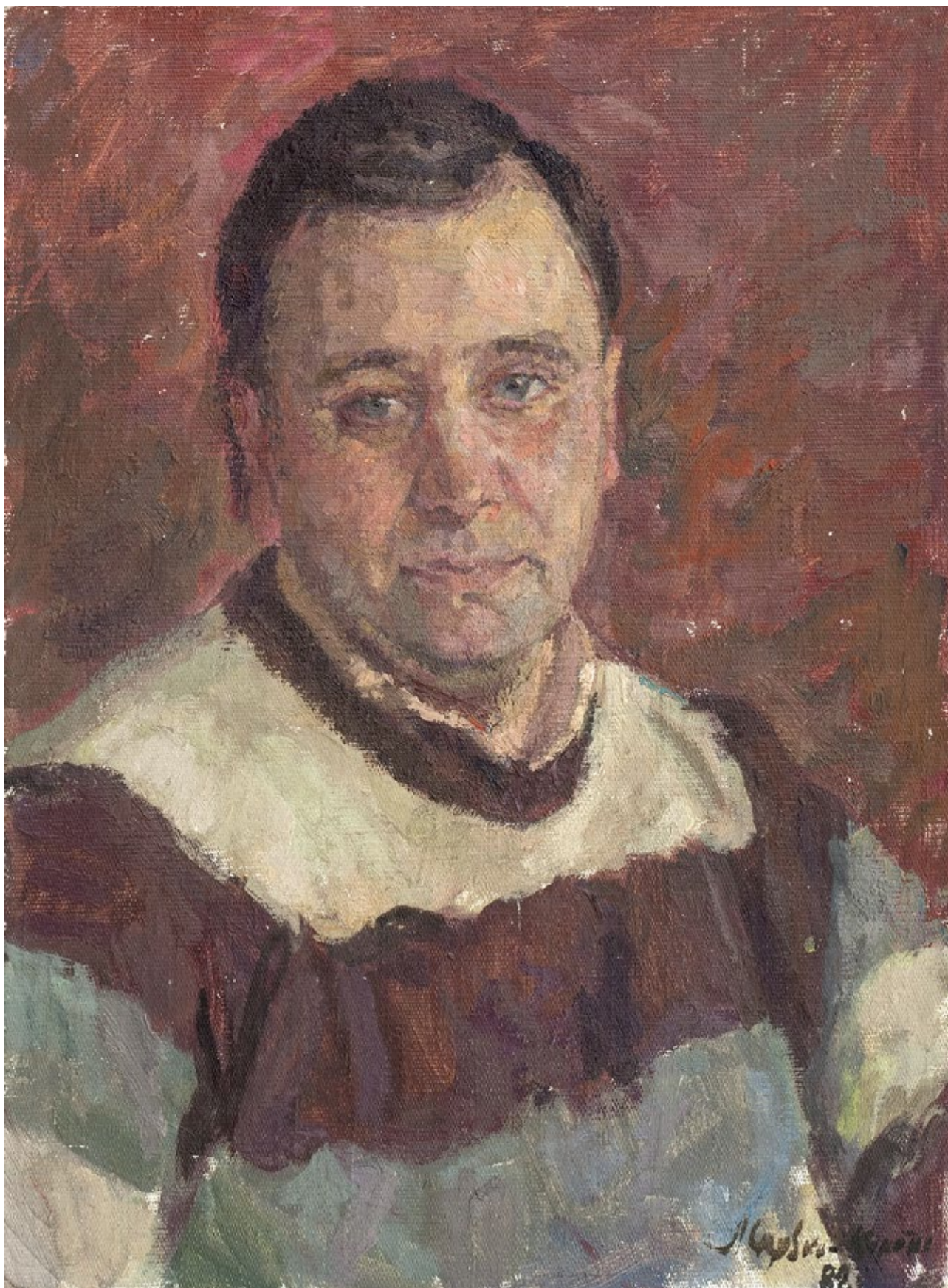
Мамата Абсумат из Джаркургана. Участник ВОВ. К., пастель. 1986

За вышиванием. Х., м. 1959

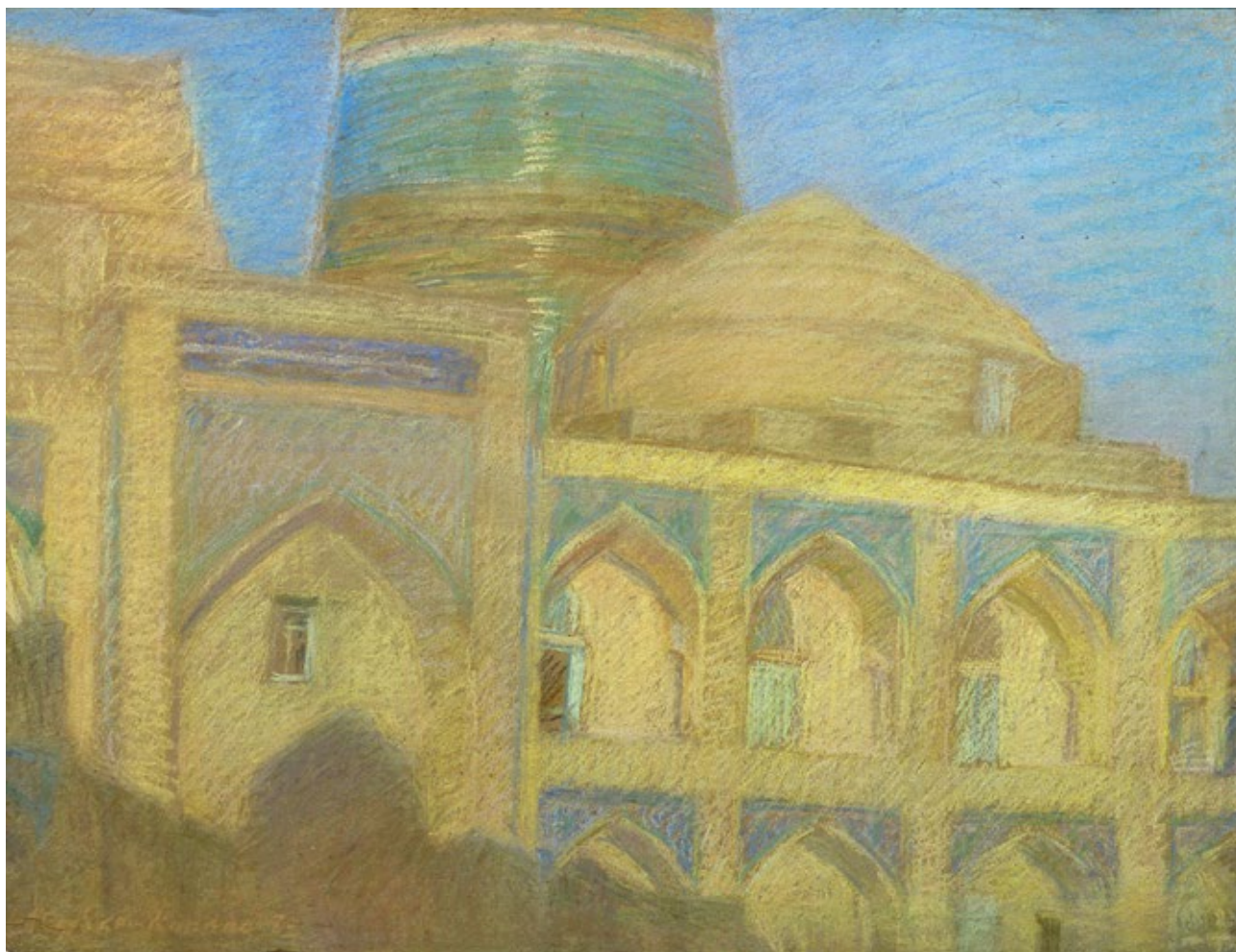
Портрет академика Льва Богуша, знаменитого хирурга-легочника. Х., м. 1985

Мужской портрет. К., м. 1982

Евгения Семеновна Гофлин (теща профессора Д.П. Горского: см. с.30). К., м. 1970

Хива Медресе. К., пастель. 1983

Средняя Азия. К., пастель. 1983

Хива. Святое место. К., пастель. 1983

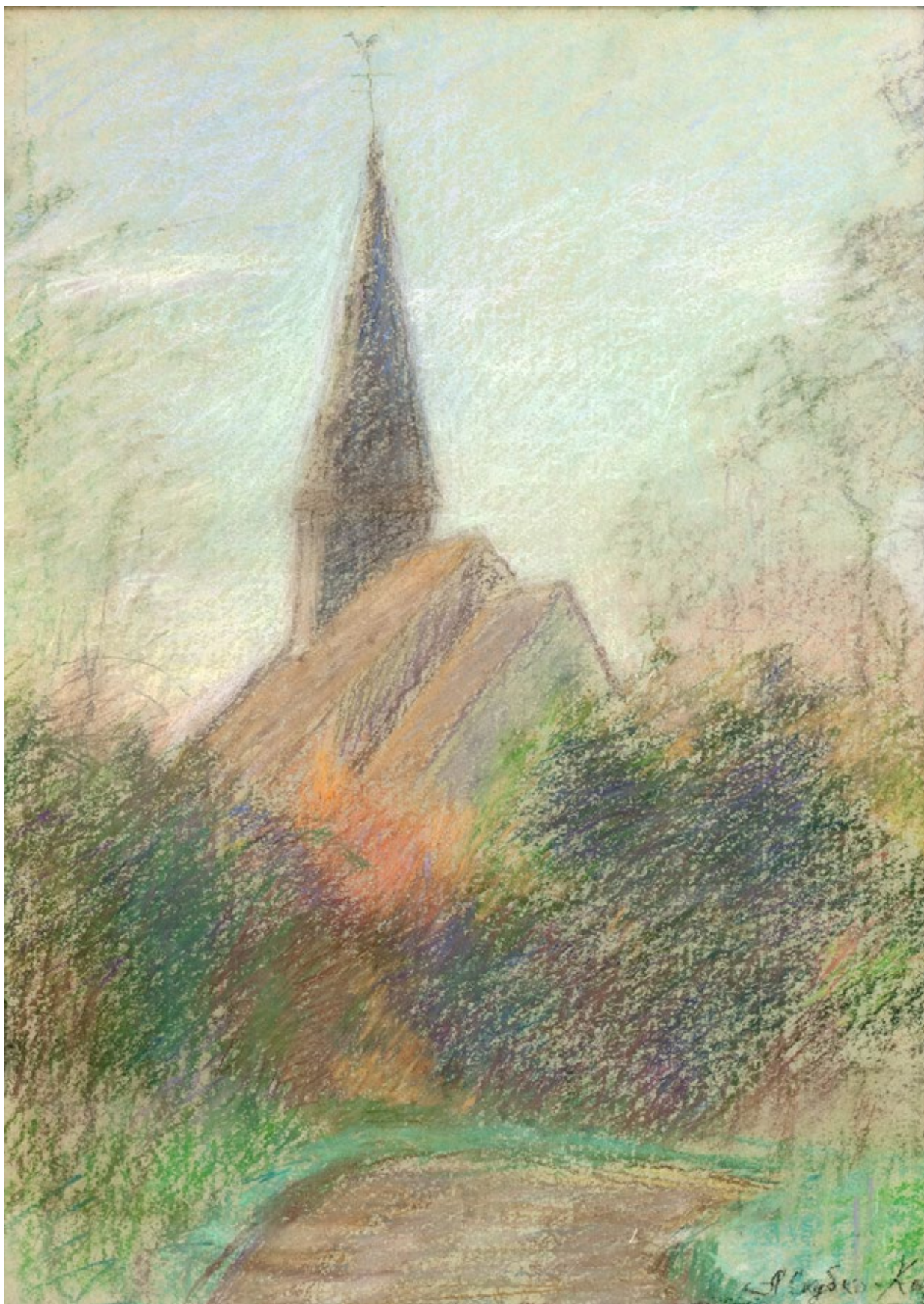
Замок Анри под Леможем. К., пастель. 1982

Парижский дворик. К., пастель. 1995

Бриджит. Париж. Сотрудник архива. К., м. 1982

Церковь в нормандской деревне. К., пастель. 1990

Пейзаж с рекой. К., пастель. 1981

Дорога в Соколовой Пустыни. К., пастель. 2003

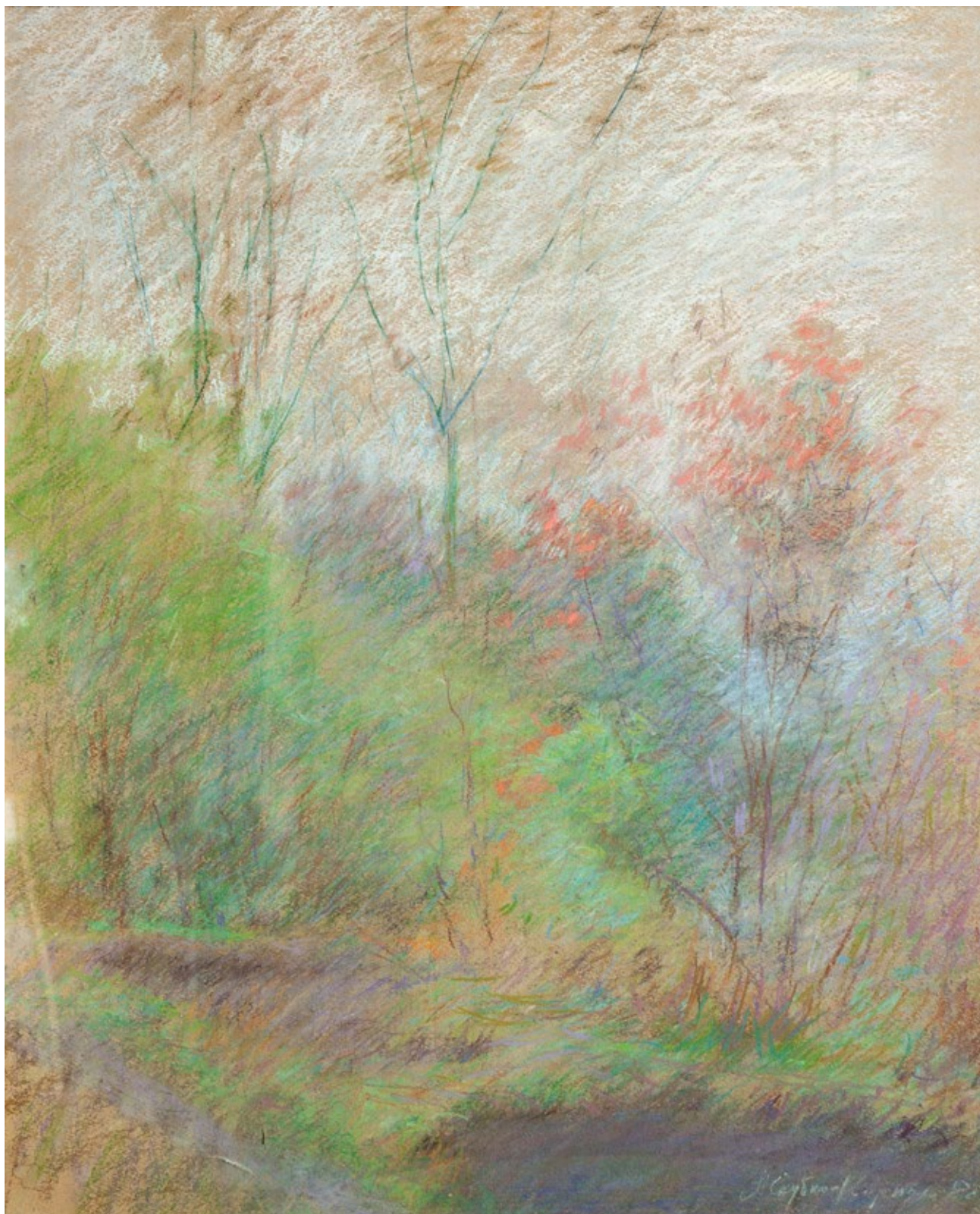
Домик в деревне Соколова Пустынь. К., пастель. 2000

Ранняя весна. К., пастель. 1987

Соколова Пустынь. К., пастель. 1988

Судзаль. К., пастель. 1990

Осенние краски. К., пастель. 1988

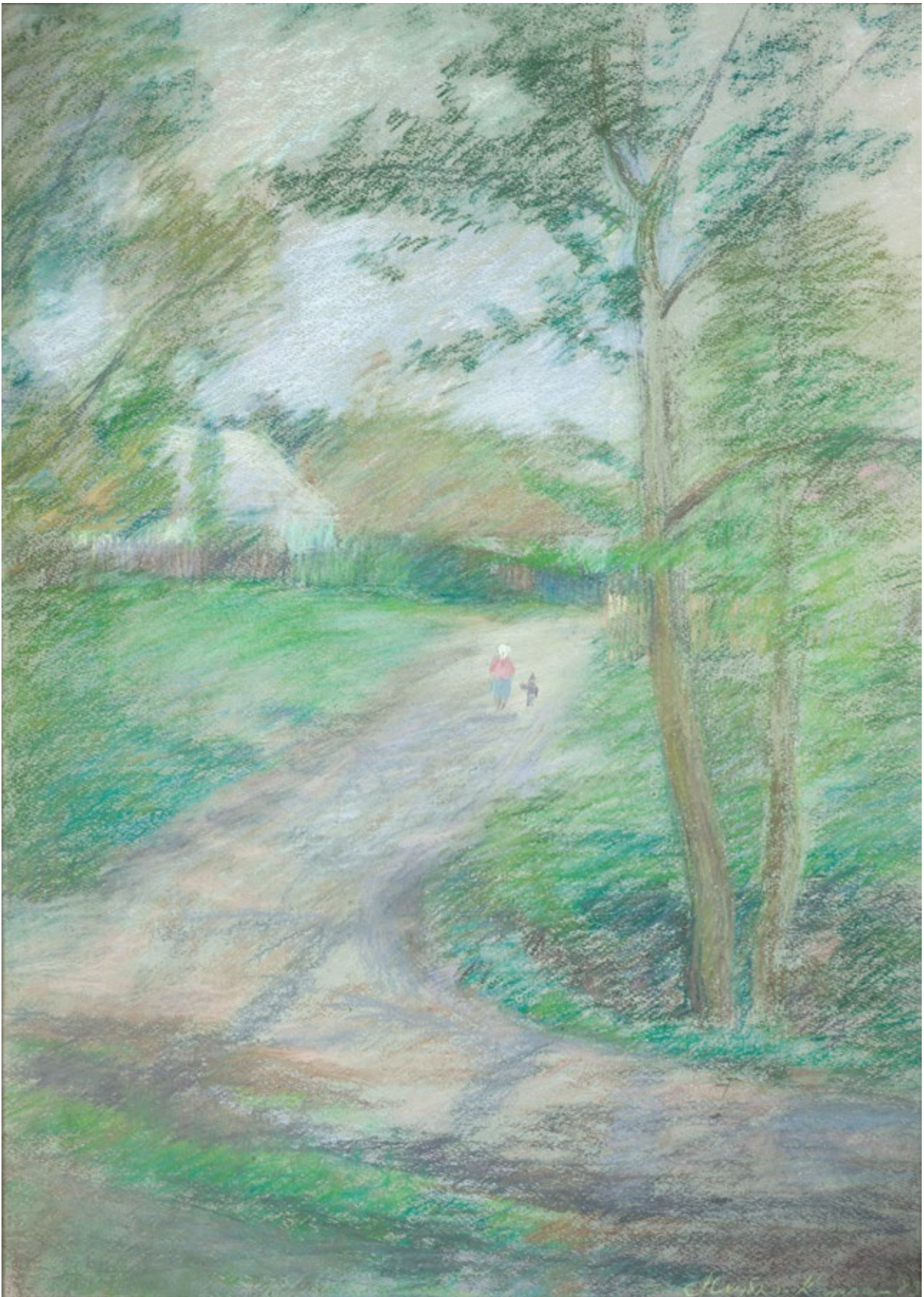
Летний домик Лёли. К., пастель. 2007

Соколова Пустынь. Осень. К., пастель. 1988

Московский двор. К., пастель. 1982

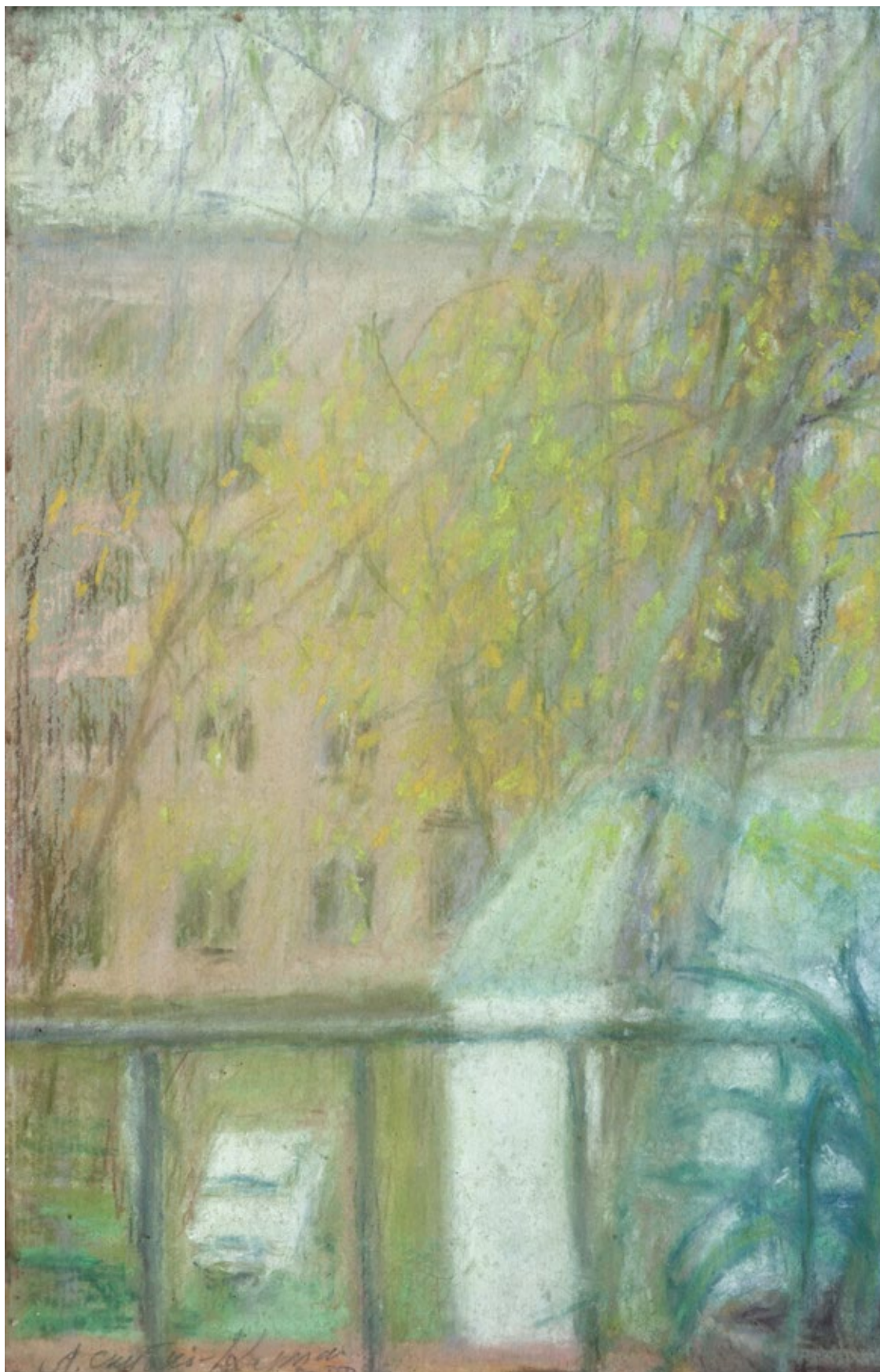

Соколова Пустынь. Дорога. К., пастель. 1989

Домик в деревне летом. К., пастель. 1999

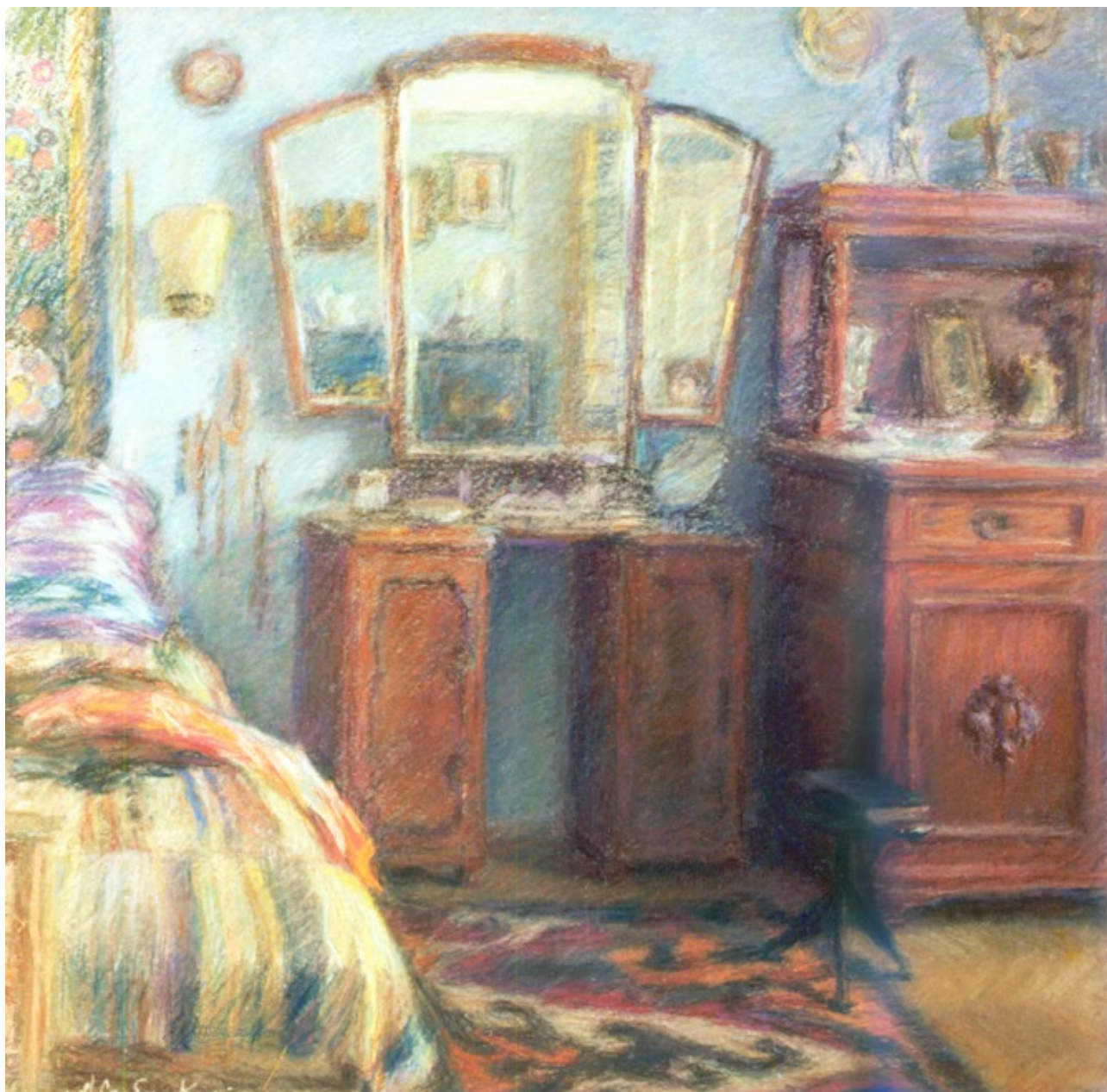
Дорога к деревне Соколова Пустынь. К., пастель. 1980

За окном осень. К., пастель. 2000

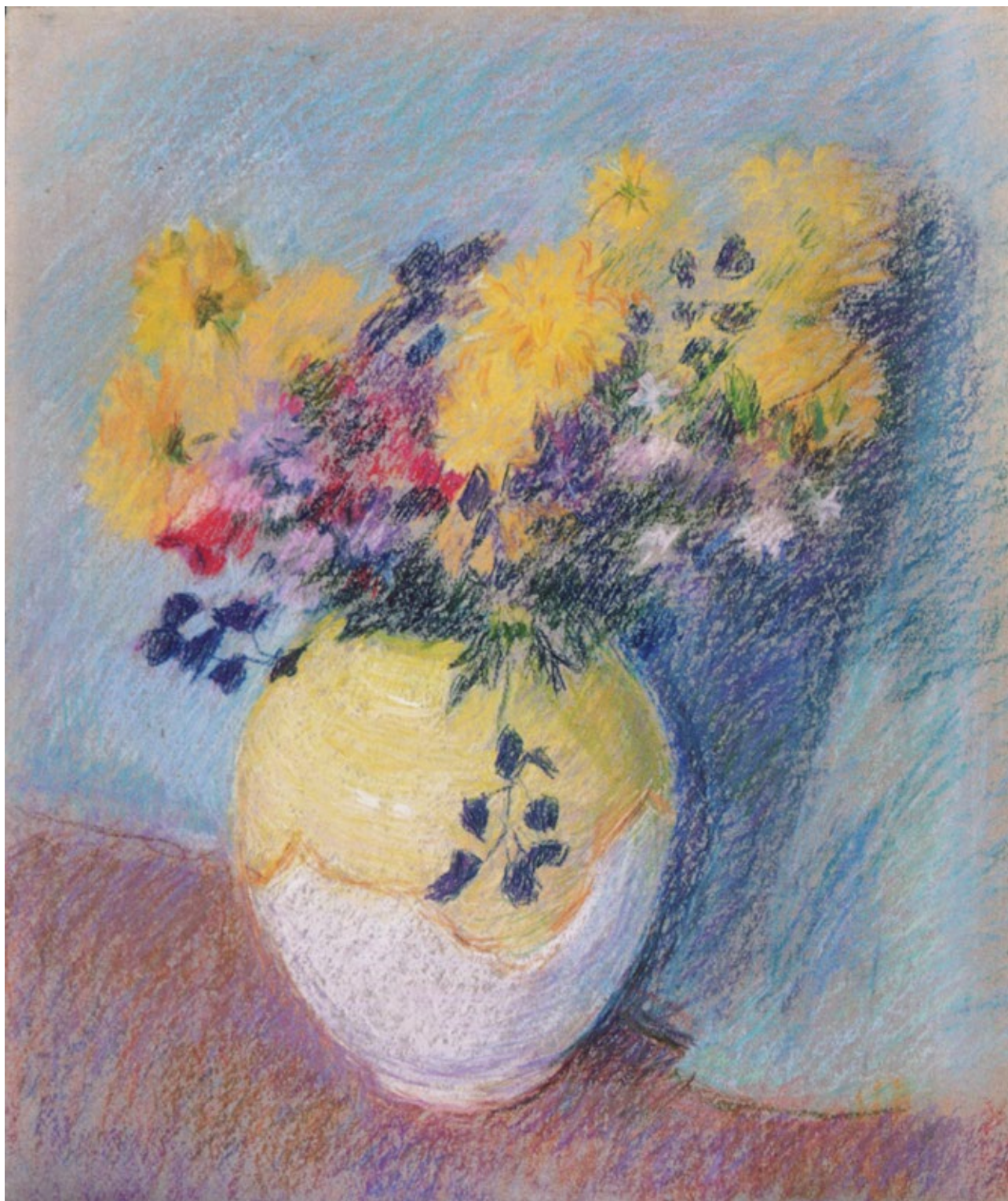
Метёт. К., пастель. 2000

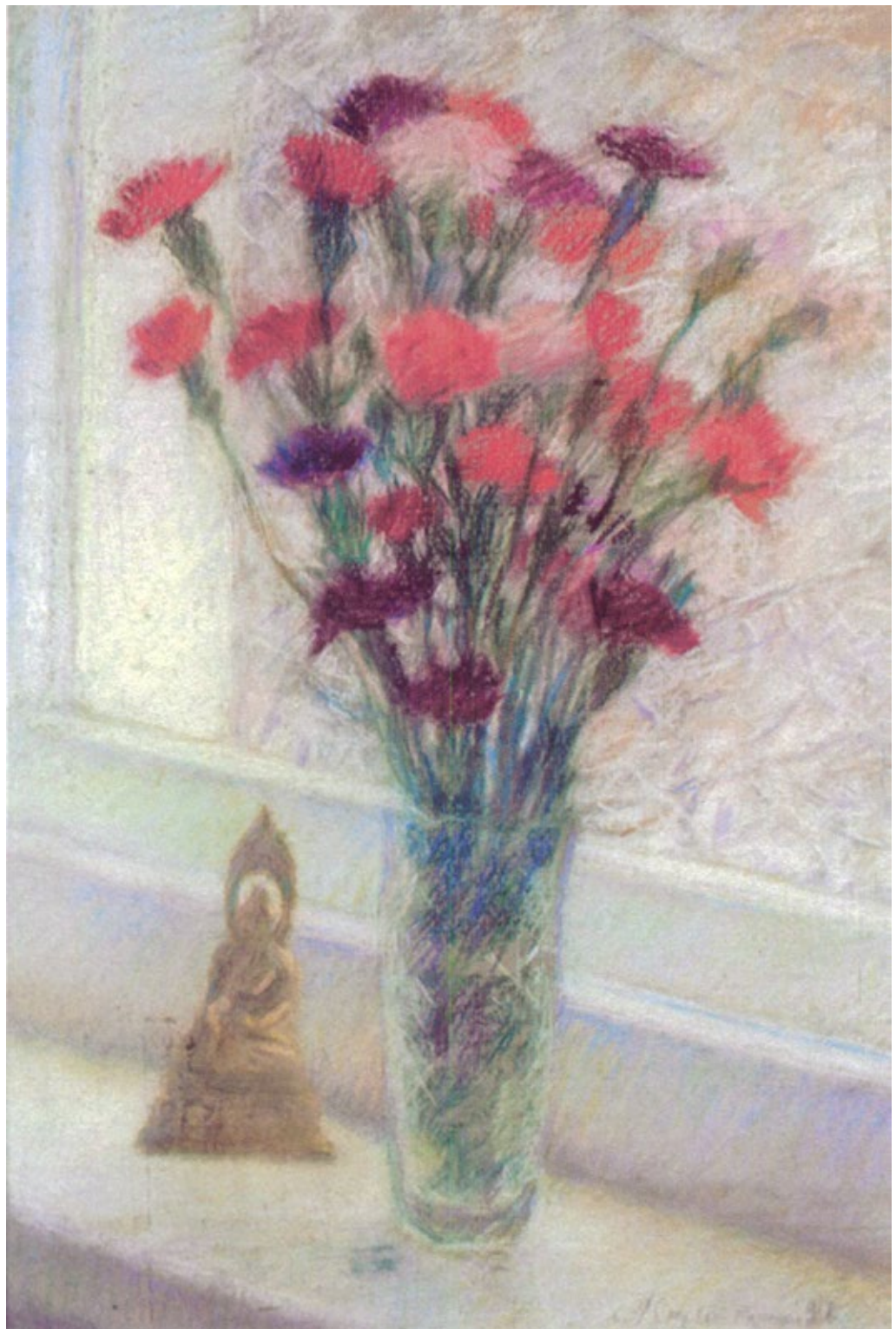
Интерьер комнаты художника. К., пастель. 2000-е

У окна кухни. К., пастель. 2001

Букет в круглой вазе. К., пастель. 2001

Гвозники на окне. К., пастель. 1998

Полевые цветы. К., пастель. 1999

Цветы в зеленом кувшине. Б., пастель. 2007

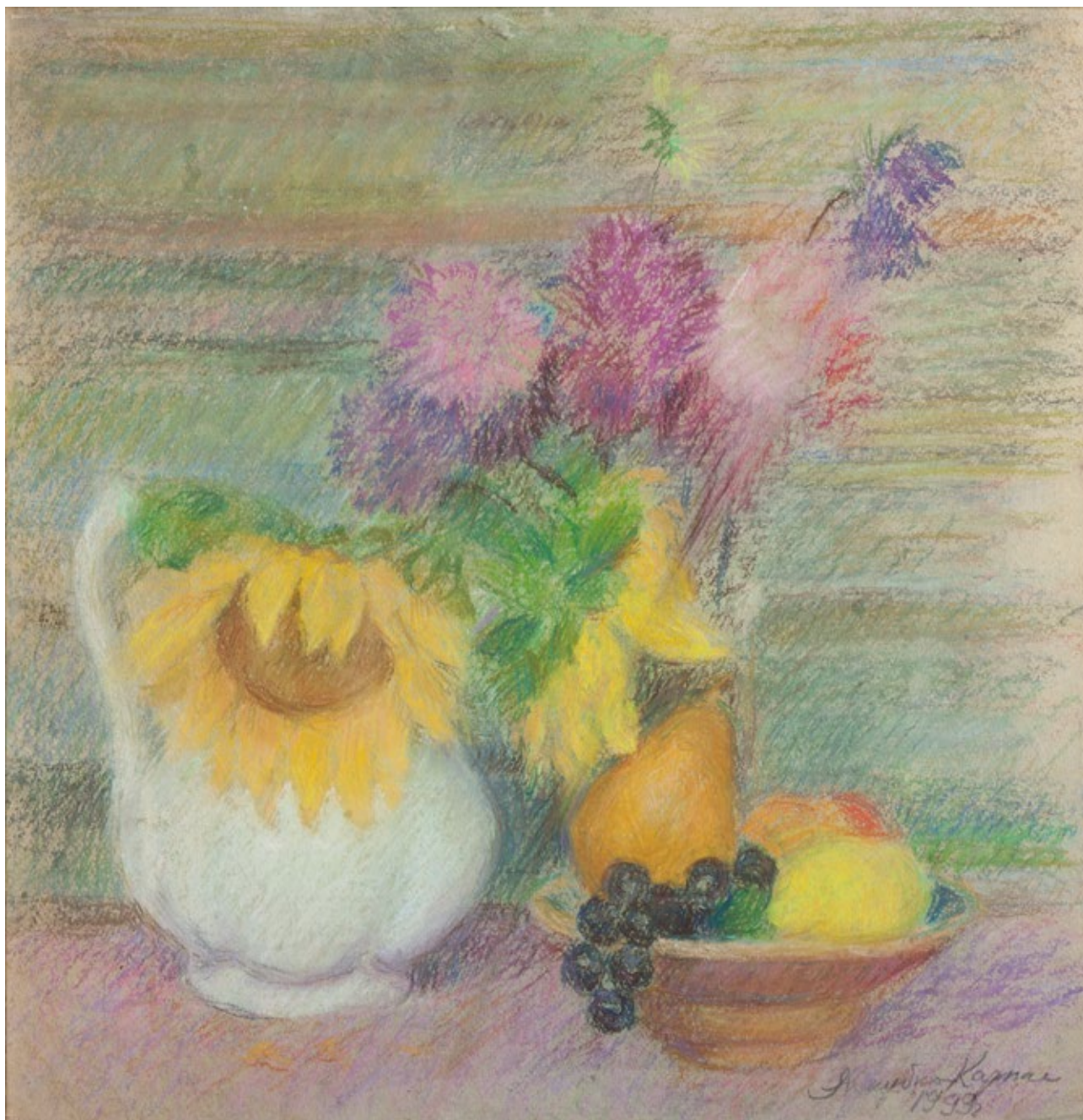
Восточный мотив. К., пастель. 2005

Астры в синей вазе. К., пастель. 2002

Цветы и мишка. К., пастель. 2001

Натюрморт с подсолнухом. К., пастель. 1999

Белые астры. К., пастель. 1998

Красные и желтые цветы в вазе. К., пастель. 2004

Нежность. К., пастель. 1998

Солнечный букет. К., пастель. 2007

Натюрморт с собачкой. К., пастель. 2001

Васька у окна. Арбат. К., пастель. 1965

Перечень работ

<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Девочка у окна мастерской. 1986 . . .	3
<i>Л.Л. Карпас.</i> Голова лося. 1933.	4
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Вид из окна мансарды на площадь Гар де л'Эст в Париже. 1982.	4
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> В оккупации. 1965.	5
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Девочка у аквариума. 1975.	6
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Тихий вечер. 1987	6
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Петька. к. м. 1945	6
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Грустная пионерка. 1964.	6
<i>С.М. Скубко.</i> Кишлак в горах Памира. 1980.	7
<i>С.М. Скубко.</i> Зима в Суздале. 1981	7
<i>С.М. Скубко.</i> Натюрморт. 1990	7
<i>В оранжеере МГУ. 1952–54 гг.</i>	9
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Сергей Скубко за работой в квартире на Арбате. 1952	9
<i>С.М. Скубко.</i> Суздаль. Отражение храма. 1991	10
<i>Помогают больной подружке.</i> 1956	10
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Лошадки. 1948	11
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> На фабрике кружев. 1948	11
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Перекур. 1951.	11
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Мужской портрет. 1957	12
Голова девочки. 1970.	12
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Леша маленький. 1968	12
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Музыка. 1953	12
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Вид с балкона квартиры на Арбате. 1973	14
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Цветы в кувшине. 1999	14
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Интерьер новой квартиры на Масловке. 80-е гг.	15
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Царевна-лягушка. 60-е гг.	15
Девочка в красном. 1963.	15
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Квартира на Старом Арбате. 60-е гг.	15
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Полковник танковых войск Л.И. Калинина, ветеран ВОВ. 1985	16
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Замира. 1980	16
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Таруса Домик в снегу. 1985	16
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Суздаль. 1989.	16
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Сидящая девочка. 1970	17
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Женский портрет. Франция. 1982	17
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Женский портрет. 80-е гг.	17
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Парижская крыша. 1982	18
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Русская церковь на улице Дарю в Париже. 1982	18
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Монмартр. Сакрекер. 1982.	18
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Портрет молодой таджички. 2007	19
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Парижский двор (двор редакции «Русской мысли»). 1990	19
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Китайские фонарики. 2008.	20
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Цветы на фоне зимнего окна. 2002.	20
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Белые цветы. 2000.	20
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Ира Спиридонова. 1997	21
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Наташа Силкина. 1998	21
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Мужской портрет. 1984	21
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Алена Силкина. 1997	21
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Алина Гонтмахер. 1999	21

<i>С.М. Скубко.</i> В.И. Ленин в вагоне поезда на пути в Петроград в апреле 1917 г. 1954 г.	22
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Арфистка. 1975.	23
<i>С.М. Скубко.</i> Соколова Пустынь . 1995	23
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Русская краса из Соколовки. 1965.	23
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Сливовый сад. 2007.	24
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Наш дом в Соколовке. Солнечный день. 1981	24
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Мужской портрет. 1959	25
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Портрет конферансье А. Г. Алексеева. 1965	25
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Печальный детектив. 1974	25
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Снегурочка. 1967	25
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Натюрморт с индийской статуэткой. 1998.	26
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Играет пианист Дмитрий Башкиров. 1972.	26
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Индийский дипломат Бопарай. 1980	26
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Портрет неизвестного. 1953	27
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Председатель ЧК в г. Чердынь А.П. Трушин. 1956.	27
<i>С.М. Скубко.</i> Весна в горах. 1981	28
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> В.И. Ленин в кабинете. 1971	28
<i>С.М. Скубко.</i> Старый басмач. 1972	29
<i>С.М. Скубко.</i> Суздаль. 1959.	29
<i>С.М. Скубко.</i> У старого Мулло. 1989	29
<i>С.М. Скубко.</i> Монастырь в Суздале. 1960	30
<i>С.М. Скубко.</i> Натюрморт с грибами. 1984	30
<i>С.М. Скубко.</i> Солнечный день в Суздале. 1981	30
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Д.П. Горский в Соколовой Пустыни. 1980.	30
<i>С.М. Скубко.</i> Студентка из Рио-Негру, Бразилия. 1963	31
<i>С.М. Скубко.</i> Студент из Южной Африки. 1967	31
<i>С.М. Скубко.</i> Портрет студента из Индонезии. 1961.	31
<i>С.М. Скубко.</i> Чохан Валиханов. 1968–1969 гг.	32
<i>С.М. Скубко.</i> Суздаль. 1991.	33
<i>С.М. Скубко.</i> Д.И. Менделеев. 1958	33
<i>С.М. Скубко.</i> Весна в горах. Цветение. 1980	36
<i>С.М. Скубко.</i> Ранняя весна в горах (горная река). 1981	36
<i>С.М. Скубко.</i> Авраам Линкольн. 1972	37
<i>С.М. Скубко.</i> Память о Средней Азии. 1990	38
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Старший сын Юрий. 1980.	40
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Алеша в мундире суворовца. 1972	41
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Корзиночка с цветами. 2009	45
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Суздаль. Кремль. 1989	46
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Интерьер в мастерской. 2006	47
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Автопортрет. 2000	48
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Доктор Ольга Демичева. 2006.	50
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Доктор Марк из 11-й горбольницы. 2000-е гг.	50
<i>Л.Л. Скубко.</i> Ранняя весна. 1952	52
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Юрка на даче. 1966	53
<i>С.М. Скубко.</i> Среднеазиатский этюд. 1968	53
<i>Л.Л. Скубко-Карпас.</i> Весна. Старая церковь. 1987 г.	54
<i>С.М. Скубко.</i> Сангардак. 1985.	56
<i>С.М. Скубко.</i> Зима в Суздали. 1996	57
<i>С.М. Скубко.</i> Кишлак над обрывом. 1969	58

<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Двор дома семьи Хрипченко, в Сариассие. 1983</i>	59
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Танечка. 1945</i>	60
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Изабель, школьница из Гренобля. 1982</i>	61
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Пьер. 1982</i>	61
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Преподавательница йоги. 1982</i>	61
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Маша. 1982</i>	61
<i>С.М. Скубко. Деревня Соколова Пустынь. 1970</i>	62
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Портрет отца. 1954</i>	63
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Рябина. Дачное крылечко. 2007</i>	64
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Старый ствол. 1947</i>	65
<i>Л.Л. Скубко-Карпас. Натюрморт с чашкой. Дача. 2007</i>	65

Сергей Михайлович Скубко. Живопись

Портрет. 1960 г.	68
Эмин Эмдин. 1960-е гг.	69
Дерево в горах. 1981	70
Память о Средней Азии. К. темп. 1991	70
Солнечный день в Хиве. 1983	71
Деревья в Соколовке. Зима. 1965	72
Дачный дом. 1981	73
Суздаль. Зимний день. 1980	74
Лето. 1987	74
Зима. 1990	75
Москва. Осень в Коломенском. 1981.	75
Начало осени. Ока. 1989	76
Хива. 1961	77
В деревне летом. 1983	77
Натюрморт. 1954	78
Зима в Соколовой Пустыни. Рождество. 2000	79
Натюрморт. 1959	79
Берег Оки. 1981.	80
Зимний этюд. 2006	80
Сергей и Юрий Скубко. Лесная сторожка. 2005	81

Людмила Львовна Скубко-Карпас. Живопись, графика

Пионер. 1962	84
Девочка. 1963	85
Алешенька. 1973	86
Доктор философии, профессор А.Л. Субботин на даче в Соколовке. 1980-е гг.	87
Бабка Анисья. 1975.	88
Юная спортсменка. 1959	88
Лара. 1960	89
Юра перед экзаменом. 1970.	90
Миша. 1978	91
Сима в голубом (жена художника Григория Цейтлина). 1985.	92
Фельдшер деревни Соколова Пустынь. 1987.	93
Юноша из Риги. 1970е	94
Надежда. 1961	95
Портрет генерала авиации Л.Д. Рейно. 1981	96
Портрет генерала. 1958.	97
Начальник Главсевморпути. 1979.	98
Рыбнадзор. 1987	98
Женский портрет. 1986.	99

Катя в красной кофте. 1969	100
Маша Сокольская на веранде. 1982.	101
Писатель В.Г. Лидин. 1963	102
Старый большевик И. Шеин, участник трех революций. 1963.	103
Девушка с косой. 1968	104
Юрочка смотрит на елку. 1956	105
Портрет тренера. 1964.	106
Библиотекарь в Соколовке. 1998	107
Дуэт. 1988.	108
Маленькая арфистка. 1999	109
Девочка в желтом. 1960-е	110
Мамата Абсумат из Джаркургана. Участник ВОВ. 1986	111
За вышиванием. 1959.	112
Портрет академика Льва Богуша, знаменитого хирурга-легочника. 1985	113
Мужской портрет. 1982	114
Евгения Семеновна Гофлин (теща профессора Д.П. Горского). 1970	115
Хива Медресе. 1983	116
Средняя Азия. 1983	117
Хива. Святое место. 1983	117
Замок Анри под Леможем. 1982.	118
Парижский дворик. 1995	119
Бриджит. Париж. Сотрудник архива. 1982	120
Церковь в нормандской деревне. 1990	121
Пейзаж с рекой. 1981	122
Дорога в Соколовой Пустыни. 2003	123
Домик в деревне Соколова Пустынь. 2000	124
Ранняя весна. 1987.	124
Соколова Пустынь. 1988	125
Суздаль. 1990	125
Осенние краски. 1988.	126
Летний домик Лёли. 2007	127
Соколова Пустынь. Осень. 1988.	128
Московский двор. 1982	129
Соколова Пустынь. Дорога. 1989	130
Домик в деревне летом. 1999	131
Дорога к деревне Соколова Пустынь. 1980	131
За окном осень. 2000	132
Метёт. 2000	133
Интерьер комнаты художника. 2000-е.	134
У окна кухни. 2001	135
Букет в круглой вазе. 2001	136
Гвоздики на окне. 1998.	137
Полевые цветы. 1999	138
Цветы в зеленом кувшине. 2007.	139
Восточный мотив. 2005	140
Астры в синей вазе. 2002.	141
Цветы и мишка. 2001	142
Натюрморт с подсолнухом. 1999	143
Белые астры. 1998	144
Красные и желтые цветы в вазе. 2004	145
Нежность. 1998	146
Солнечный букет. 2007.	147
Натюрморт с собачкой. 2001.	148
Васька у окна. Арбат. 1965.	149

Юрий Скубко со Светланой Феоктистовой в Париже

Из творческого наследия московских художников
Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас

Альбом

Альбом подготовлен к печати
издательством ООО Живопись-Инфо 2010
125047, Москва, 1-я Тверская-Ямская, 20. Тел.: 8 (499) 250-51-25
e-mail: painting-info@yandex.ru

Сергей Михайлович Скубко
Sergey Skubko
1922–2007

Родился 6 ноября 1922 г. в казачьем селе Сташевка Спасского района Приморского края. В 1930 году трудовая семья была раскулачена, лишилась имущества, но сумела перебраться во Владивосток.

После войны приехал в Москву и поступил во ВГИК откуда вскоре перешел в МГХИ им. Сурикова, который окончил в 1951 г. Дипломная картина «М.И. Калинин на родине среди крестьян». Член СХ СССР и МОСХа с 1954 г. Участник выставок с 1952 г.

В 50-е годы была написана серия картин на исторические и историко-революционные темы, некоторые из которых находятся в зданиях МГУ на Воробьевых горах: «Беседа М.И.Калинина с академиком Карпинским», «В оранжерее» (совместная работа с женой, художником Людмилой Скубко-Карпас), «Ленин в вагоне поезда в апреле 1917 г.».

В 60-е годы преподавал в УДН им. П.Лумумбы. В эти годы был написан ряд портретов студентов из стран Африки, Азии и Латинской Америки. В конце 60-х, 70-е и 80-е годы много путешествовал и работал в Средней Азии, выезжал в горы (Памир). В эти годы был также написан ряд композиционных портретов: «Федор Достоевский», «Ползунов – изобретатель паровой машины». Картина «Чохан Валиханов» была отмечена дипломом как лучший портрет 1969 года.

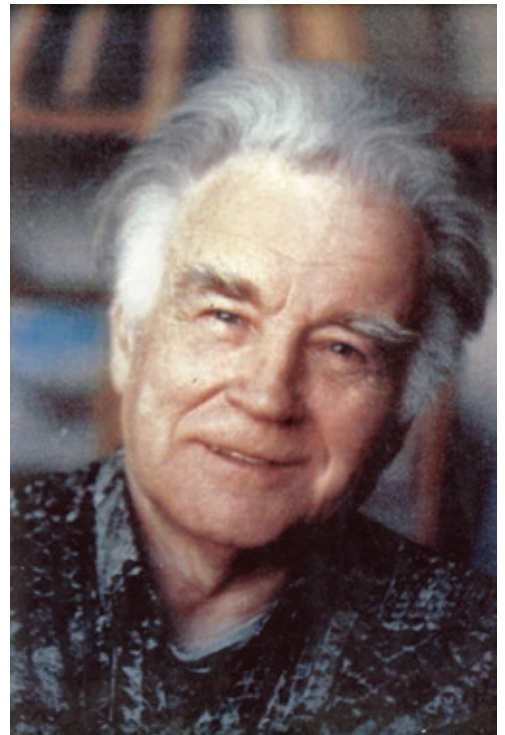
В 80-х и в 90-е годы интенсивно работал над пейзажем (Суздаль, Хива, Самарканд, Подмосковье).

Работы художника продолжают линию московской живописной школы, в частности традиции лирического пейзажа конца XIX – начала XX века. В последние годы жизни много работал в жанре натюрморта. Многие пейзажи и натюрморты написаны на семейной даче в приокской деревне Соколова Пустынь.

Много времени и сил художник отдавал общественной работе в жилищной комиссии секции живописи.

Ушел из жизни 21 января 2007 г. в Москве.

Картины находятся в музеях, галереях и частных коллекциях в России и за рубежом.

Born in 1922 in Stachevka, a Cossack settlement in the Russian Far East (near the Chinese border). Died in Moscow in 2007. Arrived in Moscow from Vladivostok in 1945 to get higher education. Graduated from V. Surikov Moscow State Artistic Institute in 1951. Exhibitions since 1952. Member of the Moscow Painters Union since 1954. Married Ludmila Karpas in 1948. Two sons – Yury (1953) and Alexey (1958). Worked as a painter for more than half a century developing realistic traditions of the Moscow painters school in all genres – portrait, landscape painting and still life. Since 1950-ies and 60-yies created a number of historic pictures and portraits of political personalities, scientists, travelers, peasants. In the 70-ties and 80-ies travelled a lot in Soviet Central Asia depicting glorious mountain scenery of Pamir And other places. In the 80-ies and 90-ies worked much in the ancient Russian city of Suzdal. Till the end of his life created landscape paintings of Russian nature in the Moscow region family datcha of Sokolova Pustyn village on the beach of Oka river. Pictures of Sergey Skubko are disposed in museums, art galleries and private collections in Russia and abroad.

ISBN 978-5-9903389-4-4

9 785990 338944

ООО Живопись-Инфо 2010

Москва, 1-я Тверская-Ямская, 20. Тел. (499) 250-51-25. E-mail: painting-info@yandex.ru